

90427
1192

Мухаммед-Тахир аль-Карахи

БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

47

МУХАММЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ

9 (Даг)

M92

БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

Перевод с арабского

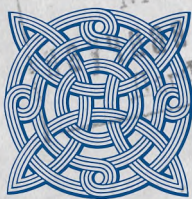
А. Барабанова

Часть II

Махачкала 1990

«Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах» принадлежит перу Мухаммед-Тахира из сел. Цулда общества Карах. Автор опирается в своей работе на рассказы Шамиля, отдельных участников Кавказской войны и на личные наблюдения. Сочинение Мухаммед-Тахира Карахского является одним из ценнейших местных источников по истории борьбы горцев Дагестана и Чечни с царизмом.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

Библиотека фонда Шамиля.

instituteofhistory.ru

Махачкала
БИБЛИОТЕКА
ИЦ РАН СССР

155631

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ АНСАЛЬ

Когда народ увидел благоприятствование времени и содействие всемилосердного в борьбе против людей непослушания и во взыскании с братьев шайтана,¹ то усилились их желанья к джихаду—встрече с врагами—и стремление разжечь против врагов огонь битвы.

Народ просил имама о выступлении в поход и неотступно требовал этого похода. Имам же отговаривался многочисленностью врагов и малочисленностью своего снаряжения. Ведь у них было бранных снарядов только около тысячи и пороху соразмерно снарядам. И вот как раз в это время пришло письмо от Хаджи Мурада. А он был набом селения Чох и принадлежащих этому селению местностей. В письме сообщалось, что обильными дождевыми ливнями снесено большинство мостов и остался только один какой-то мост.

Тогда имам сказал: «Не осталось для нас из обстоятельств успеха и содействия ничего, кроме как принять руку (помощи аллаха)». И он приказал Амир-хану погадать на Коране. Амир-хан сказал: «Я видел во сне, что я как будто бы поднялся на Эльбрус—гору в Черкесии, говорят, что нет в мире горы выше этой. И вот, когда я думал, что я взобрался на самую вершину, передо мной появилась другая гора, выше того места, где я находился, и у меня нет сил взобраться на нее. Я думаю, что мы овладеем кроме этой большой крепости в Авари (другими крепостями)». Конец.

Они выступили. Имам послал гонцов для сбора ополчения по дороге (следования). Они шли и днем и ночью, обгоняя даже вести (о их приближении). Когда они остановились на равнине Ихали, к имаму пришел один из доверенных осведомителей хунзахцев. Он просил имама подняться прежде всего к ним. Имам

¹ В рукописи А: «Против отошедших от правил ислама и мусульман».

ответил: «Невозможно начинать какое-либо дело со середины, надо начинать с краю».

Когда войска Багуляля и те, кто был с ними из мухаджиров Чиркея, достигли долины Ансалья, а аллах отвел глаза ансальских дозоров от этого войска, и узнали об этом приближении войск те, кто находился в селении, то выступили из ансальцев. около сотни тех, кто славился среди народа храбростью и отважностью. Когда эта сотня встретила (с войсками Багуляля), то они были биты сильным боем. Те из них, кто остался в живых, а их было около 20 человек, собрались там на одном хуторе. В это время передовые части войск имама уже вышли из Харачи. Они закричали находившимся на хуторе: «Выходите и сдавайтесь и не будет вам причинено вреда» и что это передовые части войск имама. Но те этому не поверили, они думали, что это пришла к ним помощь от русских. Они были биты также, как и в первый раз, от их же рук не произошло никакого вреда. Ансаль остался с подрезанными крыльями. Имам остановился в долине. Войска расположились в других долинах, поджидая пока не придут снаряжение, пушки и остальные войска.

Постоянно идущие дожди были настолько обильны, что стали наносить вред войску. И вот в одну из ночей имам, бодрствуя, находился в своей палатке. Его товарищ Амир-хан спал рядом с ним. Имам вышел из палатки. Не было видно никого, кроме спящих, включая даже и выставленные дозоры. Имам был озабочен и скорбел о положении войск, страдающих от обилия дождей. Он тогда вспомнил предание о городе Газне. Вот это предание.¹

«Есть поблизости от города Газны источник. Если бросить в него что-либо из нечистот или грязи, то тотчас изменяется погода. Становится холодно, поднимается сильный ветер, дождь и снег. И так продолжается до тех пор, пока не извлекут из источника эти нечистоты. Рассказывали, что когда султан Махмуд, да покроет его аллах своим милосердием, хотел взять Газну, то при каждой его попытке жители Газны бросали в тот источник что-либо из нечистот. Поднималось сильное смятение вследствие сильного ветра, холода и дождя. Махмуд возвращался со своими войсками как разбитый. И вот в одну из ночей он начал молиться и взывать к аллаху. Он сказал: «О, аллах, если мое намерение взять эту страну суть приобретение только здешнего мира, то отклони мои помыслы от этого и направь меня к добру, если же мое намерение взять эту страну суть воздаяние, награда и укрепление могущества ислама, то укажи мне путь к завоеванию этого горо-

¹ Последующий рассказ имеется только в рукописи А. Он дан вставкой на отдельном листе.

да и дай покой сражающимся за веру на твоём пути». Затем сделал земной поклон и спал преклоненным, а лицо его было на земле. И вот (во сне) пришел к нему пришедший и беседовал с ним, ясной речью говоря: «О сын Себук-тегина, если ты хочешь избавиться от этого бедствия, то пошли охранять этот источник от нечистот. И если ты его охранишь, то твое старание будет вознаграждено, твои грехи—прощены, а твое дело—одобрено». Он проснулся и послал охранять источник. Затем пошел на Газну и взял ее во мгновение ока». ¹ Тогда имам склонился щекой на ладонь и поведал аллаху всевышнему свои тайные помыслы. Он сказал: «О господи, поистине, мы видим тех приносящими зло, творящими пороки, несправедливыми и угнетателями. Если это так, то даруй же нам победу над ними и облегчи для нас наше дело. Если же ты не хочешь их унижения и оставления без помощи, то верни нас сохранными без позора и сожаления». И вдруг были прочтены над ним,—а он бодрствующий еще даже не успел задремать,—с левой стороны к правой слова всевышнего: «И сколько селений погубили мы в это время, когда они были злочестивыми». ² Имам был обрадован. Он разбудил Амир-хана и рассказал ему об этом слышанном им чтении. Амир-хан истолковал это как (предсказание) завоевания и победы. Конец.

Явились остатки войск. Пушки и снаряжение были доставлены. Имам построил войска и назначил для каждого место битвы.

В один из дней выступили против них жители Хирига. Вслед за ними для помощи выступили их братья-отступники. Но они были прогнаны и обращены в бегство.

Однажды ночью со стороны Харачи спустилось около 600 человек русских. Они остановились на вершине горы напротив войск имама. Когда настало утро и войска имама увидели русских, то имам приказал выступить против них. Войска двинулись к русским сомкнутыми рядами. Русские начали отходить обратно туда, откуда пришли. Тогда хаджи Муса ал-Унцукулуви пошел с отрядом (в обход) и заставил их вернуться обратно. Русские были биты и начали отступать, а войска имама уже брали верх над ними. Имам смотрел на них в подзорную трубу. Вдруг облако на короткое время скрыло войска от взора имама, и в это как раз время началось отступление войск имама. Но прошло облако и имам увидел войска в таком же положении, как они были до наступления русских и отступления его войск. Русские были перебиты до последнего. Из них не спасся никто, кроме одного сол-

¹ Глосса—из «Сокровищницы чудес».

² Коран, 2244.

дата, вплавь перебравшегося через реку. Говорят, что он также был убит. На второй день русские выступили против Гальбаца, наиба Каляляля. Они были в селении Харачи. С ними сражались, били их жестоким боем и прогнали позорнейшим образом. Затем войска имама повели битву против тех, кто находился в этом селении. Они его взяли. Те, кто боялся за себя и свое имущество, убежали со своими семьями и имуществом в крепость и смешались там с солдатами. Тогда разожгли битву против крепости некоторые люди. Они бросились в крепость. Но находившиеся там дали им отпор из своих укреплений. Бросившиеся на крепость отступили.

Народ с некоторыми наибами отклонился было от битвы, но имам встретил их с выговорами и угрозами, а он находился вблизи крепости, и они вернулись вновь к битве и сражались. Когда усилилась против врагов битва и осада и стал многочисленным среди них урон, они сдались и вышли на суд имама во главе с Кибидом Хаджиявом ал-Унцукулуви.

Имам забрал то, что находилось в крепости из пороха, снарядов и пушек, разделил на пять частей солдат и прочих людей и распределил их, (как было установлено). Начальник их был сохранен. В крепости находилось множество больших бревен. Их свезли туда, по приказу русских, жители Ансаля и Гимр для перестройки крепости в Цатанахе. Бревна были сожжены. Пали смертью праведных в этом сражении около 120 человек и было ранено около 1520 человек.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТЕЙ БАЛАГИН, МОКСОХ, ЦАТАНАХ, АГАЛИЧ И ХОЦАТЛЬ

Когда было завершено покорение, и подчинение Ансаля, а это было тот третий раз, о котором предсказывал его жителям павший смертью праведника Гази Мухаммед, да будет свята его душа, о чем было сказано выше, то войска имама выступили против крепости Балагин.

Находившиеся в крепости сражались немного, а затем скоро сдались. Имам преклонил голову перед аллахом в благодарность (за беседу). Находившееся в крепости снаряжение было забрано. Начальник их был сохранен, а остальных распределили (положенным порядком). Затем отправились в крепость Моксох и завершили ее дело таким же образом. Затем пошли в Цатанах. Русские до этого строили там большую крепость, но им так и не удалось завершить эту постройку.

Завязалась сильная битва. Сражались и те, кто был в крепости, и те, кто находился в соседних с крепостью домах. Они не сдавались, пока их не взяли силой, поведя сильную атаку на них и на места расположения их пушек. Они были перебиты от первого до последнего, не осталось ни одного. Крепость сожгли.

Исламом имама было установлено, что если кого брали силой и победой над ним, то не оставляли в живых ни начальника, ни подчиненного. Если же кто сдавался добровольно, повинуюсь (имаму), то их оставляли в живых.

Рассказывают, что в Цатанихе тогда находился один «мужлан», пришедший для наблюдения за крепостями. Когда осажденные задумали сдаться, то он им заявил: «По закону царя нельзя отдавать эти великие вещи без боя». Он был убит и осажденные перебиты. Там нашли большой погреб, наполненный порохом и ружьями, и склады, наполненные ячменем, который собирали и хранили там русские для снабжения рабочих при постройке крепостей в Анди и Ботлихе и для содержания гарнизонов этих крепостей.

Имам прославил и возблагодарил всевышнего аллаха за то, что он даровал ему это снаряжение. Патроны распределили среди войск, а остальное снаряжение было увезено про запас для последующих битв и бедствий.

Рассказывают, что когда имам послал в Цитин сказать, чтобы жители отделились от неверных и сражались против них: «Если повинуетесь мне (то будет хорошо), если же нет, то приготовляйтесь для битвы и сражения со мной», то они, т. е. жители Цитина и русские, смирились и вернули обратно в Цитин то, что было у каждого (спрятано) в разных краях—женщин, детей и имущество. Так было, пока не пришел имам. И хвала аллаху, владельцу щедрот. Конец.

Затем имам со своим победоносным войском остановился в Танусе. Отсюда он послал войска к укреплениям в Агалич и Хоцатль. Что касается (защитников) крепости Агалич, то они постреляли из пушек для того, чтобы говорили, что они сражались, и сдались. Защитники же крепости Хоцатль сражались до тех пор, пока их пушка не была разрушена снарядами пушки имама, только тогда они сдались. Солдаты и снаряжение были разделены на 5 частей и распределены (по положенному порядку). Цена солдат упала настолько низко, что их даже не покупали за 10 шахов человека.

Затем имам послал к жителям Аварии сказать: «Если вы отделились от неверных, то будет вам уважение и слава». Но они этого не послушались.

Дополнение. После того, как аллах всевышний помог прогнать неверных из этой страны (Аварии) и очистить от них эту землю,¹ имам неоднократно совещался со своими помощниками, с каждым отдельно, о том, чтобы разрушить эту страну и расселить по разным местам ее жителей. Когда он посоветовался с ученым Заголовом ал-Хараша, тот сказал: «О сын мой, я раньше отговорил тебя от выселения прочих жителей Хунзаха² из их родных мест, но дело вышло противоположно тому, что я думал, оно совпало с твоим мнением. Да ты ведь и создан для этого дела,³ опытен и искренен в нем. Делай как думаешь, ведь аллах всевышний сказал: «Если они оба захотят⁴ примирения, то аллах помирит их между собою».⁵

Затем имам созвал по этому поводу широкое совещание ученых и умных людей. В конце концов дело дошло до выселения аварцев из этих злополучных мест и достойных порицания сборищ путем разрушения их жилищ и удаления их поселений для пересечения источников пороков и рассеяния их в разные стороны от рудников расколов и сопротивлений. Они начали разрушать свои жилища своими собственными руками и руками правоверных. И не осталось в этой стране крова, под которым можно было бы укрыться, кроме часовни шейха Абу Муслима, да будет свята его душа, и хвала аллаху, владельцу мира.

ГЛАВА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ АВАРСКИХ СЕЛЕНИЙ ПУТЕМ РАЗРУШЕНИЯ ИХ РОДНЫХ МЕСТ И ЖИЛИЩ

Причина этого следующая. Когда имам узнал о приходе начальника русских Аргута с войсками для поддержки и помощи находившимся в большой крепости в Хунзахе, которые не могли выйти из крепости, то он послал отряд войск для сражения и да-чи отпора войскам Аргута в Чальды, местность Хоцатля.

Войска там встретились. Посланный отряд бился, но вернуть войска Аргута и оказать им сопротивление не смог. Тогда они уклонились от битвы и окружным путем вернулись к имаму. Имам

¹ Глосса: «Т. е. после взятия крепости Гергебиль и прихода имама на плоскость равнины. От автора».

² Глосса: «О чем речь пойдет в дальнейшем. От автора».

³ Глосса: Т. е. для управления имаматом».

⁴ Глосса: «Сказал Ибн Аббас, да будет аллах доволен обоими (т. е. Аббасом и его сыном): «Они два судьи—помирят аллах их между собою»—точно так же для каждого стремящегося к миру способствует аллах в правде и справедливости (Асна ал-Маталиб)».

⁵ Коран, 439.

собрал затем мюридов и наибов и стал советоваться с ними о том, что делать, так как русские с Аргутом уже проникли на землю Хоцатля. Собранные порешили на том, что «нужно нам вернуться с этими великими трофеями и благородной добычей, ибо обычай наших отрядов—не встречаться в битве с врагом после того, как в руки отряда попала какая-либо добыча». Тогда имам сказал: «Я не вернусь таким образом, дабы не было сказано, что «вот они убежали в страхе перед каким-то христианином с грязным сиденьем и оставили ему свои завоевания после того, как аллах всевышний даровал им славиую победу, великие завоевания, многочисленную добычу и большие сокровища». Так давайте же потерпим до тех пор, пока не пожнем одно из двух наилучших благ—победу над врагом, или смерть праведников за веру».

Тогда они, устыдясь, отказались от своего мнения и, признавая справедливость мнения имама, согласились с ним. Имам приказал сделать завалы на окраинах селения Танус, укрепить его хорошими преградами, расположить в должном порядке наибов с их регулярными частями и ополчениями и приготовить места для установки пушек. Когда показался конный авангард Аргута, состоящий из отступников, то известный Шуайб ал-Чечени попросил у имама разрешения вступить в бой против них со своими чеченскими всадниками и отразить врага по их чеченскому обычаю. Когда Шуайб вышел, то навстречу ему двинулись всадники Аргута, а затем русские отступили, и Шуайб с товарищами вернулся обратно. Аргут со своим войском поднялся на плато Хунзаха. Из крепости вышел один отряд и присоединился к его войскам. Они направились против войск имама, находившихся в Танусе, (идя такими местами), где их никто не встречал и не оказывал никакого сопротивления. Когда они приблизились к Танусу, то оттуда открыли по ним стрельбу пушечными ядрами, которые нанесли им многочисленный урон. Они остановились и не могли продвигаться вперед, по ним стреляли и спереди и с правого фланга. Укрепиться там они не могли, поэтому отступили и удалились. Они остановились в безопасном месте рядом с селением Гинчук.

Затем имам спросил мнения великого ученого Заголова о том, чтобы переселить жителей селений Хунзаха и сжечь их жилища. Но тот удержал его. Он заявил: «В таком случае здесь обоснуются русские войска». Тогда имам собрал руководителей и почитаемых людей Хунзаха и спросил их совета—что сейчас делать? Среди собравшихся находился умный храбрец Тана Мухаммед ал-Хацалухи, который вплоть до этого дня шел вместе с русскими в борьбе против имама. Он сказал: «Ты управитель над всеми людьми этого округа вплоть до Гехи и знаешь что наиболее пра-

вильно». Но когда он понял, что имам ищет у них ответа, то сказал: «Мы думаем, что в интересах дела нужно разрушить наши жилища, сжечь наш сжатый хлеб, (находившийся еще в снопах), а нам переселиться туда, откуда мы не вернемся до тех пор, пока русские не будут изгнаны из этой земли». Имам был доволен этим мнением и речью и назначил для выполнения этого дела Хаджи Мурада с конными войсками. И они пошли, сжигая и разрушая. Когда же они приблизились к крепости, то навстречу им вышли русские. Произошло сражение. Затем имам выслал войска навстречу отряду русских в Хоцатль для того, чтобы отрезать им дорогу к плато Хунзаха, а сам с товарищами остановился в Алладе—это край полей Буцуна, возвышающийся над Хоцатлем. Он и его товарищи оставались там, соблюдая строгую тишину. Враги вышли вслед за войсками, посланными для упомянутой цели (отрезать путь русским на плато Хунзаха), но эти войска разошлись по своим родным местам и рассеялись по своим селениям, не захотев там встретиться в битве с врагами. Они бежали, обгоняя один другого. Имам вернулся на утро, после того как провел в посте более 10 дней рамадана, невредимым, унося с собой добычу в виде хорошего обильного снаряжения и больших и малых пушек. Хаджи Мурад со своими мухаджирами и пушкой остался в селении Сиух, защищенном завалами и преградами. Он заявил: «Я не оставляю это селение, пока не будет победа над нами».

ГЛАВА О НОЧНОМ ПОХОДЕ ИЗВЕСТНОГО ХРАБРЕЦА ШУАЙБА ДЛЯ ЗАХВАТА БАРАНТЫ У ЖИТЕЛЕЙ РАВНИНЫ

В то время, когда имам был в этом славном походе на плато Хунзаха, вышел Шуайб с теми, кто был с ним, спустился на поля жителей равнины и пригнал оттуда множество баранты. Говорили даже, что ее было около 16 тысяч голов. Они вернулись невредимыми. В связи с этим улетели сердца жителей равнины, и земля стала тесной для них, вопреки ее просторам. С этих времен расширились области, (подчиненные) шариату. Те, кто раньше отрицал шариат, начали сейчас даже опережать мюридов в его выполнении, оказании помощи его руководителям и поддержке их, с серьезностью и усердием, оказанием услуг и помощью. Надели их аллах всевышний искренностью намерений во вратах добродетелей. И хвала аллаху, владельцу миров.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ ГЕРГЕБИЛЬ, ОСАДЕ КРЕПОСТИ ТЕМИР-ХАН-ШУРА И ПРОЧЕМ

После того, как имам вернулся из этого славного похода, он оставался (дома) для того, чтобы разговелись и несколько дней шаввала. Затем выступил и остановился у крепости Гергебиль. Он сражался с теми, кто был осажден в крепости около недели. Затем аллах всевышний открыл ее перед ним, вопреки желаниям в ней находившихся. Были перебиты находившиеся в крепости все до последнего и захвачено все, что там было найдено.

В Гергебиль к имаму явился посланец Аслан, кадий Цадакара. А кадий Акуши прислал посланца покорного человека Кадиласуль Мухаммеда. Сын этого Мухаммеда, хаджи Абакар, с отрядом из жителей Акуши отправился для грабежа имущества неверных, стараясь первым достигнуть разрыва того, что было между жителями Акуши и русскими. Но большинство его отряда вернулось с дороги, боясь того, что хаджи Абакар выступил, не попросив разрешения у своего отца. Осталось с ним только 18 человек. Они пришли на пастбище Манасу и захватили там с морского берега около 300 голов скота.

Затем собрался народ из Акуши, Тарго, Гарабудага и других селений и напал на судно русских, называвшееся «Макар», груженное разными дорогими вещами и большими богатствами. Судно было разгружено на берегу моря в стороне Тарго. Они забрали с судна то, чем обогатилось большинство из них. Затем имам вышел, остановился в Джанкоте и сжег жилище Ахмед-хана. Здесь к нему пришел кадий Акуши, а также пришли акушинские войска. Затем имам остановился в доме шамхала в Казанищах, а войска расположил в селениях вблизи крепости Темир-Хан-Шура.

Отсюда имам послал отряды и экспедиции на равнину собрать баранту для провианта. Здесь они съели из их баранты до 40 тысяч голов, из них 11 тысяч, принадлежавших жителям Чахаля, и немного—жителям Сугратля. Они осаждали тех, кто находился в крепости Темир-Хан-Шура. Имам послал отсюда к крепости Тарго войско вместе с жителями Акуши. Они взяли там некую русскую крепость и забрали из нее многочисленное имущество. Когда же была уже близка победа над этой крепостью в Тарго, пришла к русским помощь извне. Тогда находившиеся в крепости вышли на открытое место, рассыпавшись без строя, для битвы с войсками имама. Когда оба войска встретились, то новые акушинские войска уклонились от сражения. Пришедшие русским на помощь вошли в крепость, а затем вышли со всеми, кто там

был, забрав все там находившееся и убежали к морю на судно. Конец.

Затем имам послал войско в крепость Бурандиб, расположенную вблизи могилы шейха Асильдара. Находившиеся там сдались, и крепость была взята.

ГЛАВА ОБ ИЗГНАНИИ РУССКИХ ИЗ ХУНЗАХА И ОСАДА ИХ В УКРЕПЛЕНИИ ЗЫРАНИ

Когда имам взял крепость Гергебилъ и оставался со своим победоносным войском на просторах равнины, заколебалось дело неверных в крепости Хунзах и стала узкой для них земля, несмотря на ее просторы. Тогда начальник русских начал требовать от аварского населения заложников за заложниками. Когда же население проявило в этом полное повиновение, то он возвратил им всех заложников, которые были в крепости и сообщил им о том, что они хотят уйти из крепости. Он плакал и увещевал их, чтобы они не изменили им и не ударили им в тыл после их ухода. Он сообщил также им, что при уходе они оставят огонь в пороховом погребе для взрыва, чтобы не приближались к этому погребу. Затем они уничтожили то, что не могли взять с собою из пушек, а то, что не могли уничтожить, сбросили в ущелье Арук. Когда русские собрались уходить, слепой Алибек ибн-Хусейн советовал аварцам: «Не завязывайте с ними битвы, пока они не начнут спускаться с горы Алах, чтобы они не вернулись в крепость, так как тогда дело усложнится. Кроме того, дайте знать жителям шамхальства об этом отступлении русских для того, чтобы они присоединились к вам. Поистине среди них также есть герои».

Когда русские начали спускаться с Алаха, аварцы напали на них с тыла и причинили им многочисленный урон. Когда имам узнал об уходе русских из Хунзаха и остановке их в крепости Зырани, то он послал войска для осады их в этой крепости. Осада в этой крепости была тяжела для русских; у них истощился провиант, они голодали до того, что даже ели конину. Когда имам приказал дать им дорогу (к отступлению из крепости), они вышли оттуда после того, как побросали в Большую реку (Койсу) то, что не могли взять с собой из пушек, пороха и снарядов. Конец.

Имам сидел в Казанищах около 23 дней. В это время к нему пришло посольство из Чиркея, состоящее из кадия Тахмаз-хана и Джемаля с товарищами. Они пришли лишь после того, как чиркеевцы объявили войну русским, которые находились у них

в крепости за рекой. Они отпустили к русским солдат, находившихся в укреплениях в верхнем конце их селения. Они отослали этих солдат невредимыми. Затем они разрушили: это укрепление; укрепление, бывшее на их полях; укрепление, стоявшее в стороне моста, за рекой; укрепление у теснины реки; укрепление, стоявшее там на чистом месте, и церковь, находившуюся между одним из укреплений и большой крепостью. Таким же образом явились к имаму в Казанищи жители Гимр, после того как дали дорогу тем, кто находился у них в крепости, а крепость разрушили. Жители равнины стали приходиться в Тарго усмиренные и покорные имаму, кроме тех, кто убежал в крепость Темир-Хан-Шура, как, например, шамхал Абу Муслим и ему подобные из знати. От жителей долины имам взял и отослал множество заложников, среди них были: кривой Буда ал-Джанкоти, сын кадия Айюба и им подобные. Он отослал также заложниками семейства тех жителей Чафара, которые убежали в крепость.

Затем имам послал хаджи Кибид ал-Унцукулуви с товарищами для переселения из Тарго останков павшего смертью праведника Гази Мухаммеда. А Кибид знал место его погребения. Они вырыли и перенесли останки в Гимры, как было описано выше.

Те, кто подчинился имаму, неоднократно просили его оставить войска там у них, так как они боялись врагов, за себя и за свои семьи, в случае, если уйдут от них войска имама и оставят их; так продолжалось до тех пор, пока не пришла к русским помощь со стороны. А было время сильных холодов. Войска имама уклонились от битвы. Они еще до этого были изнурены пребыванием там на одном месте. Тогда имам и его товарищи вернулись в Эрпели. Отсюда имам послал освободить путь тем, кто был осажден в крепости Зырани, и разрушить и уничтожить ее после ухода из нее осажденных. И да прославится аллах всевышний славой без начала и конца.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТЕЙ ЯНГИ-ЮРТ, ЦУБУТ, МИАТЛЫ И ГЕЛЬБОК

Когда имам спустился на равнину, то находившиеся в крепости Янги-юрт и Гельбок ушли, оставив в крепостях массу разного имущества, военных припасов и поделок из железа—столько, что не сочтешь и не определишь. Уходившие приказали жителям Янги-юрта и Гельбока не брать и не дотрагиваться ни до чего того, что было оставлено в крепостях до тех пор, пока не придет мюриды Шамиля и не заберут эти крепости

Весть об этом дошла до Хаджиява, сына Шахмаандара, наиба Салатау. Он отправился с салатавцами в эти крепости и увез то, что было, погрузив на арбы, взятые у жителей Янги-юрта. Рассказывают, что там имелось 14 полных арб сукна. Все захваченное доставили в селение Дилим. А большие пушки, которые не могли утащить, сбросили в Большую реку (Койсу). Затем салаватцы направились в крепость Цубут. Жители Цубута попросили 3 дня отсрочки для приготовления к борьбе с врагами, после чего они сами (обещали) начать сражение и прогнать врагов. Салаватцы дали им эту отсрочку. И когда ночью пришел отряд русских из Темир-Хан-Шуры и уже был близок от входа в селение, цубутовцы повели против них сражение и обратили их в бегство. Пришедшие убежали за реку с теми, кто находился в вышеуказанной крепости. Затем после 3 дней цубутовцы начали сражаться против тех, кто был в двух крепостях, находившихся в селении. Они сдались и вышли на суд наиба. Наиб судил их по низаму Шамиля. Затем салатавцы осадили крепость Миатлы. И уже почти была близка победа над ней, как вдруг выступили ночью против салатавцев русские, пришедшие со стороны на подмогу к осажденным. Салатавцы замешкались, а в это время пришедшие на помощь присоединились к находившимся в крепости и ушли с ними, захватив то, что было в крепости и побросав в реку свои пушки, которые они не смогли утащить с собою. Когда русские ушли, салатавцы вошли в крепость и разрушили ее до основания, забрав то, что там еще оставалось.

ГЛАВА О НАБЕГЕ ЭФЕНДИ НА ХАЙДАК И ТАБАСАРАН

Омар ал-Хайдаки находился при имаме как мухаджир (т. е. перебежчик из области, не подчиненной Шамилю). Он попросил у имама после возвращения из Казаниц дать ему войска для покорения той округи (из которой он был родом) и подчинения ее имаму. Имам послал мухаджира кривого Мухаммеда Эфенди ал-Хуми, а Хуми—селение поблизости от Гази-Гумука,—с отрядами 4 наивов, в конце зимы этого 1260 (1844) года. Он приказал Эфенди присоединить к этим войскам войска из вилайета наиба Аслана ац-Цадакари и вилайетов кадия Мухаммеда, наиба Акуши. Эфенди отправился с ними. По дороге его встретил некий ученик с письмом от кадия Акуши. И вот в этом письме сообщение для Эфенди: «Поистине, эти наши жители не будут выполнять твои приказы, пока у них хватит на это сил».

На это письмо Эфенди послал ответ: «Поистине, мы не вернемся, кроме как по приказу возвращающего». Они шли до тех

пор, пока не остановились в Цадакаре у кадия Аслана. Забрали у него ополчение, двинулись дальше и остановились у кадия Мухаммеда в Акуши, вопреки желанию его жителей. Они пребывали там, набирая войско из жителей Акуши, которые втайне охотно соглашались на это. После всякого всего акушинцы послали с Эфенди свое войско во главе с хаджи Абакаром. Затем остановились в Кишабе и подчинили его жителей, назначив над ними наибом мухаджира Омара ал-Хайдаки. Затем остановились в Маджалисе. Чамал-хан убежал к русским. Они пригласили в Маджалис около 60 человек знати из вилайетов Хайдака. Эта знать воспротивилась тому, чтобы войска останавливались в их селениях, и повернули обратно. Но войска пошли вслед за ними с двух сторон, и эти вилайеты не имели возможности оказать им сопротивление. Их подчинили, поставили над ними наибов, кадиев и начальников и взяли от них обязательство и обещание о повиновении имаму. Затем пригласили в Хайдак около 60 человек знати из Табасарана. Они изъявили покорность, но противились приходу и остановке у них войска до тех пор, пока они не соберут у себя общий сход. Знать повернула обратно, а войска пошли по их следам. Остановились в Табасаране, подчинили его жителей и назначили над ними наибов, кадиев и начальников и взяли с них обязательство и обещание о повиновении имаму. В итоге у них собралось многочисленное большое войско. А Аргут проклятый стоял в стороне Кура, охраняя вверенный ему вилайет. Затем пришло письмо от кадия Акуши Мухаммеда; он писал: «В интересах дела нужно разрушить и сжечь селение Даракама, а жителей оттуда переселить в наши владения». Тогда войска направились в эти селения с намерением осуществить предложение кадия.

Когда же они остановились в этих селениях, то 4 наиба (отправленные Шамилем с Эфенди) начали упрашивать Эфенди не жечь эти селения, и он согласился с ними. Затем пошли в город Баршалы. Жители Баршалы пришли к ним и стали просить не останавливаться в городе. Они обещали выполнить все, что им будет приказано. Им было приказано доставить 600 арб провианта. Затем они пробыли в Уртамыше около 10 дней и вернулись обратно. И хвала аллаху, владельцу миров.

ГЛАВА О НАБЕГЕ АМИР-ХАНА В ЭРПЕЛИ И КАРАНАЙ

Когда имам проходил через Эрпели и Каранай во время своего возвращения из Казанищ, то он приказал их жителям переселиться в места, недоступные для врагов. Они попросили у него

отсрочки до тех пор, пока не настанет хорошая погода. В то время стояли холода. Имам дал им отсрочку. Когда же имам ушел, то они укрепили окраины двух селений, переселили жителей селения Ишкит в Эрпели и сделали завалы в этих селениях с намерением сражаться против имама. В начале весны 1260 (1844) г. имам послал Амир-хана ал-Чиркави против них с отрядами 4 наибов. Сам имам находился в Чиркате. Амир-хан условился с войсками о том, чтобы спуститься на равнину Эрпели рано утром в такой-то день. Он сам вышел с двумя наивами и спустился в нижний край селения Эрпели немного раньше наступления утра. Другие 2 наива также выступили для того, чтобы спуститься в верхний край селения. Вдруг 2 лошади лазутчиков этих 2 наивов (чего-то испугавшись) убежали и промчались мимо дозоров, выставленных жителями Эрпели. Дозоры вышли узнать, чьи это лошади, и увидели войска. Они подняли тревогу, и жители Эрпели выступили навстречу войскам. Они вывели свои семьи из нижней части селения для того, чтобы спасти их в крепости. Амир-хан и те, кто были с ним, с нижнего конца проникли в селение. Жители Эрпели не имели возможности вести одновременно битву с двумя отрядами и были вынуждены уйти из селения со своими семьями и пожитками, кроме небольшой группы, укрывшейся в одном из домов. Они укрепились там и сражались. От их рук пал смертью праведника один человек. Их дома были сожжены. К Амир-хану явился посланец из Караная, (прося его) не выступать против них. Но Амир-хан вернул посланца обратно, приказав передать, что «истинно эти вот жители Эрпели уже сдались нам. Если вы сделаете то же самое, то добро вам, иначе же непременно мы придем к вам». Тогда жители Караная приготовились для битвы. Затем войска отправились к каранаевцам, но их на пути встретили те, кто был послан (с известием) о сдаче. Войска вошли в селение. А жители до этого приготовились уже для битвы, они разрушили крыши домов для устройства завалов и преград на улицах. Жителей с их имуществом заставили покинуть селение. Вместе с жителями был брат наива Чечни Уллубия, его семья и жена его другого брата. Жителям Эрпели было приказано поселиться в Ургу, а жителям Караная было приказано остановиться в селении Гимры. Когда со всем этим было покончено, пришел отряд русских из крепости Темир-Хан-Шура для оказания помощи жителям Эрпели и Караная. Произошло сражение. Затем русские вернулись обратно.

ГЛАВА ОБ УХОДЕ ЖИТЕЛЕЙ ЧИРКЕЯ ИЗ СВОИХ РОДНЫХ МЕСТ

Жители Чиркея непрерывно враждовали с находящимися в их селении русскими в течение 7 месяцев, т. е. с того времени, когда они объявили войну еще до своего прихода к имаму в Казаниши, как уже выше было описано. Чиркеевцам был нанесен большой ущерб и в имуществе и в людях пушечной стрельбой по ним и ночью и днем из находящейся за рекой крепости русских.

Враги им причиняли также много бедствий, не давая брать воду из реки, а других источников воды, кроме реки, у них не было. В начале лета этого 1260 (1844) г. против чиркеевцев выступил проклятый генерал.¹ Тогда имам переселил чиркеевцев и тех, кто находился вокруг них, жителей Салатау и Эрпели, в Цантаракан и сделал завалы на подступах к местности, носящей название «мельница Хусейна». Русские вступили с двух сторон в селение Чиркей только лишь после того, как им со стороны чиркеевцев было оказано упорнейшее сопротивление. Чиркеевцы ушли из битвы к своим семьям. Русские сожгли селение и разрушили его так, что не осталось в нем ни возвышающейся стены, ни стоящего дерева. Затем жители Чиркея рассеялись по различным местам.

Добавление об одном хорошем сражении, проведенном жителями Чиркея в дни бедствий. Это было тогда, когда русские по возвращении из Ахульго направились против чиркеевцев в связи с тем, что им стало известно о том, что чиркеевцы помогали находившимся в Ахульго и снабжали их тем, чем могли, из припасов, снаряжения, провианта и пр.

Когда чиркеевцы увидели направляющихся в их сторону русских, они увели свои семьи, захватив все, что можно было взять им с собой, в недоступные места густых лесов. Чиркеевская молодежь думала сражаться с войсками, но чиркеевская знать просила их выйти из селения и дать русским дорогу в Чиркей. Они говорили: «Русские не причинят нам вреда. Они уйдут отсюда в Индири». Молодежь согласилась и вышла за пределы селения. Генерал Клюки-фон-Клюгенау выслал вперед 3 тысячи солдат под командой Османа ал-Чиркави. Когда первый из этих солдат вступил на край селения, то молодежь открыла по нему ружейный огонь и убила его. Вдруг этот предводитель (русских) Осман сам начал сражаться против русских солдат, сказав: «Неужели же я не подвергнусь смерти в то время, когда враги овладевают ~~тот род~~ ~~Муха~~ ~~Чкала~~

¹ Имеется в виду генерал Клюки-фон-Клюгенау.

ной отцов». Он убил из них офицера и сержанта и сам был убит. Тогда молодежь перекликнулась между собой и набросилась на солдат наскоком волков, находящихся среди стада баранов. Они убивали и косили их и прогнали туда, где не даст убежища один другому.

Когда отступающие достигли моста, то там на мосту сгрудилась те, кто бежал и те, кто возвращался; в связи с этим множество из них попадало в реку и утонуло. Один отряд русских бросился в реку, сбившись с дороги и целиком утонул. И несмотря на это, из чиркеевской молодежи пали смертью праведников только двое и один был убит по ошибке кого-то из них же самих. Чиркеевцы захватили большую добычу, ружья, порох и пушку с лошадьми. Неверные остановились на открытом месте, думая, что чиркеевцы вновь нападут на них со стороны мельницы Хусейна.

В один из дней группа из этой чиркеевской молодежи выступила для нападений на тех русских, которые двигаются по дороге в Темир-Хан-Шуру. Они сражались с теми, кто там находился. Они убили около 30 солдат и взяли в плен некоего начальника и 4 его товарищей. Тогда русские послали к ним сказать: «Если вернете нам пушку и этого начальника, то вам от нас будет спокойствие и безопасность и между нами будет мир и согласие».

Все жители Чиркея упрасивали эту молодежь отдать жителям этого начальника. И они отдали его чиркеевцам, которые вернули русским и пушку, и начальника и заключили с ними мир. Неверные повернули обратно, обманувшись в своих надеждах и прежних намерениях покорить жителей Чиркея.

Рассказывали, что этот начальник был чаландар царя. Он повстречался с чиркеевцами во время возвращения с вершины (т. е. из Ахульго). Рассказывают также, что жители Чиркея для того, чтобы посмотреть его, толпились вокруг него в каждом месте, (где только он появлялся). Проклятый же подумал, что каждая пядь земли в Чиркее наполнена мужчинами и молодыми людьми, и сообщил об этом своим братьям, среди которых еще больше увеличилось страх и опасения.

Из-за этой битвы неверные уничтожили из скота чиркеевцев 50 тысяч голов баранты, 4 тысячи коров, 500 ослов и множество мелкого скота. В это время, когда чаша весов отступников перевесила чашу сражающихся против них, жители Чиркея оказывали приют мюридам и были прибежищем для опасующихся измены. Да поселит их аллах всевышний на их родных местах безопасными и победителями над врагами.

Когда в Чиркее произошло в начале лета 1260 (1844) г. то,¹ что предопределил аллах всевышний, имам находился там до тех пор, пока не ушел оттуда проклятый генерал и остались там только небольшие остатки неверных. Когда же имам узнал, что этот проклятый направляется в Акуши, то он оставил пехоту для наблюдения за этими остатками неверных, а сам со своей конницей выступил, опережая русских путем пересечения горных хребтов, в Ишкатылы, для подчинения себе жителей Акуши и укрепления их для борьбы с врагами и стойкости в битвах.

Конница шла (без остановки) до тех пор, пока не остановилась в Акуши. Русские также достигли равнины, принадлежавшей жителям Акуши.

Когда имам узнал о приходе русских, то он вышел с теми, кто был с ним, и расположился на одной горе. Жители Акуши пытались обмануть имама, (согласившись притворно) на переселение с ним в одно неприступное место и оставление своих родных мест. Однако переселились с ним только немногие из них. Затем имам ушел с этой горы и остановился в селении Баршалы. Здесь он провел ночь. Утром русские догнали войска имама. Завязалась битва. Затем имам и его войска отступили, и было так, что каждый камень или стена сражалась против них. Когда достигли Цадакара, имам остановился там для того, чтобы забрать с собой тех, кто из жителей Цадакара собирался уходить, и помочь им (сделать это). Русские в это время шли вслед за войсками имама, а там, где последние проходили, с ними сражались те из отступников, кто встречал их.

Достигнув селения Каркадан, имам здесь нашел свою пушку, которую оставил и бросил один из убежавших его наибов. Имам остановился у пушки и сказал: «Я не уйду с этого места иначе, как с этой пушкой». Его товарищи поневоле потащили эту пушку, они впряглись в нее по принуждению. К вечеру они вступили в Салатау, а враг не переставал гнаться за ними следом. Затем пошли дальше, пока не перешли через мост в селении Куруда на сторону Хотатля, там они остановились. Они разрушили этот мост, сделали завалы и укрепили то место, где стояли. Притащив из Хотатля пушку, они открыли стрельбу по русским, которые расположились выше поля, называемого Бире.

Имам еще раньше послал письмо, призывая пехоту, оставленную им в Акуши. Пехота пришла со стороны Хунзаха с барабанным боем и с пушкой. Сражались с русскими при помощи двух

¹ В рукописи А глосса: «Т. е. их уход и оставление своих родных мест».

пушек. Русским был причинен этими 2 пушками многочисленный урон. Были убиты среди русских даже некий начальник и дежурный генерал снарядом, пробившим генеральскую палатку, в связи с чем улетело сердце генерала, и он не успокоился до тех пор, пока русские на заре не обратились в бегство. А войска и имам шли с боем по их следам. Сражались и убивали. В этой битве пал смертью праведника ученый Хасаниль Мухаммед ал-Иллуви, он был из числа тех людей,¹ которые были для имама в Хунзахе «вместилищем и бурдюком» (т. е. доверенными людьми и источником помощи и опоры). Там впервые присоединился к имаму Данияль-султан, сделавшись мухаджиром. И хвала аллаху от начала до конца (мира).

ГЛАВА О ПОХОДЕ ДАНИЯЛЬ-СУЛТАНА ДЛЯ ВЗЯТИЯ СЕЛЕНИЯ ЧОХ И О СОЖЖЕНИИ ЭТОГО СЕЛЕНИЯ

Когда имам вторично вернулся из Гази-Гумука, то жители Чоха сражались против него и убили одного из бывших с ним людей. Они возгордились и начали творить беззакония. Когда же имам поднялся в Тадбутри, то он приказал своему наибу Кибиду Мухаммеду ат-Тилики выступить против Чахалья с войсками сопредельных с Кибидом наибов для покорения жителей Чахалья и устройства среди них управления по шариату. Когда Кибид с войском пришел туда, то чахальцы не повиновались введению у них шариата и установлению управления имама. Они начали сражаться. Кибид ушел от них обратно. Затем пришел в Чахаль Аргут, обманщик и соблазнитель народа, он восхвалял жителей Чахалья, роздал им многочисленные подарки и, приказав им быть твердыми и устойчивыми, назначил над ними начальником Ибрахима Мухаммеда ал-Чохи. Последний начал усиливать раскол и укреплять отступничество. Жители Чахалья построили по сторонам своего селения 10 башен. Они поддерживали неверных и их главу Аглар-хана и враждовали с мюридами и праведными. И не было у них других намерений, кроме того, чтобы русские овладели этим краем. Вот поэтому-то и послал имам Данияль-султана ал-Элисуви с войсками горных наибов, назначив Данияля начальником над этими наибами.

В конце зимы 1261 (1845) г. Данияль расположил войско на

¹ В рукописи К глосса: «И другие—они: ученый Мухаммед, Сын Муртади Али ал-Кулуви; ученый Мухаммед ат-Тануси и его сын; ученый Химмат ал-Убу-ди, расположенный к имаму. От автора».

горе Хутуб¹ и остановился там 5 ночей. Он послал к жителям Чахалы призвать их к повиновению имаму, введению судов ислама и выдаче в этом заложников. Жители Чахалы тогда послали гонцов с просьбой о помощи к Аглар-хану, в Гази-Гумук, Акуши и Цадакар. Запрошенные о помощи замешкались с ответом. Тогда жители Чахалы сделали вид, что они согласны на мир. Но когда появился Аглар-хан, с одной стороны, а цадакарцы и акушинцы — с другой, то чахальцы прогнали из селения тех, кто пришел для переговоров о мире. Они кичливо отвернулись, возгордились и стали надменны в обращении. Тогда Данияль-султан вышел с войском и расположился в нижней части селения.

В селении в это время были осажденными наибы ал-Асами с товарищами, а хаджи Муса с товарищами укрепились в одном из домов и защищали проход, через который могли бы войти войска Данияля. Данияль проник с войсками в нижнюю часть селения и послал помощь к хаджи Мусе. В селение вошло около 300 кудальцев для помощи отступникам. Аглар-хан с его войсками остановился в стороне кладбища, а акушинцы и цадакарцы расположились рядом с войсками Аглар-хана. И битва между ними пылала 8 дней с их ночами.

К Данияль-султану пришел от имама посланец с письмом. Имам писал: «Не возвращайся от них до тех пор, пока не покоришь и не подчинишь их, или пока не будут перебиты все до одного те, кто находится с тобою». И тут как раз собрались к нему наибы и начали его уговаривать отступить. Они считали их дело крайне затруднительным. Данияль ответил им грубыми словами и сурово обошелся с ними. Он сказал: «Я не отступлю от приказа имама, если даже останусь один со своими товарищами».

На девятый день Данияль отдал распоряжение 4 наибам оставаться в селении, приказав им не покидать своих позиций, если даже он сам вынужден будет отступить. Затем он вывел остальных наибов с их отрядами на такое место, откуда они были видны находившимся в селении Аглар-хану и отступникам.

Он построил отдельными рядами всадников и пехоту и, приказав им не ломать строя, двинул их против лагеря Аглар-хана, всадников с одной стороны, пехоту — с другой. А до этого он послал к наибам, расположившимся на полях Чахалы, приказ о том, чтобы они двинулись против лагеря акушинцев и цадакарцев. Акушинцы и цадакарцы обратились в бегство. Побежал и Аглар-хан. Они даже оставили знамя Аглар-хана, его постель, ковры и походную утварь.

¹ В рукописи А глосса: «Название горы, принадлежащей Чахалю и расположенной ниже селения».

Войска Данияля шли вслед за ними, раздевая и убивая. Данияль еще ранее приказал своим войскам не убивать никого из отрядов Аглар-хана, кроме тех, кто является другом или товарищем Аглара, а только раздевать их, но убивать всех, кого захватят из жителей Акуши и Цадакара. Когда отступающие были рассеяны, войска Данияля повернули против находившихся в селении. Последние собрались в некоторых домах верхней части селения. Здесь войска Данияля начали захватывать и отбирать из имущества чахальцев украшения из золота и серебра и прочие драгоценности, одежду и домашнюю утварь, и какое множество и насколько красивого и драгоценного (имущества) имелось в этом селении!

Затем, при наступлении темноты, Данияль приказал посылать сотню за сотней по очереди от каждого наиба для пресечения пути к бегству тем, кто укрепился в домах (верхней части селения). Но эти сотни от каждого наиба не собрались, так как увлеклись сбором имущества, и те на рассвете убежали с семьями, захватив с собою то, что могли взять из имущества. На завтра, в день пятницы, селение было сожжено.

Рассказ. Рассказывалось среди жителей Чахаля от старшего к старшему, со слов ученого Махада ал-Чохи, о том, что известный ученый Мухаммед, уроженец Кудуки, а родом происшедший из Ругжа, да помилует его аллах всевышний, поднялся однажды на крышу мечети в день пятницы и, смотря на селение Чох, сказал: «Истинно, оно будет сожжено в день пятницы». И вот оправдалось его предсказание. И хвала аллаху, владельцу щедрот и милостей. Данияль оставался там 4 дня. Захваченное имущество было разделено на 5 частей и были подсчитаны павшие смертью праведников в этой битве и раненые. Павших оказалось около 200 человек, раненых—около 1025 человек.

ГЛАВА О ВЕЛИКОМ СРАЖЕНИИ В 1261 (1845)г., В КОТОРОМ БЫЛИ БИТ ВОРОНЦОВ¹ И ОБРАТИЛСЯ В БЕГСТВО С ПОЗОРОМ И ОГОРЧЕНИЕМ²

Когда имам узнал о намерениях русских, то первое, с чего он начал, был его приказ об уничтожении русской знати, которую он раньше забрал в плен во взятых им крепостях. Они были перебиты и сброшены в Даргинское ущелье. Затем имам выступил

¹ Глосса: «Имя генерала, живущего в Тифлисе».

² В рукописи А иначе: «Глава о великом сражении, которое произошло между имамом и Воронцовым, а был он начальником русских, т. е. генералом, живущим в Тифлисе, и было это сражение в 1261 г.»

со своими товарищами и пушками и расположился на равнине Алмахалы. Здесь он узнал, что русские двигаются от горы Хик к Ханчи. Тогда он быстро вернулся к своей семье в Дарго, а они уже приготовили свои пожитки к переселению, совершил у них полуденную молитву и приказал им переселиться в селение Сальбари. В тот же день он сам ушел в селение Анди.

Имам еще ранее взял с наиба Анди Рамадана и его мюридов клятву в том, что они выполнят любой его приказ или его запрещение. Сейчас он (придя в Анди) приказал им сжечь их селения, начав прежде всего со своих собственных жилищ, дабы облегчить это дело для прочих ополченцев. Конец.

Он остановился в местности Бусрах, а русские остановились в местности Харкабур. Здесь к имаму пришел прекрасный храбрец, пронизательный Хитын ад-Данули, и спросил: «Каковы ваши намерения?»—«Наши намерения—газават и джихад»,—ответил имам. Тогда Хитын сказал: «Я не думаю, чтобы им (русским) можно было противостоять и сопротивляться из-за их силы и неприступности и многочисленности их снаряжения и вооружения». Русские оставались там больше недели. Выпал большой снег, подул сильный ветер, а время было—начало лета, лошади у русских погибли, провианту стало мало.

А имам до этого вернулся в Анди.¹ Здесь опять к нему пришел этот совершенный Хитын и сказал: «Поистине, уже исчезла неприступность русских и погасла их мощь».

Когда русские направлялись в Бусрах, то андалальцы и прочий народ просили у имама разрешения оказать им там сопротивление, но имам им не разрешил, и они вернулись для того, чтобы продолжать жечь свои селения. Имам послал наиба Саида ал-Инхови в селение Зилли, наиба Гальбаца ал-Хунзахи—в селение Ригун, третьего—в другое селение и т. д., а сам с теми, кто остался с ним из багуляльцев и других, направился в селение Анди. Жители Анди оказали войскам, выступавшим вместе с имамом, сопротивление и сражались с ними. Затем они сдались. И вот, когда имам находился в доме Рамадана, пришел к нему наиб Саид и сказал: «Жители этого селения (Зилли) нам не подчиняются и не дают жечь селение. А некоторые из них засели в укрепление для того, чтобы оттуда оказать нам сопротивление».

Имам потребовал к себе Рамадана и сказал ему: «Что это за вести? А? Рамадан?» Рамадан надел оружие, сел на лошадь и

¹ Глосса: «Говорят, что когда имам был в Анди, его посетил Ахбирдиль-ал-Хунзахи, отец верного праводействующего, павшего за веру Гази Мухаммеда, и сказал имаму: «Да устранил аллах всевышний скорбь». Имам ответил ему следующее: «Верно, устранил ее от того, кто действительно опечален. От автора, да помилует его аллах всевышний».

поехал один. Когда он приблизился к ополченцам Саида, то он закричал на них, злобно ругаясь, понося и препираясь с ними: «Вы угнетаете мой вилайет, притесняете моих подданных». Затем он приказал жителям Зилли собраться на одном гумне и позвать тех, кто был в укреплении, для того, чтобы они сообщили ему, за что они порицают этих пришельцев и изложили бы ему свои жалобы на них. Пришли и те двое, которые были в укреплении. Рамадан на коне все время ездил вокруг сидящих на гумне. Когда он проезжал мимо одного из тех, кто был до этого в укреплении, он вдруг ударил шашкой по его шее — тот тотчас скончался. Ударил другого — тот также упал. Затем он приказал Саиду быть настойчивее и суровее обращаясь с жителями, жечь и разрушать, а сам вернулся обратно.

ГЛАВА ОБ УХОДЕ ИМАМА ИЗ СЕЛЕНИЯ АНДИ ПОСЛЕ ЕГО СОЖЖЕНИЯ И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ

Когда русские приблизились к Бусраху, селения были уже сожжены. Русские вошли в Анди, а имам с некоторыми войсками вышел оттуда по дороге в противоположной части селения — к горе. Большинство войск рассеялось; убегали испуганные и уstraшенные, не обращая ни на кого внимания и не разбирая пути, не остерегаясь ни реки, ни падения в ущелье. Имам прилагал все усилия остановить и собрать их, но не мог. Имам ранее был уверен в том, что те, кто находились с ними на этой горе, его не оставят, однако они убежали и оставили его там с каким-нибудь десятком товарищей.

На этой горе один из наибов сказал артиллеристу, опытному стрелку хаджи Яхье ал-Чиркави: «Доставь пушку в Хиган-Биган», но тот ответил ему грубым словом. Он ему заявил: «Я не нахожусь под твоим началом (букв. твоей заботой) и подчиняюсь только приказу имама и воздерживаюсь только от того, что он запрещает». На этой горе сказал имам следующее: «Это сражение — моровая язва для отступников, думающих, что уже рассыпалась соединенность ислама. Проявляются их тайные помыслы, а их руки тянутся к мечам насилия и секирам мести». И было так, как он сказал. Конец.

Имам направился в Тадбутри. Некоторые наибы и их отряды вернулись по своим домам, а другие расположились лагерями.

В это время великий ученый Заголов ал-Хусдади посылал к их наибу, храбрцу Микаилу, неоднократно письма, прося его вернуться с ополченцами. Он писал: «Что вы стоите там? Русские уже засели в Анди. Так возвращайтесь же к себе на родину для

того, чтобы мы могли посоветоваться о том, что нужно предпринять в это время, и мы сделаем то, что сделают жители Дагестана». Конец.

Затем вернулся имам на эту гору и послал письма, призывая ополчение. Собрались наибы и их ополчения. А русские уже расположились лагерем между селением Сахаль и Бусрахом. Отряд русских во главе с проклятым Воронцовым расположился между Гагалем и Андалем.

Русские начали там предпринимать трудные и большие дела. Говорили, что они там строят крепость для того, чтобы склонить и подчинить себе народ. Когда же затянулось пребывание русских в таком положении, имам направился к чеченским войскам, наибы которых находились в Дарго, для того, чтобы посоветоваться с ними, дать им наставление, уговорить их и расположить к себе их сердца. Имама встретили два чеченца Хан-мирза и Урсуби. Их послал проклятый Воронцов сказать: «Пусть приходит Шамиль или для мира, или для сражения». Имам ответил: «Если бы он требовал от меня мира, находясь у себя на родине, то я ответил бы ему по этому поводу речью, соответствующей и месту, и положению. Ну, а в данное время уже не будет между мною и им ничего, кроме меча и битвы. Я готов сражаться с ним в любое время и днем и ночью. Пусть готовится любое количество людей и их снаряжение после вашего возвращения». С этими словами он вернул посланцев обратно. Конец.

Когда имам достиг чеченцев, то нашел их жаждущими видеть его и соскучившимися в его отсутствие. Они до слез обрадовались его приходу. Они сказали: «Нет ничего над нами (страшного) после того, как мы увидели тебя и ты завел с нами дружбу. Мы до этого думали, что ты вовсе нас оставил и променял нас на других». Когда имам увидел искренность их намерений и прекрасность стремлений, то заявил им о том, что он останется у них, и поклялся им на Коране, что он не заключит с русскими мира, кроме как на основе того, что предписывает этот Коран. Точно так же поклялись и наибы и их ополчения. Он поселился там у них и призвал к себе своих товарищей. А все отряды других наивов, кроме чеченских, находились в горах Андала.

В одно из времен к наибу явились посланцы от великих наивов, прося у него мира с этим проклятым Воронцовым, чтобы последний вернулся к себе. Они боялись, что другое русское войско уже достигло моста на реке в округе Хид. Имам забранил их, сделал им выговор, пригрозил им и, назвав их глупцами, сказал: «Истинно, этот проклятый Воронцов не будет возвращен обратно нашей к нему мягкостью. Он вернется только при условии получения того, что он хочет из заложников и договоров», и он снова

поносил их и говорил по их адресу грубые слова за их слабость и бессилие.

Однажды к имаму пришел некто, сообщивший о том, что некоторые мужчины Андала ходят тайно к русским. Имам призвал их наиба Рамадана, находившегося в Элисанджи, сообщил ему об этом и послал его отсек головы тем, кто будет найден совершающим подобные поступки, и отправить эти головы к русским.

Рамадан пошел, сделал среди них розыск и узнал, что трое мужчин носили бурки Воронцову. Он их убил, отсек их головы и, насадив их на колья, выставил на пути русских к водопою. На лоб одной из голов привесили записку с надписью: «Это воздаяние тем, кто ходил к вам. До сих пор мы вами не занимались. Но отныне вы увидите, что произойдет между нами и вами». Когда весть об этом случае дошла до Воронцова, он был огорчен и не смог этого перенести. Он ругал отступника Мусу ал-Анди, который ранее призывал и обольщал их пустыми надеждами. Он заявил Мусе: «Поистине, ты, шайтан, раньше говорил о том, что Нахбагаль, Багуляль и Андаль придут к нам покорные и подчинятся нам, когда мы спустимся на их равнины. Где же те приходящие? Да и кто придет, если они делают такие вещи?»

С этого дня исчезла неприступность Воронцова и сломалась его сила и суровость. Затем один из наивов напал с тыла ночью на вышедшую оказию русских. Рассеяли, разграбили и уничтожили ее, а те, кто был с нею, были прогнаны туда, откуда пришли. Затем преградили эту дорогу завалами и перерезали ее (для движения). А начальник этой оказии сидел в Темир-хан-шуре запертый, растерявшийся и беспомощный. Проклятый Воронцов был вынужден отступить и уйти обратно.

Говорили, что его приход в Дарго был предпринят только с целью сокращения и облегчения пути для своего спасения.

ГЛАВА О ПРИХОДЕ РУССКИХ В СТАРОЕ ДАРГО И О НАЧАЛЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ НИХ

Эти проклятые русские оставались на равнине Ансалья около месяца. В конце этого (месяца) имам узнал, что его жена Фагимат сильно больна. Он вышел из Дарго, чтобы навестить ее в Сальбари. Когда он становился в Дарго Джават-хана (т. е. Новом Дарго), к нему пришел сообщивший о том, что русские завтра спустятся в Старое Дарго.

Наибы Чечни и их отряды уже разошлись по своим родным местам. Тогда имам, находясь в Новом Дарго, написал письма,

созывая ополчение, и разослал их в ту же ночь. К жене своей он послал одного своего товарища, а сам вернулся назад, дабы не сказали, что он убежал от наступающих русских. Когда он достиг Старого Дарго, русские показались на вершинах гор со стороны Ансая. Небольшой отряд товарищей имама полетел на встречу русским и из леса завязал с ними сражение.

Имам еще ранее приказал наibaм, находившимся на равнине Андаля, спешно выйти в Дарго, в случае если туда направятся русские, с таким расчетом, чтобы они попали в Дарго раньше русских. Наибы пришли к имаму со своими отрядами, предводительствуемые Микаилом. Дома Дарго были сожжены, а войска имама вышли в его окрестности. Русские расположились на равнине Дарго и поставили свои палатки. Имам в ту же ночь послал один отряд извлечь спрятанные там пушки и притащить их. Их притащили.

На второй день русские партия за партией, отправились к тому месту, куда были сброшены трупы из знати, перебитой в Дарго, о чем было упомянуто в начале главы (о Дарго), и возвращались обратно. Рассказывали, что направившихся туда с этим проклятым Воронцовым было 30 тысяч человек. Когда русские расположились в Дарго, имам послал забрать оттуда его семью и больную жену и провести их в Элисанджи.

Рассказ. Родственник хозяина дома, где остановилась семья имама в Сальбари, находился среди русских. Он тайно пришел к семье домохозяина и приказал им привести в условленное место сына имама Мухаммеда Шафи, который был еще маленьким мальчиком. Он сказал: «Нам за это будет полная мерка серебра и золота». В один из дней пошли их дети (родственников хозяина) с детьми мухаджиров, а с ними был и Мухаммед Шафи, с намерением собирать зелень. Когда они зашли далеко, Мухаммед Шафи намеревался вернуться обратно, но дети хозяина не пустили его. Тогда он сказал своим товарищам (детям мухаджиров): «Моя бабушка не оставляет меня и не позволяет мне уходить далеко, а эти ведут меня в далекое место». Тогда его товарищи закричали и начали звать на помощь. Затем эти товарищи поспешно вернулись и стали кричать издалека, снова зова на помощь. Этот крик услышал наш брат набожный Мухаммед ал-Ихнови. Он также закричал и позвал на помощь. Вышли люди и взяли Мухаммеда Шафи, он уже был близко подведен к месту, где были привязаны лошади на неровном узком спуске. И хвала аллаху, владетелю миров.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В БАЛЬГИТЕ

В один из дней имам вывел из Бальгита на смотр своих солдат с барабаном и трубами, на которых они играли и забавлялись. Против них вышли русские войска. Завязалась сильная битва. Большинство русских и два офицера были убиты, в связи с чем истощилась их решимость и увеличилась их скорбь. В этой битве пал смертью праведника юноша-храбрец пронцательный Хитын ад-Данухи, да будет свята его душа. Затем вышли русские войска на дорогу в Анди для сбора провианта. Имам послал вслед за ними наибова с их войсками. Эти войска перебили русских. Их валили, как сжатые снопы и срубленные деревья, одного на другого и забрали у них пушку. На второй день вышла оказия русских. Войска имама напали на нее и сражались с русскими и с фронта и с тыла, и справа и слева до тех пор, пока не перебили их, как в первый день. От них забрали другую пушку, лошадей и множество различных вещей. Русским досталось провианта только небольшое количество.

Во время этого сражения Сухайб, чеченский наив, пошел обмыться в лощину, куда никто из войск имама не спускался и нашел там около 300 русских, зарезанных и брошенных. И хвала аллаху владетелю миров.

ГЛАВА ОБ ОТСТУПЛЕНИИ РУССКИХ ИЗ ДАРГО

Русские пребывали там несколько дней, терпя сильный голод и большие трудности до того, что проклятый Воронцов беспрестанно плакал и, удрученный горем и скорбью, просил аллаха всевышнего о своем спасении. Когда увидел его в таком состоянии Илия ал-Курчи ил-Иригляви, то он обнял его и сказал: «О ты, отец. Не печалься и не огорчай своих детей, при трудностях. Истинно, я сын твой, спасу тебя от этих, вынеся на своей спине». Благодаря этому стала великой мощь Илии среди русских, а Воронцов сделал его приближенным к себе, так как он прекратил его скорбь и укрепил бодрость его войск. Затем в один из дней, рано утром, русские на глазах у всех принялись сжигать свои палатки. Осталось из их палаток только около 27 штук. Затем они поднялись для бегства. Войска имама в лесу напали на них с четырех сторон. Убивали их и валили, как сжатые снопы и срубленные деревья. Бывало так—окружат отряд из них, напав спереди, и избивают его до тех пор, пока не уничтожат весь и не заберут то, что есть у них из лошадей, мулов и прочего имущества. Бывало так: кто-либо из войск имама нападет на какого-нибудь русского

и забирает от него то, что ему понравится. Один даже взял из рук русских повод мула, на котором везли «казну», и увел его с собой, и русские не могли помешать этому. Ночью русские расположились на холме Цамутар. На второй день они продолжали отступление, а войска имама делали с ними то же, что и в первый день. Ночевали русские на холме между Шуном и Алири. На третий день они пошли таким же образом: их избивали, косили и раздевали до тех пор, пока они не спустились в селение Шамхаль-Бирди.

В этой битве пали смертью праведников прямоидуший наиб Сухайб и передовой храбрец Ильдар. Рассказывают, что Воронцов несли в железном сундуке и рассказывают, что нес его Илия ал-Курчи на своей спине.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В ШАМХАЛЬ-БИРДИ

Когда русские остановились в Шамхаль-Бирди, то войска имама окружили их и держали несколько дней в осаде. Русские зарыли в землю там и по дороге все тяжелые и дорогие вещи, как то: пушки и пр. Войска имама непрерывно нападали на них со всех сторон, они уже не оказывали им сопротивления и не были в состоянии защитить самих себя. Там выстрелом из пушки был убит один их начальник в своей палатке. Воронцов опять там плакал, а Илия утешал его как и прежде, так как он уже плакал три раза. Русские испытывали голод и сильную жажду. Голод и жажда их едва не погубили. Они высасывали влагу из деревьев. Рассказывают о том, что один бывший среди них отступник предложил солдату 15 куршей (рублей?) за початок кукурузы. Солдат ответил: «А что я сделаю с этими 15 рублями после моей смерти?»

Рассказ. Рассказывают, что у Воронцова была молочная корова, его кормили ее молоком. И вот украл эту корову, вследствие сильного голода, Джавад-хан, сын Мустафы-хана аш-Ширвани. Он при выступлении взял с собой в поход почти сотню слуг. Корову сварили и съели ночью, а кости зарыли под палаткой Джавад-хана. Когда настало утро, стали искать корову для дойки. Когда ее не оказалось, принялись обыскивать вещи и всякие места, вызывающие подозрение. Наконец, наткнулись на зарытые кости. Когда об этом сообщили Воронцову, то он разжаловал в чинах Джавад-хана и приказал прогнать его от них. Изгнанный Джавад-хан нанял за 100 мискалей (золотых монет) в проводники одного чеченца, и тот повел их (Джавад-хана с его слугами) трудной, неровной и опасной дорогой в Темир-хан-шуру, ку-

да он, наконец, доставил его после многочисленной гибели среди его слуг. Конец.

Когда имам, таким образом, осаждал русских, к нему пришла весть о смерти его жены Фатимат, да помилует ее аллах всевышний. Он послал людей для похорон, а сам по прежнему остался при осаде. Затем пришли к нему наибы и начали упрашивать его вернуться к себе домой. Они говорили, что их одних (без имама) достаточно для (окончания) дела этих осажденных врагов. Имам вернулся домой. Наибы и их ополчение были изнурены войной; она приносила им большой урон, и они терпели от нее несчастья. Они голодали до того, что даже жарили мясо павших лошадей и ели его.

Когда русским стало известно об уходе имама, они радостно возвестили об этом барабанным боем и (игрой) на трубах. На завтра пришла к ним помощь с провиантом из крепости Гурзали. Путь между ними был очищен и подкрепление прорвалось к осажденным. В их тылу неподвижно стояло около тысячи солдат в строю, чтобы не напали на них с тыла. Они не двинулись с занимаемого ими места, хотя и были перебиты все до последнего. Рассказывают и передают, что русские, если бы остались в той осаде хоть день, то из-за сильного голода и трудностей все бы сдались имаму. Рассказывают также, что Воронцов, когда спасся, подсчитал павших из своего регулярного войска и других людей. Оказалось, что из войска недостает 13 тысяч человек. Он заплакал и сказал: «Грозил мне шайтан Шамиль и дело вышло так, как он сказал».

Один, бывший тогда с русскими, христианин, который затем принял ислам и стал хорошим мусульманином, сказал: «Истинно, я не совершил бы клятвopеступления, если бы поклялся в том, что с Воронцовым было 300 тысяч человек». Он сообщил также: «После возвращения Воронцова было сообщено в тех вилайетах, откуда было набрано его ополчение, о том, что из числа взятых в ополчение вернулась только одна четвeрть». И хвала аллаху, владетелю миров. Ученый, познавший (тарикат), хаджи, знающий наизусть (Коран), Абд ар-Рахман ас-Сугратли сочинил в ознаменование этой битвы и в память некоторых тех, кто пал в ней смертью праведников, касыду, и вот она:

Хвала за милости. Благодарность за благодеяния.
Терпение при испытаниях во всех обстоятельствах.

Затем молитва над светом ясным для нас,
Избранным сейидом—лучшим из всех сотворенных,

Они отправили душу в лучшее из мест ее пребывания—
В светлицу, очищенную от всякого запаха земной скверны.

Он, податель знаний, дал мученикам благодать и милость
Во время их предсмертной агонии.

О храбрость, дарующая победу напавшему мужу!
О влечение к битве, дополняющееся пылом радости!

Народ джихада стрелял из пушек и нападал так, что любовь
К нанесению поражений заставляла забывать все несчастья.

От уклонявшегося в сторону они прежде его отклонялись.
Они дополняли стрельбу отталкиванием различных бедствий.

Наши герои били справедливыми мечами
Тела обреченных на гибель, владетелей заблуждений.

Наши храбрецы сражались за правду, только ее они сильно
желали.

Они не стремились к иному при встречах с врагом.

Они очистили сердце от злобы и зависти.
Это (верное) средство от смещения (доблестей)
с ложной славой.

Доказательство сказанному мною—победа, дарованная от
простирающего (т. е. аллаха).

Оставь юношу: его мысли—несбыточное воображение.

Обязанность братьев моих—удаление душ своих
От заблуждений порока при несчастьях.

Где львы нападающие, ведущие и господствующие?
Ведь в могилах для них—благо жизни.

О владыко, дай нам в делах наших истинное направление,
Направь наши устремления на самые лучшие подвижничества.

Владетели положений прямого пути находятся в
благоденствии,
Однако оно затруднилось запрещением нашим юношам
хватать бешеных.¹

¹ Смысл стиха неясен. Взамен «бешеных» в рукописи А поставлено «сбори-ша». О ком идет речь—пока установить не удалось.

И сколько храбрецов, когда устремляются к падению
из рвення,
То щедрость завоеваний заставляет их забыть
свои трудности.

Удачи победы даруют тебе их сокровища в лесу,
Где уже собрана вся совокупность добыч.

Если ты был совершившим грех и ослушание, то
Надейся на покрытие прегрешений хранителем.

Дополнение. Рассказывают, что проклятый Воронцов, когда вернулся с таким позором и скорбью и сел на свое место в Тифлисе, то было брошено в почтовый ящик¹ его канцелярии письмо следующего содержания: «Эй, ты, собака Воронцов! Да переломает аллах ноги твои, отсечет руки твои, ослепит глаза твои и сделает немым язык твой. Ты навлек на нас несчастье. Из-за твоего злополучия пали на нас пять бедствий. Ты погубил большинство наших мужчин, загнав их в место гибели. На нас напала холера. Налетели на нас тучи саранчи и навлекли на нас голод. Произошло сильное землетрясение, которым разрушены дома и некоторые селения. И все это из-за твоего злополучия. Нас обрадовали твоим прибытием и мы, радуясь тебе, зря истратили три миллиона». Конец.

То землетрясение, которое произошло там в том году, разрушило (много) высоких домов и даже одно из селений Эривани, в котором было около 500 домов. На это селение утром в день землетрясения упала скала с самой высокой горы. Из этого селения никто не спасся, кроме двух мужчин, находившихся в городе Эривани и ночевавших там в ту ночь. Пыль на месте разрушенного селения не прекращалась около недели, а тот кто приближался к селению, слышал грохот. Рассказывали также, что жители этого селения кызылбаши (т. е. шииты) и христиане были людьми порока и прелюбодеяния до того, что даже брат жил со своей сестрой. Конец.

Когда прочитали проклятому Воронцову это письмо, он огорчился и не мог этого перенести. Он собрал начальников и глав, пытаясь обнаружить бросившего это письмо. Но он обнаружен не

¹ В рукописи К глосса: «Согласно установлений их (русских) закона ставят ящик в канцелярии рядом с открытым отверстием в стене на улицу для бросания в него бумаг о том, что хотят изложить этому вали для того, чтобы он рассмотрел это дело и исполнил в соответствии с их законом. От автора».

был. Весть об этом там распространилась. У Воронцова не было возможности уклониться от помещения этого письма в их газету: газеты по их обычаю пустили его в оборот на его посрамление. Аллах всевышний—судья мудрый.

ГЛАВА О ПРИХОДЕ РУССКИХ В КАРАХ

Когда проклятый Воронцов пошел в Анди, то Аргут, проклятый генерал, выступил в поход со своим регулярным войском, людьми и различным сбродом из отступников Чахаля, спасшихся во время взятия их селения, Цадакара, Тумалья, Гази-Гумука и отступников других селений. Они направлялись из Мукарура в округ Мукраты, а оттуда, воспользовавшись оплошностью жителей, проникли в округ Караха.

Часть жителей Караха убежала в ущелье, горы и округ Киль, другая же часть осталась, намереваясь заключить мир с Аргутом. Когда русские остановились в Карахе, они уничтожили и забрали имущество части жителей. Тяжесть этого пала на тех, кто до этого был в безопасности от их вреда. Были сожжены некоторые селения. Аргут проклятый назначил над ними из их же среды чтеца для выполнения его (Аргута) приказов. Затем Аргут пошел против Кибиды Мухаммеда ат-Тилики, который находился у себя дома. Аргут остановился на горе Кахит против Тиккаля. Большинство караляльцев вернулось по своим домам. Аргут потребовал от Каралаяля, Мукрата и округа Кинсыр помощи людьми. Тогда искренне преданные аллаху убежали в Тилик. Наиб имам с некоторыми ополченцами остался в селении Киль, а остальные послали требуемое Аргутом. Некоторые из тех, кто был послан, были ранены, а некоторые убиты руками мюридов. Эта посылка помощи Аргуту явилась причиной отвращения сердец ополченцев от неверных. Они еще до этого были раздражены посылкой (их) в войска имама и сбором (среди них) ополчения (Шамилем). Жители думали, что если они заключат мир с русскими, то последние оставят их пахать и жать, пить и есть. Конец.

Аргут проклятый оставался там. Он еще до этого устроил большой мост (по дороге) из Чоха, т. е. по нему приходил проходящий и уходил возвращающийся со стороны Чоха. На этом мосту неоднократно происходили сражения с совершавшими набеги мюридами. И вот в один из дней Аргут с некоторыми своими войсками направился в округ Хид для того, чтобы подняться на этот мост и соблазнить своим приходом некоторых из греховодной знати этого округа. Но когда он нашел мост сожженным, то вернулся обратно.

Аргут оставался в таком положении на горе Кахит до тех пор, пока не пришло к нему (сообщение) о провале дела Воронцова и изменении его намерений. Тогда проклятый Аргут отступил оттуда, а мюриды преследовали его с тыла. Некоторые из мюридов пали там смертью праведников, среди них—наш брат, подлинный ученый и непреклонный мухаджир Мухаммед ал-Хунави, да покроет его аллах всевышний небесными щедротами. Некоторые из отступников забрали в плен моего устаза хаджи Дибера ал-Карахи ал Мамуна. Но Аргут, стараясь снискать расположение народа к русским, освободил его с возвеличением и почестями. И хвала аллаху, владельцу щедрот и славы.

ГЛАВА О ПОСЕЛЕНИИ В НОВОМ ДАРГО

Когда аллах всевышний отстранил от них это великое бедствие, имам и его товарищи стали совещаться в отношении места, в котором они могли бы поселиться; некоторые из них указали на Старое Дарго, но имам этого не захотел. Затем они ездили и кружили по лесам и ущельям Элисанджи, но не нашли ничего подходящего. Когда они проезжали по равнине Видана, имам увидел хорошо и наиболее пригодное для поселения место, которое сейчас уже заселено. Тогда имам остановился в Старом Дарго и послал в Видан к владельцам этого участка двух своих товарищей, чтобы они посоветовались по этому поводу с ними. Те выказали удовлетворение и радость этому и продали намеченный участок имаму за наличные деньги. Тогда они расположились там со своими семьями и всем, что было с ними, и заселили этот участок. Затем в зуль-хиджа этого года имам женился на госпоже Захидат, дочери Шейха, наставника Джемаль ад-Дина, да помилует его аллах всевышний.

ГЛАВА О СБОРЕ ИМАМОМ ВОЙСК ДЛЯ ПОХОДА В ЧЕРКЕСИЮ

Это было потому, что черкесы непрерывно присылали одно за другим письма имаму, прося его прийти к ним для укрепления их строя и усиления борьбы с врагами и их противниками. Иمامу говорили, что черкесы—народ порядка, режима и дисциплины. Тогда имам двинулся в 1262 (1846) г. с семьей большими пушками, их снаряжением, лошадьми и солдатами, и пешим и конным войском, перед которым не устоять врагу, не встретиться и не выйти навстречу из страха.

Они шли так, пока не пересекли реку Терек. Имам думал сделать здесь остановку на некоторое время для того, чтобы испытать хваленые качества черкесов. Но когда он нашел их землю гладкой и ровной, на которой не видно ни лесов, в которых можно было бы укрыться черкесам, ни ущелий, в которых можно было бы их поселить, то пропало его стремление, и он пожалел о своем приходе. Он расположился на равнине Кабарды. Черкесы посылали к нему посольство за посольством. Свои семьи они переселили в леса. Имам назначил над ними наибов из их же среды. И вот через несколько дней, в то время когда они уже намеревались повернуть и уйти обратно, пришел к имаму один из их наибольших хитрецов. Он привел превосходную лошадь для имама и посоветовал ему в интересах дела вернуться обратно. Имам не показал ему вида, что принимает его совет. Сразу же после его ухода они двинулись в путь. И тогда только имам послал к этому советчику сообщить ему об этом. Они шли до тех пор, пока поздним утром не достигли берега реки Терека.

Там находились русские войска, (пришедшие) для того, чтобы отрезать им путь. Войска имама напали на них, сражались и прогнали русских в сторону. После этого сразу же они начали переходить реку вброд, но прежде чем вышли из реки, враг открыл по ним стрельбу из пушек. Когда они перешли реку, то остановились на одном месте пообедать. Здесь к имаму пришел наиб Бута и сказал: «А разве ты не видишь этих (врагов)?» В это время русские войска уже приблизились к их тылу. Имам его спросил: «Что мы будем сейчас делать?» «Я думаю,—ответил Бута,—что нужно поторопить конницу в поход, а пехоту спрятать вот в этом лесу». Имам отверг его мнение и сказал: «Мы не бросим отставших и не оставим ослабевших, но пойдем сомкнутыми рядами. Того же, кто пойдет вслед за нами, будем бить и давать отпор. На тех же, кто нападет на нас спереди, будем наступать сами и заставим отступить». Они выступили и быстро двигались, идя днем и ночью до третьего дня, а русские шли вслед за ними без боя в боязни и страхе. Народ—и всадники, и пехота—падали от одолевающего их сна, а к имаму не приходила даже и дремота из-за одолевающих его забот об ополченцах и слабых. Когда стал тяжел для них этот быстрый безостановочный поход, имам с товарищами направился на находившуюся поблизости вершину горы и оставался там до тех пор, пока отставшие не догнали передних. Товарищи имама там спали, но к имаму не шел сон из-за одолевающих его забот.

Там мимо него проходил его наиб Халид. Имам спросил его: «О Халид, что ты сейчас больше всего хочешь?»—«Больше всего хочу спать»,—ответил Халид. «А я больше всего хочу изношен-

ную шубу»,¹—ответил имам. Затем поднялись и пересекли реку. Пришли русские солдаты с намерением перерезать дорогу оставшим войскам имама. Тогда им навстречу с этой стороны (т. е. со стороны передовых частей) выступил хаджи Яхья с пушкой. Со стороны реки он выпустил по ним снаряд, который упал в гущу русских войск. Они рассеялись и не смогли выполнить свое намерение. И хвала аллаху, владетелю миров.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В КУТИШИ

В начале осени этого текущего года, о котором уже упоминалось (1262 г.), имам выступил для наступления на вилайеты султана Данияль-бека, предварительно посоветовавшись с ним. Когда же они встретились в Карахе, то решили, что в интересах дела победы нужно выступить против Цадакара и Акуши. Имам направился туда и напал на жителей Цадакара. Войска забрали у цадакарцев имущество и отправили его в Салатау. Цадакар изъявил покорность и повиновение. Затем пошли на равнину Акуши. Имам послал мудира Кибида Мухаммеда и тех, кто находился под его мудирством, Гази Мухаммеда ат-Тилики, наиба округа Хид и других для нападения на Кутиши. С ними он послал свою пушку со снаряжением и приставленными к ней солдатами. А сам и те, кто был с ним, расположились в «Длинном селении»² для того, чтобы на следующий день отправиться в селение Акуши. Здесь к вечеру пришел к имаму один мюрид из жителей этого селения и сказал, что русские уже приблизились к селению и что это селение непригодно для сражения с ними. Тогда имам вышел из этого селения и расположился в другом. Он собрал мудиров и наибов и совещался с ними. Согласились на том, чтобы итти в Кутиши.

Когда они остановились в Кутиши поздней ночью, к имаму пришли Кибид Мухаммед и Гази Мухаммед. Имам спросил Кибид Мухаммеда: «А укрепил ли ты завалы на окраинах этого селения высылкой дозоров и приготовлением места стрельбы для пушки?»—«Да, все это мы сделали»,—ответил Кибид. Кибид встал, и имам вновь наказал ему об укреплениях. После утренней молитвы Кибид Мухаммед опять пришел к имаму. Имам послал его для построения и расстановки войск и отведения каждому наибу определенной участка обороны окраин. Затем пришел к имаму сообщивший, что русские уже близко. Имам вывел тех,

¹ Что подразумевается под этим ответом Шампля—для нас неясно.

² В рукописи К: «в селении Хуляль Ая».

кто был при нем из наибов, для того чтобы каждый из них со своими ополченцами приготовился к битве. И только что имам сделал два раката утренней молитвы, как русские всадники проникли на улицы селения. Войска имама вышли из селения. Осталась там пушка, часть лошадей, одежда и прочие вещи. Остались также осажденными в одном доме около 6 человек из округа Хид. Солдаты три раза пытались приступом взять их, но не смогли их одолеть. С наступлением темноты русские повернули обратно, а эта шестерка вышли, сняла одежду со своих убитых и присоединилась к имаму в Салатау. Имам обласкал и похвалил их. Поистине «храбрость—это терпение на час». Конец.

Так было, а всевышний аллах сказал в ясной книге откровения его великому посланцу и благородному любимцу, нашему господину и пророку Мухаммеду, да будет над ним молитва аллаха всевышнего и мир: «И те дни мы заставляли чередоваться среди людей».¹

Я сочинил касыду с окончанием на «т» об этом отступлении с целью утешения имама и поучения благородных наибов. Вот она:

Радуйся—успех уже выполнил то, что из радостных вестей
Обещали стихи истины—«А разве мы не раскрыли».²

Хвала тому, кто испытывает праведных, по мере их
убеждений
Бедствиями в противоположность милостям.

Благодарность за его воскрешение исчезнувших было учений
Мухаммеда
При посредстве одного за другим (идущих) по высоким
путям тариката.

Терпенье пужно в том, чем он нас испытывает
в соответствии
С его мудростью, такое же как терпенье благородных при
любых трудностях.

Хвала принадлежит ему, ибо мы ему исповедуем,
Потому что он—достойный прославления—
податель милостей.

¹ Коран, 3₁₂₄.

² Имется в виду 94-я сура Корана: «А разве мы не раскрыли твоего сердца, не сняли ли мы с тебя твоего бремени, которое тяготило твою спину? Не увеличили ли мы тебе славу твою?» и т. д.

Благодарность ему—обязательна, ибо за нее от него
будет больше.
Если вы его благодарите, то его ответ за это придет.

Терпенье неизбежно для нас по его предрешениям,
А это терпение бывает не иначе как только с помощью его,
так же как и повиновение.¹

Молитва аллаха над тем, кто был первым из них,²
Когда начиналось творение всего, он—печать
для пророчеств,

Молитва его над ним и мир за то, что он испытал
В апостольстве вкус трудностей всяких.

Над его семьей, сподвижниками, затем—посланцами и всеми
Их последователями в добрых делах и бодрствовании
(на молитве).

А затем. Любое дело есть решение аллаха.
Он его выполняет по воле своей. Он—деятель соизволений.

Он устраивает каждое дело³ среди тварей своим могуществом
И не лишит его сил все то, что есть во всем сотворенном.

Он вращает это дело превратностями⁴ по своему желанию.
По мудрости он не отсутствует во всех правильностях.

Что бы вас ни постигло,⁵ это—из его даров.
Что за бедствие, поразившее неожиданно! Оно принесло
радости.

Если бы вы были крайне стеснены этим испытанием,
То в его сокровищницах есть и исправление переломов.

Если от вас ушло оружие, то у него есть помощь.
Если от вас ушли молодцы, то ведь падением за веру.

Если вас постигла тягость, то после нее—две радости,
Ибо аллах милосерднее, чем матерей милосердие.

¹ В рукописи А глосса: «Т. е. так же как не бывает повиновения, кроме как при его содействии и помощи. От сына автора».

² В рукописи А глосса: «Т. е. из тварей сотворенных».

³ В рукописи А глосса: «Например, помощь, победу и пр. От сына автора».

⁴ В рукописи А глосса: «Т. е. путем перевертывания раз так и раз по другому. От сына автора».

⁵ В рукописи А глосса: «из испытаний».

Истинно, бедствия—мы забываем о трудностях,
Вспоминая о величайшем. Смотри на соотношения.¹

Разлука с нашим сейидом и похороны нашего избавителя
Мухаммеда по милости (аллаха)—самое губительное
несчастье.

Смерть ал-Яраги, друга аллаха, тяжелее всего,
Что мы испытали от некоторых поражений.

Также смерть за веру Гази Мухаммеда,
Объявителя шариата после его исчезновения.

Тезка дяди пророка—Хамзат был убит несправедливо.
Разве может быть горе после этих несчастий.

Сколько, сколько милостью аллаха отвращался ущерб,
И сколько, сколько помощью его забирались добычи.

По обилию этих милостей мы забывали кислоту наших
неприятностей.

Что за кислота, коль за ней идет надежда на сады рая.

А может быть эти испытания суть покаяние,
Восходящее по ступеням, которые устраиваются только при
помощи бедствий.

А может быть это—наказание за злополучие
Смешавшегося с порочностью поступков или любовью
к величию?

А может быть это—предзнаменование
О внезапном нападении врагов, ведущее к осторожности
перед ними?

Это то, ради чего необходимо бодрствование управителя и
Его управляемого без рассеивания внимания.

Истинно, порядок—у него совершенство такое, как
множество камешков.

Не надлежит оставлять его ни при каких обстоятельствах.

Ведающий каким-либо делом—на нем обязательство
Соблюдать это дело со старанием, избегая падения и не
слушая разных слов.

¹ В рукописи А глосса: «Т. е. соотношение того, что вы перенесли, к тому, что я указываю ниже. От сына автора».

Поистине, охранение—приготовил его пророк так же, как
и разведывание,
И предерживайтесь его (о вы, наибы) в соответствии
с шариатом.

Постигайте дела, преодолевайте страсти, не будьте,
(О вы, наибы), беспечны в необдуманных решениях,
поднимайтесь к искомому.

На вас—решимость и осторожность. Оставьте нерадение,
Ибо оно только посеребрянное украшение, рассейте
вероломства.

Этого вот, что я сказал, не смогут отвергнуть
Владетели ума даже из народа вражды.

О владыко, помоги над врагами нашему Шамилю,
Нашему имаму ислама, самому усердному из сотворенных.

Охрани его войска от поражения и падения
И от обращения вспять при встрече с врагами.

Это — Мухаммед Тахир, подвергшийся искушению страсти,
Надежда его—хотя бы пылинка от владетеля
заступничества.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В КРЕПОСТИ САЛАТАУ

В конце весны 1263 (1846/47) г. к имаму пришло от Идриса, наиба Гергебиля, тайное, с просьбой о помощи, сообщение о том, что русские идут против их крепости. Имам выступил с вооружением и снаряжением. Когда он достиг плато Хунзаха, его встретили Кибид Мухаммед ат-Тилики и Гази Мухаммед ат-Тилики. Они сказали имаму: «Здесь нет сведений об этом». Имам пошел дальше и остановился на равнине селения Куруда и здесь услышал грохот пушек. Имам полетел птицей и когда поднялся на гору Ифут, то увидел русских, отступающих от крепости после нападения на нее с осадными лестницами и разрушения из пушек одной ее части.

Воронцов проклятый отступил оттуда с большим уропом среди своего войска. Когда Воронцов увидел, что смерть от холеры по причине жары в той местности стала многочисленной, то отступил от крепости. Он ушел с войсками и остановился на горе Дурчали.

Затем дошла до имама (весть) о том, что Воронцов проклятый направился против крепости Салатау. Имам поднялся со своими товарищами и остановился в стороне Дарада, а наибы с их ополчениями вернулись по своим местам. Проклятый оставался там около месяца, затем выступил против крепости Салатау. Имам призвал на помощь наибов с их войсками.

Затем он поставил в крепости двух наибов, каждого из них с половиной его регулярных войск, а остальных выставил снаружи для охраны дороги от выходящих из крепости и направляющихся в нее и для сражения с врагами с тыла и флангов. Неверные повели наступление на крепость с флангов, а также сверху снарядами, которые разрушали крыши и взрывали землю. Осажденные сделали вылазку из крепости. Они завязали битву и множили среди русских урон убитыми и ранеными, даже среди офицеров и глав.

Те, кто находился с проклятым Воронцовым из христиан и прочих, неоднократно беседовали между собою о том, что пули солдат не поражают цели, даже одна из сотни, между тем как те (т. е. войска имама) не сделают ошибки, у них ни одна пуля не упадет на землю. И это—помощь аллаха всевышнего. Конец.

Рассказ. В Салатау к Воронцову пришло письмо от царя: «Я посылаю к тебе молодого человека, одного из искреннейших моих приятелей и любимейших друзей для того, чтобы он приобрел у вас большой чин и высокое звание. Почти его прибытие и сохрани его достоинство».

Воронцов послал для встречи и сопровождения этого молодого человека 3 тысячи лучших всадников. Они встретили его у Кизляра и повернули обратно с ним и его слугами, радуясь и развлекаясь до тех пор, пока не приблизились к равнине Салатау. Не смотря на то, что сопровождавшие окружали его с четырех сторон и поместили его в середину, пролетела маленькая слабая пуля и со звуком «зирт» поразила этого молодого человека позади уха. Он упал, его принесли к Воронцову, и он умер. Из него вынули внутренности, положили ему в нутро лекарства и отослали его труп туда, откуда он пришел. И хвала аллаху, владельцу миров.

Когда проклятый Воронцов увидел силу находившихся в крепости и многочисленность урона среди своих войск, то он погнал свои войска перерезать дорогу в крепость. Эти войска после сильной борьбы взяли дорогу. Дело стало таковым, что не осталось никакого пути для входа в крепость или выхода из нее, кроме как только посредством прорыва преград и рядов войск неверных. А наряду с этим осажденные все множили урон среди неверных до того, что они отсылали оказии с ранеными через каждые три дня.

Проклятый Аргут был ранен пулей в лицо. И сколько, сколько раненых и убитых из их больших и великих (начальников)! Три раза плакал проклятый Воронцов и рвал на голове волосы от раскаяния. Он гонял войска на штурм крепости около 16 раз. В то время была среди обеих сторон сильная холера. Затем неверные пошли на хитрость. Они построили рядом с крепостью с наружной ее стороны укрепленную башню, возвышающуюся над теми, кто находился в крепости. Они сделали под крепостью подкопы, заложили в них порох и подожгли его для того, чтобы взорвать и расколоть (стены) крепости. Когда же это не ослабило осажденных, то русские, да оставит их без помощи аллах всевышний, начали портить воду и осквернять ее, бросая туда трупы и помет животных. Таково было дело.

Имам ранее приказал тем, кто находился вне крепости, наносить ущерб неверным со всех сторон и не давать им ни покоя, ни досуга в их лагерях с целью вызвать досаду и раздражение врага до того, чтобы враги озлобились на этих (нападающих извне) и сердца их наполнились гневом и яростью. Когда осада находящихся в крепости и (лишения) различного порядка затянулись до 3 месяцев, то они ночью покинули крепость без разрешения имама. А имам уже в ту ночь послал к ним помощь со снаряжением и провиантом. На следующий день имам при сборе набов и ополчений сказал следующее: «Что касается этого проклятого Воронцова, то не он одержал победу над нами, а мы над ним. И этого никто не знает, кроме как я и он». Конец.

А подтверждение слов имама состоит в том, что рассказывает о войсках русских, находившихся в селении Ухлыб. Когда эти войска приготовились к стрельбе из пушек по установлению их закона при прибытии к ним Воронцова и уже выстрелили один раз, то к ним быстро побежал адъютант Воронцова и (издали) знаками показал им, чтобы они этого не делали. Подойдя же к стрелявшим он сказал, что Воронцов запретил это. Будучи спрошен о причинах подобного запрета, он ответил: «Чему ему (Воронцову) радоваться и веселиться? Разве вы не видите вон тех?» И он показал на оказию, везущую рапеных. Один конец этой оказии уже достиг селения Ухлыб, а другой еще не вышел из Цадакара.¹

Затем он сказал: «Поистине, эти мюриды вышли из крепости Салатау не из-за нашей победы над ними. Они оставили ее по причине осквернения воды, которой они пользовались, и из-за отсутствия мест, где ее можно достать для (нужд) их религии». Пе-

¹ В рукописи А: «а другой конец ее был на далеком расстоянии от Ухлыба».

редают также о том, что убыль в их регулярных войсках убитыми в Салатау (составляла) 17 тысяч человек, кроме убитых из числа находившихся с ними жителей различных вилайетов и кроме тех, кто умер от холеры. И хвала тому, царству которого нет ни ущерба, ни конца.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В КРЕПОСТИ ГЕРГЕБИЛЬ

В начале лета 1264 (1847/48) г. имаму сообщили (прося о помощи) о том, что русские идут против крепости Гергебиль. Имам выступил с вооружением и снаряжением и остановился на горе Ифут, а его войска спустились на равнину Гергебиль. Затем в один из дней эти войска выступили против громадных русских войск и бились сильным боем до тех пор, пока не прогнали русских обратно в их основной лагерь. Затем пришли русские издалека. Они пересекли горы сзади крепости и постепенно окружили ее со всех сторон. На местах, возвышающихся над крепостью, они построили башни. Затем они прервали дорогу для входа и выхода из крепости. Когда усилилась осада находившихся в крепости, то они ночью ушли из нее.

Дополнение. Эта крепость была построена там без одобрения имама. И после ее постройки он не обращал на нее много внимания и в то же время не хотел, чтобы ее совершенно оставили. Конец.

Русские принялись разрушать крепость, жечь селение и срубать деревья. Жителям Гергебиля и мухаджирам из той стороны имам приказал поселиться на обширной местности Ули. Обе стороны (войска имам и русские) стояли без движения некоторое время, ведя пушечную перестрелку.

Некоторые ополченцы из войска имама пошли и, укрывшись в садах Гергебиля, наносили поражения тем, кто отделялся от основных сил русских войск. Когда же русские начали отступать, то эти, укрывшиеся в садах, с боем напали на них с тыла. Когда же битва усилилась против отступавших, то они повернули обратно, атакуя и нападавая. Там у мюридов были некоторые потери. В этой схватке пали смертью праведников ученый (довольный милостью аллаха) наш брат Абу Бекр ал-Чиркави, наиб и ученый Хаджар ал-Хихали, ученый Шихша, муфтий Аварии, ученый Хаджияв, сын ученого Мухаммеда ат-Тануси, Химмат ад-Убуду и ряд других. Да наделит их и нас аллах всевышний благодеянием рая, и хвала аллаху, владетелю миров, царю, судьбе и владыке.

Осенью этого года имам выслал под предводительством мудира Данияль-султана войска и пушки со снаряжением и солдатами. Данияль-султан взял крепость Ничик и забрал там в плен около 300 человек из отступников и их глав. Когда имам догнал войска, то он освободил этих пленных, а их глав отослал в крепость Ыриб. Войска спустились в Ахди и нашли местных жителей обрадованными приходом имама, горящими желанием встретиться с ним. Были рады даже женщины и дети. Войска имама осадили крепость, бывшую в Ахди, и сражались против нее. Жители Ахди наиболее сильно (по сравнению с другими войсками имама) сражались и атаковали крепость, в связи с чем множество из них было убито. Некоторые же из жителей Ахди, отступники находились в крепости среди русских.

В один из дней хаджи Яхья ал-Чиркави попал начиненным пушечным ядром в пороховой погреб крепости. Огонь зажег погреб и он взорвался. Стена со стороны этого погреба рухнула. И не осталось никаких препятствий для проникновения в крепость, кроме промедления самих же наибов и их нерасторопности. Но никто не бросился на штурм крепости, кроме Мисигулава ал-Анди. Но эту брешь уже заградили и укрепили мешками с провиантом. Находившиеся в крепости в связи с осадой страдали от сильной жажды. Затем от рук самих же осажденных попал огонь на хранившиеся у них в башне начиненные пушечные ядра, отчего стогрели некоторые их солдаты.

Имам приказал подложить под стену в одной из сторон их крепости порох. Порох подожгли, стена раскололась на две половины, внутренняя половина стены продолжала стоять, а наружная рухнула. Дело находившихся в крепости пришло в расстройство, они убежали с места битвы в дома, расположенные внутри крепости. И (опять) никто не бросился на штурм крепости, кроме одного только наиба Кадия ал-Ишичали. И вот, в то время когда войска имама были заняты осадой и битвой, вдруг на горе, со стороны Ширахаля, показался проклятый Аргут с многочисленным войском. Они начали спускаться (с горы) к войскам имама. Изменился цвет лица народа, заколотились их сердца, высохли их рты и притихли их голоса и речи. Враг же после спуска открыл стрельбу из пушек. Те, кто был занят осадой крепости, вернулись обратно в селение. Осажденные вышли из крепости, они даже сами бросались в воду от сильно мучившей их жажды. Осаждавшим ничего не оставалось кроме бегства.

Как раз в это время пришли к имаму с радостной вестью два посланца от наиба, которого имам поставил с всадниками числом,

не превышающим 500 человек, для наблюдения за округом Хазра. Посланцы сказали: «Мы встретили там (в округе Хазра) некое войско, мы их обратили в бегство, поубивали, забрали в плен и раздели». Конец.

• Рассказ. Рассказал его один христианин, взятый в плен в этой битве (в округе Хазра), принявший затем ислам и ставший хорошим мусульманином. Он сказал, что их (т. е. войск, разбитых наибом) было около 500 всадников, они пришли из Куба, области отступников и христиан, и расположились в том месте (где напал на них наиб). Они ожидали холостого выстрела в воздух, который должен был сделать (как условный знак) Аргут для совместного наступления с двух сторон на войска имама. Они пили и ели, не представляя себе никакого нападения на них ни с земли, ни с неба. Их верховые животные были пущены на пастьбу. Часть солдат была в воде, некоторые спали, другие же сидели, не обращая внимания на оружие. Сперва на них подул мягкий приятный ветер, затем их окружили какие-то всадники. Они увидели их, как будто бы они покрыли все лицо земли, среди них было множество расшитых и белых знамен. Напавшие некоторых из них взяли в плен, некоторых раздели, а остальные спаслись. Их оружие и верховые животные остались в руках напавших. Конец.

Когда пришли эти два посланца, успокоилось волнение войск, их души наполнились мужеством, пришли в движение их желание (борьбы) и повысились их голоса.

Имам приказал кривому Мухаммеду Эфенди ал-Хуми направиться к тем спускавшимся (русским) с 20 товарищами имама для битвы с ними и отражения их. И народ пошел против тех, даже женщины и дети. Они сражались, убивали и прогнали русских. Русские стали подниматься (на гору), отступая, а сзади них войска имама сражались с ними, наступая, до тех пор, пока те не поднялись на вершину горы. Тогда вышедшие из крепости вернулись обратно, укрепились в ней и опять были осаждены как раньше. В один из дней начальник крепости отправил находившихся там отступников из Ахди обратно в их селение, поклявшись им, что эта крепость будет завтра взята. Когда же они пришли в Ахди, то имам послал их и некоторых из тех, кто находился в селении, в крепость селения Ыриб в качестве заложников. Среди них был ученый, поэт Мирза Али. На следующий день со стороны Хазра пришел проклятый Аргут. Войска имама для сражения вышли на обширную равнину и там сражались.

Пали смертью праведных Осман наиб Ири, муфтий Ири, ученый Мухаммед, сын Маруфа ан-Нукуши, два ученых, мухаджир Хаджияв, сын Цитави ал Хучуги, и Мухаммед, сын Абд ал-Латыфа ал-Элисуви, оба товарища Данияль-султана, и ряд других. За-

тем войска имама отступили, а враги нападали на них сзади, раздевали брали в плен и убивали. Все войска имама отступили, и он сам вернулся. Однако люди селения Ахди не нападали на них сзади, подобно всем прочим отступникам. Имам поставил своих наблюдателей из своих товарищей в теснине дороги для того, чтобы они отобрали у ополченцев все то, что последние взяли у жителей этих селений, и возвратили обратно владельцам. Конец.

Затем из числа тех, кто был забран в плен в этом сражении, некоторые умерли в руках русских, некоторые были обменены на тех, кто был взят оттуда заложниками, и на начальников крепости Ничик. Большинство из тех, кто был там взят в плен или убит, были люди Данияль-султана.¹ По его возвращении, утешая его, я написал ему письмо, в нем вот эти два стиха:

Стоит ли печалиться, когда есть уже предрешения.²

Мы стремимся, поистине, к достижению только того, что
предрешено.

Владыка решает, а рабы—на них долг быть довольными.
Ведь каждый из них (будет) вознагражден.

Заключение. Сочинил этот поэт Мирза Али, будучи огорчен заключением его здесь и гневаясь.³

Поистине, я—чужеземец. Моя книга—мой друг.

Поистине, я — одинок. Горе мое—мой собеседник.

Я был поражен заботой и скорбью настолько, что
Где же мне равный? где мне подобный?

Я удален от всего, что у меня было.

Где же мое дешевое? где мое дорогое?

Пришли уж в расстройство моя мысль, мой ум, мое

понимание

Ну, как я буду беседовать с плохим размышлением?

Я не мог понять того, что прошло надо мной.

Будь то в четверг или среду.

¹ В рукописи А глосса: «Т. е. из округов Караха и Кынсыра, правителем которых был Данияль-султан. От сына автора».

² В рукописи А глосса: «Которые исходят от творца земли. От сына автора».

³ В рукописи К глосса: «Эта касыда из сборника произведений поэта (Мирзы Али) ал-Ахди. Когда он попал в заключение к имаму и Данияль-султану, то Данияль пообещал ему ответить на это его письмо (в котором заключалась касыда), но промедлил несколько дней, желая исполнить данное обещание и забыв вследствие того, что постигло его из событий и печалей при разлуке с ним (Мирзой Али?). От автора».

Не было для меня приятным то, чем я питался,
И горькой мне была прохладительность чаши.

Я жалуюсь аллаху на мое огорчение и мою трудность,
Я стал слабым, презренным не имея покров (защиты).

Спроса на меня не осталось ни у какого народа,
Мои чистые деньги для них стали как мелочь копеек.

Надеялся я на пользу от людей этого времени,
Но они оказались общиной людей злосчастий.

Я встал перед ними, чтобы их возвысить,
А мое стояние им показалось подобно сидению.

Я служил им, дабы они были благодарны.
Любой из них возглавляемый был надо мной
возглавляющим.

А они погубили справедливости и благодарны не были.
Искомое нами они заменили обратным ему.

Для каждого мужа, который хранит обещания,
Уединенность сердец—лекарство для душ.

Веселость лица—доказательство верности
Нет пользы от грозного и угрюмого.

Содействия моего владыки заставляют распускаться узлы
И отсекают бедствия также, как отсекают секиры.

Аллах! тяжелое сделай легким для нас.
Обрадуй, милосердный, мои несчастья—беды.

О истина! Приведи меня к истине, о мой владыка.
К истине того, кто не шел как эти язычники.

В 1264 (году) я был посажен в тюрьму глубокую,
Заключен был в темницу темную.

Посылай же молитву и мир преславному,
Пока тянутся строки и длится бумага.

И Мирза Али взывает к своему владыке:
О владыка: будь для меня (защитником) и уничтожь
творящего против меня козни

В параллель стихам Мирзы Али я сочинил стихи в утешение путем назидания и с призывом благословения для тех, кто остался там из пленников. Мои слова:

Я прославляю владыку главного посланника,
Молитва над ним и сладостный мир.

Что за удивление—жалоба сотворенного
На того, кто перед людьми стоит на молитве,¹

Объединив все условия и выполнив все основания
Словом и делом, молится с возглавляющим сердцем,²

С умыванием и омовением, с обращением молитвы в сторону
«кыблы»,³

С сохранением времени (молитвы) и покрытием покрывами.

У него—еда и питье, но он хотя бы похлебки или воды
(Всегда) недостаточной тронул.

Нет, он обязательно дождется утешения трудностей,
Посредством милости тайной, или дорогого подарка.

Беседует с ним тайно сердце сокрушения,
Отсекая примеры людей, имеющих позорные мысли.

Нет пользы, которую бы мог принести любой возглавляющий
из них,

И нет вреда, который могла бы оттолкнуть мощь их
возглавителя.

Хвала за то, что мечеть—место твоего испытания,
И за то, что ты не был испытан ни в какой церкви.⁴

Когда бы ни захотел устроитель всего какое-либо дело,
(Он совершает его), вырывая насаждения человека.

Да, и я жалуюсь, (прося) аллаха о братьях в религии,
Которые остаются в оковах, пленниками у русских.

Разве они могут совершать молитву, (находясь)
В заключении у противника—сурового врага.

¹ Т. е. на имама, главная обязанность которого стоять на молитве впереди всей общины, представлять перед аллахом от молящихся.

² Т. е. молится от чистого сердца, соблюдая все правила моления.

³ «Кыбла»—сторона по направлению к Мекке, куда поворачиваются лицом мусульмане во время совершения молитвы.

⁴ Т. е. что ты был наказан в мусульманской среде, а не среди христиан.

Над ними надзиратель сердитый, упорный,
С неприятной речью и злоперечащим нравом.

Какое уж там омовение, какое уж обращение к кыбле
И соблюдение времени молитвы для этого узника.

Откуда им питье и пища,
Чистые и очищающие в тюрьме «аруса».¹

О владыко, владыко, владыко, ты—избавление от
Заботы опечаленного и от скорби в тюрьму заключенного.

Ты—освобождение каждого беспорочного пленника
Для исповедания веры и благодеяний вопреки злу.

Этим утешает Карахский в горе сердце ахдийца,²
Сведущего в стихах, и «корану голов».³

Я подражаю стихам безупречным, декламаций их
В возвышенном их расплавлении, как свет солнц.

В 1264 (году) мы восхваляем аллаха, нашего владыку, за то,
Что он наградил нас оставлением заблуждений.

Да благославит он и ниспошлет молитву над преславным,
Вестником радости, предостерегающим и стирающим
всякие мерзости.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В КРЕПОСТИ ЧОХ

В 1265 (1848/49 г., когда проклятый Аргут направился против крепости Чох и начал расширять к ней дорогу, имам собрал войско на поле Хутуб и устроил там совещание с наибами, пригласив и хаджи Мусу, наиба крепости Чох. А до этого сообщили этому наибу тайную весть о том, что намерение врагов—взять две горы: первая гора—Сугур и вторая—Али Мамад, находящаяся справа от первой. Имам приказал наибам приготовить завалы на подступах к этим горам и укрепить их посредством земляных работ и построек. Наибы вышли до наступления рассвета и начали в темноте укреплять эти горы, а имам, придя туда, расположился между этими двумя горами, (наблюдая, чтобы) не было упущений в этом деле.

¹ Значение слово «арус» в данном контексте непонятно, обычное его значение — жених, М. Б. автор ошибочно употребил его в значении «русский».

² Т. е. сердце Мирзы Али ал-Ахди.

³ «Корана голов»—вероятно, прозвище Мирзы Али ал-Ахди.

На следующий день он назначил каждому наибу место его битвы и пребывания. Наибы приготовили (к битве) надлежащим образом отведенные им места.

На третий день после этого пришел проклятый (Аргут) с его шайтанами. На битву с ним вышли некоторые люди и сражались. Затем проклятый приблизил большие пушки, поставив их у крепости на расстояние полета стрелы, выкопав рвы и соорудив навесы над этими пушками. Русские открыли из этих пушек стрельбу по крепости. Они стреляли большими снарядами по крепости и всем войскам, расположенным вокруг нее. Эти снаряды причиняли такой урон, что даже палатку имама из предосторожности перед этим уцербом передвигали три раза на разные места. Затем неверные, да оставят их без помощи аллах всевышний, взяли гору перед крепостью и сзади крепости и стреляли, и стреляли без конца до тех пор, пока не разрушили большую часть стен крепости, находившихся внутри строний, и башню, которая возвышалась над крепостью.

Враги заставили тех, кто был в крепости, скрываться в подземных норах, сделав их, таким образом, не имеющими даже возможности стрелять по русским.

Когда дело пришло к такому положению, то склонились рога наивов, твердость оставила ополченцев, а их мужество и храбрость ослабели. Тогда имам собрал всех наивов, включая и наива крепости. Он делал им выговоры и ободрял их. Он им сказал: «Истинно, вот те, начальники русских, работают и день и ночь над усилением их положения и возвышением их дела. Они держатся за свой закон и руками, и ногами, и коленями и зубами по приказу какого-то христианина. А вы не придерживаетесь религии аллаха великого, который есть ваш владетель и создатель, кроме как двумя сторонами вот этих—мизинца и большого пальца», и он обвел вокруг этих двух пальцев.

Затем он поклялся наивам: «Поистине, я не оставлю желтой чалмы на ваших головах, если вы задумаете отступить, оставив эту крепость в руках этого проклятого. Лучше и не мечтайте об этом». Затем он сказал хаджи Мусе: «Чтобы ты у меня берег и укреплял со своими товарищами место той башни на вершине крепости! Если ты только сойдешь с нее, то я непременно пробью твою голову до мозга и набью ее солью». На этом и разошлись.

Хаджи Муса укрепил это место, наполнив множество мешков с землей и сделав из них стену, за которой они скрывались. Весь народ принялся носить на плечах бревна из далекоотстоящего леса во время летней жары, и это в то время, когда они постились. Они заваливали этими бревнами и землей бреши в стенах

крепости, чтобы сделать такие стены, за которыми можно было укрыться.

Люди хаджи Мусы и отряды прочих наибов, таким образом, получили возможность защищать крепость. Зашивался рот каждого, кто говорил о том, что неверные возьмут эту крепость. Както ночью неверные захватили находившийся вне крепости источник воды, (которым пользовались осажденные). Когда об этом узнал имам, он послал одного своего товарища из людей хаджи Мусы с сотней людей последнего и сотней людей Сугратля для того, чтобы напасть и прогнать неверных с этого места и не дать им возможности отрезать (от крепости) этот источник. Посланные напали на русских, поубивали их и обратили в бегство так, что они даже оставили одну из своих пушек. Затем русские вернули свою пушку и отошли от источника.

Затем неверные начали применять разные хитрости для того, чтобы поджечь деревянные завалы стрельбой из пушек зажигательными снарядами. Тогда имам для тушения возникающих пожаров приказал наполнить большой пруд в крепости водой, наносив ее извне (крепости). Когда увидал Аргут проклятый, что он не ослабит осажденных любой хитростью и не сможет взять крепости любым коварством, то принялись неверные однажды ночью стрелять из каждого «просверленного и выдолбленного» (т. е. из всех орудий и ружей) до тех пор, пока не отступили в конце той же ночи. Когда утром осажденные узнали об отступлении русских, то пошли вслед за ними, сражаясь и убивая λ . Пришло облако. Оно окутывало преследующих до тех пор, пока последний из врагов не поднялся на гору Чальда-Раала. Когда же облако рассеялось, преследующие вернулись обратно. В яме было найдено около 13 мер пороха, оставленного русскими.

Когда имам увидел произведенные в крепости разрушения, он сжалился над теми, кто находился в ней. Это даже заставило его заплакать. Проклятый Аргут оставался там (на горе Чальда-Раала) несколько дней. Имам приказал всем наибам построить стены крепости, так же как они были до прихода проклятого, дабы рассердить и разгневать Аргута. Эта битва длилась около двух месяцев.

Когда я получил радостную весть об отступлении этих неверных, я сочинил касыду, и вот она:

О как прекрасны радостные вести приходящего брата.
Уста его как будто бы меда изливают.

Хвала аллаху, разливающему радостные вести потоком.
Благодарность моему владыке за удаление варваров.

Молитва над идущим с мечом истинной веры.
И мир над защитником достойных защиты.

Над его семьей и сподвижниками—львами его общины,
Мечами его доказательства, стирающими заблуждения,

И над следующими по их пути и в войне и в мире,
Продающими свои жизни, домогаясь благоволения.

А затем. Аллах он—владелец содействия и помощи
В победе и избавлении, устранитель забот.

Пришел враг со снаряжением и вооружением—
Аргут с главарями людей отступничества.

Намерение их—одолевать укрепление в (селении) Чох
И поселиться в нем, путем изгнания оттуда людей шариата.

Старания их подкреплялись их подкопами и ухищрениями,
Такими, что множество их не мог счесть созерцающий.

Всем тем, что важно и всем тем, что ничтожно
Они усилили битву выше всякого разума.

Затем имам, повелитель правоверных, возвысил
Руководство свое над намерением гордого кафира.¹

Шамиль ополчил свои великие войска и
Управлял своими наибами наиблестящим порядком.

Тогда стал обратным исход дела неверных.
Стремления их улетели по путям потерь и гибели.

Ночью они все разбежались, повернули обратно и отступили
Туда, откуда они уж не уповают вернуться впоследствии.

Спроси проклятого, спроси у солдат: «Каковым вы нашли
Имама пред лицом битвы при встрече?»

Как будто бы он—скала, нет, даже—горная вершина,
Пик которой вонзен в глаз нападающих.

Спроси наивов, спроси ополченцев, сообразно желанию—
Как среди них проходило его руководство?

Как он поражал? И какое благоразумие и решимость
В его заботах об охранении мест, вызывающих опасения!?

¹ Т. е. неверного.

И сколько, сколько его слова противоречили стремлениям
разным,
Но исход этих слов приходил сообразно желаемым целям.

И сколько, сколько раз помыслы его бывали совпадающими
С тем, что аллах желал в сокровенном.

О вы, наибы и управители, все вместе, усвойте себе
Качества наисовершенного в джихаде халифа.

Послушно и покорно трудитесь для споспешествуемого
И тогда в делах достигните желаемых целей.

Соблюдайте его слово, опасайтесь его действий,
Выполняйте его приказанья, воздерживайтесь от
противоречий.

О владыко, продли жизнь Шамиля, ибо им обрадовано время,
Он—укрепляющий нашу религию, оживляющий наши
пределы.

Он—пасущий людей истины всех в совокупности
Долготой его жизни на самом высоком месте стояния.

Даруй победу его наибам, исправь его управителей
В устройстве войск и исправлении подданных.

Содействуй их ополчениям, убереги их всех
От нарушений шарията на путях его искажения.

В день цветущий шавалья 1265 года наш подарок и
Лучшее приветствие преславному пророку.

Это—Мухаммед Тахир, выправленный в своем изломлении
Словами для всякого дела во всяком благе.

О владыко, хвала тебе за ислам, за его истинность,
Дай нам жить и дай умереть при чистоте устремлений.

(Своими словами «выправленный в своем изломлении словами для всякого дела» (Мухаммед Тахир) хотел сказать, что он был расслаблен и сломан для «вершины горба», т. е. для лучшей из форм служения исламу (священной войны) в виду слабости и болезни в суставах так, что трудно было ходить и стоять, и аллах всевышний выправит его в день воскрешения путем сотоварищества с совершавшими газават. Ведь сказал наш сейид Мухаммед, Да будет над ним молитва аллаха всевышнего и мир: «человек-с тем, кого он любит»).

ГЛАВА О ПЕРВОМ СРАЖЕНИИ В ШАЛИ

В начале зимы 1266 (1849/50) г. пришли русские с многочисленным вооружением и обильным снаряжением для рубки просек в Шали. Имам собрал войско и выступил со своими пушками и снаряжением и солдатами при них. Русские рубили (лес) и жгли каждый день с утра до вечера, а войска имама сражались с ними. Они шли по их следам и при отступлении и при наступлении, сражаясь с ними при помощи пушек и ружей по мере своих сил. Русские были там в таком положении до приближения окончания зимы. Затем они ушли, понеся многочисленный урон. Вернулись и войска имама. Пали смертью праведных из войск имама (несколько) человек. Среди них наиб, ученый Турач ал-Карати, наиб храбрец Муртади Али ал-Урути, да вознаградит их добром аллах всевышний. В этом году был устроен завод (для изготовления) пороха, который толкали при помощи воды, и был установлен порядок сбора и покупки материалов для изготовления пороха.

ГЛАВА О НАЗНАЧЕНИИ ГАЗИ МУХАММЕДА СЫНА ИМАМА, НАИБОМ

Когда пал смертью праведника Турач, наиб Караяля, имам стал советоваться с учеными и приближенными о том, чтобы назначить над караяльцами наибом своего сына Гази Мухаммеда.¹

Ученые это одобрили после некоторого обдумывания и размышления. Его назначили наибом, а он, сын 18-летний мальчик, еще не достиг зрелости. И он сидел там, т. е. в Каратах с учителями—одним за другим, и управлял караяльцами наилучшим

¹ В рукописи К глосса: «В эту зиму впервые началось житье бедного писца у имама в Дарго. Ему дали имя Мухаммед Тахир. Когда имам и его войско вернулись из Шали, то имам приказал ученым и тем, кто считался суфиями, погадать на Коране. Писец увидел, что смысл стиха Корана, прочитанного при гадании, указывает на то, что наибство предназначено ему, т. е. Гази Мухаммеду. Я жил у него в Дарго после много лет и зим, раз за разом, до тех пор, пока не умер мой отец между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русских в Буртунай для закладки там крепости. Да соединит нас аллах в доме ислама. От автора, да помилует его аллах всевышний».—В рукописи А в тексте: «Имам приказал ученым и людям тариката погадать на Коране и небрежный сей передатчик увидел, что в книге написано о том, что наибство предназначено ему (т. е. Гази Мухаммеду, сыну имама). В эту зиму впервые началось мое житье у имама в Дарго. Во время этого житья меня называли Мухаммед Тахир, а раньше было мое имя—Мухаммед Тылав. Я жил у имама после этого одно время года за другим до тех пор, пока умер мой отец во время между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русским в Буртунай для закладки там крепости. Конец.

управлением и наказывал их как самый мягкий начальник. И с того времени, как он занял эту должность, он не перестал вплоть до этих наших дней отличиться благородным и мудрым и быть восхваляемым за сострадание, милости, почитание и уважение к народу, отсутствие гордости и кичливости и за прочее то, что приличествует достоинству правителя и наиба в части религиозности, соблюдения (порядков и законов), твердости, мужества, джигитства и превосходства. И да пусть это не перестанет быть таким же образом до появления Махди перед страшным судом и пусть будет он (Гази Мухаммед) увеличивать совершенство в науке и справедливости и доброе стремление к праведности и совершенству. И не отвлечет его обилие благоденствия от благодарности благодетельствующему (ему аллаху).

ГЛАВА О ВТОРОМ, ТРЕТЬЕМ И ЧЕТВЕРТОМ СРАЖЕНИЯХ В ШАЛИ

В начале зимы 1267 (1850/51) г. неверные с более многочисленным (чем раньше) снаряжением и большей силой пришли опять в Шали для рубки леса. Имам выступил с войском, как и в первый раз. Войска имама сражались с русскими таким же образом до окончания зимы, перенося большие затруднения и совершая переходы в трудных и тяжелых обстоятельствах. Они выступали с мест своих ночевок каждый день рано утром в сильные зимние холода и по обильной чеченской грязи шли к далеким местам сражений и возвращались обратно после захода солнца. И при этих условиях нанесли урон русским и сами терпели урон от русских. И хвала аллаху, владетелю миров, это и есть великое сражение в Шали. Произошло оно и произошло еще два, кроме него, в восьмом и девятом годах.

ГЛАВА О ВТОРОМ, ТРЕТЬЕМ И ЧЕТВЕРТОМ НАБЕГАХ НА ХАЙДАК И ТАБАСАРАН

Когда стали многочисленными от жителей Хайдака и Табасарана к имаму различные послания и посланцы один за другим с просьбами—послать какого-либо наиба с войском к ним для того, чтобы этот наиб установил среди них управление по шариату и объединил их в регулярную армию ислама, дабы они действовали, как единая рука против достойных злополучия, русских, то имам выступил в начале лета этого седьмого года со своим снаряжением и вооружением и расположился лагерем на горе Ружж.

Он послал наиба Омара ас-Салати с другими двумя наибами Кадди ал-Ишичали и Нур Мухаммедом ал-Карахи с их ополчениями и ополчениями других наибов всего числом до 3 тысяч. Омар вернулся с дороги. Имам дал ему и его двум товарищам (наибам) отставку.

Тогда Хаджи Мурад ал-Хунзахи попросил имама послать его с пятьюстами всадников при условии, что среди этих всадников будут наиб Хусейн ал-Гергебили, Шап Гирей, заместитель наиба Ибрахима ал-Гимри и наиб Батир ал-Мехельти со всеми их товарищами. Затем имам с его войском пошел и остановился в селении Бухти. Затем пошел (дальше) и остановился на горе Дурчали. Против них вышли русские, и они сражались. Пали смертью праведников некоторые люди, среди них новый наиб ученый Мухаммед из селения Уради округа Хидали. В то время, когда народ убежал, свежий юноша и неокрепший мальчик Гази Мухаммед, сын имама, выказывал превосходную стойкость, со своими товарищами числом около 6 человек. Благодаря этой стойкости получили спасение множество бегущих при непосредственной помощи самого Гази Мухаммеда, сражавшегося против тех, кто преследовал сзади убежавших. Это было первое его сражение после назначения его наибом, и хвала аллаху всевышнему за дарование ему успеха и направление его по верному пути. Конец.

Хаджи Мурад с тем, кто был с ним, пошел и напал в селении Буйнаксе на дом Шахвали-хана, брата отца шамхала Муслим-хана. Они убили его и забрали в плен его детей и жену, сестру Джамава ал-Хайдаки и захватили все то, что было в его доме из оружия, женских драгоценностей и пр. Там был ранен наиб храбрец Батир ал-Мехельти. Он умер в Табасаране. Затем они отправились дальше, забрав с собой этих пленников и имущество. Когда они достигли селения Хайдак, то жители Хайдака попросили их освободить ради них этих членов семьи (взятых в плен), обещая за это склонить ее брата (т. е. брата жены Шахвали) Джамава к миру и соглашению. Но Хаджи Мурад не захотел послушаться этого и (даже) не обратил внимания.

Имам послал их (Хаджи Мурада) и его войско) для того, чтобы они поселились там в каком-нибудь укрепленном месте, построили там неприступную крепость и установили бы свое управление среди жителей тех вилайетов, а также, чтобы они согласились на борьбу с врагами и подчинялись имаму. Однако Хаджи Мурад не намеревался это сделать. Он шел по своему пути и обыкновенно в отношении грабежа и похищения отсюда туда, отсюда сюда.

Они таскали за собою тех пленных туда, куда сами шли, подобно кошке, перетаскивающей своих котят туда же, куда она пе-

реселяется сама. Так они пребывали там некоторое время. Народ тех вилайетов не согласился с ним (Хаджи Мурадом) и не объединилась их разрозненность вокруг него. Тогда они вернулись обратно, убегая и обгоняя друг друга. Та женщина спаслась, убежав в дороге во время происшедшей в пути схватки. Пали смертью праведников этот храбрец, совершенный мухаджир Шан Гирей и ряд других. Когда вернулся Хаджи Мурад, то вернулся и имам и дал ему отставку.

Дополнение. Когда Хаджи Мурад получил отставку, то это стало тяжело для него, он был огорчен и совершенно подавлен. Тогда он и те, кто шли вместе с ним, принялись опорачивать перед жителями Хунзаха хунзахского наиба и имама так, что даже побудили большинство их знати к выполнению приказов Хаджи Мурада, (заставив их пойти) путем неповиновения имаму и нарушения договора с наибом. Когда это неповиновение их имаму обнаружилось, то вышли против них некоторые войска имама. Те же собрались и объединились в селении Балахичи для оказания сопротивления и борьбы. После всякого всего народ, наконец, отделился от Хаджи Мурада, и он попал под суд имама. Но имам простил его. После этого ни в каком жилище не мог найти себе Хаджи Мурад приюта и ни в каком доме—покоя; он уничтожил большую часть имущества своего дома—и все это из-за плохих качеств своего характера. Рассказывают, что его усторила клевета. Он убежал к русским, забрав с собой некоторую сумму наличных денег. Осталась здесь его семья и дети, и раскрылось большинство потайных мест хранения его сокровищ. Затем, когда имам был занят сражением в Шали в восьмом году, Хаджи Мурад находился в крепости Сундж. Он послал к имаму просить отпустить его семью к нему. Имам ему не ответил. Тогда он послал вторично. Имам послал ему ответ следующего содержания: «О глупец! Поистине ты отступил от ислама. Я не глупец, подобно тебе, чтобы послать твою семью для того, чтобы они отпали подобно тебе».

Тогда Хаджи Мурад отправился в крепость Чар. Говорили, что он раскаивался в своем бегстве. Сообщил мне это, а я передатчик—Мухаммед Тахир, достоверный человек, который был вместе с ним в крепости Чар. Он сообщил также о том, что Хаджи Мурад не ел и не пил вместе с русскими. Затем он отправился в крепость Нуха. Здесь между ним и одним из начальников крепости, в то время, когда они совершали прогулку по равнине, произошел спор. Хаджи Мурад убил этого начальника и большинство его товарищей. Затем он убежал с 7 товарищами в сторону Элису и был там убит. И хвала аллаху, творцу и владетелю.

ГЛАВА О НАБЕГЕ БУК МУХАММЕДА

Так как поток писем и посланцев из Хайдака и Табасарана не прекращался, а их жители уцепились даже за подол устаза Джемаль ад-Дина и последний в свою очередь неотступно приставал к имаму, то имам ответил Джемаль ад-Дину, сказав: «Истинно, этот поход—твой. И то, что будет результатом его — твое детище, будь то мальчик или девочка».

И он послал мухаджира, храбреца Бук Мухаммеда ал-Гумуки, наиба Мукарура с людьми из его наибства и мухаджиров Гази Гумука и Ахди. Они выступили числом около 200 человек в начале зимы восьмого года и начали устанавливать среди жителей Хайдака и Табасарана свое управление и порядки, назначая наибов, кадиев и начальников сотен.

Примерно через 20 дней против них выступили войска русских вместе со множеством отступников из Баршалы, Даракама, Табасарана, Дербенда, Кура, Куба и Ахди. Бук Мухаммед со своими товарищами и те, кто имел с ними соглашение из людей той округи, укрепились в селении Шилахи в стороне Хайдака. Они преградили туда дороги и укрепили все проходы в селение. И вот как-то ранним утром, в день пятницы, враги проникли к ним из-за беспечности встречных, вышедших на битву против них, и защитников. Когда умножилось убиение, то уменьшилась численность товарищей Бук Мухаммеда. Осталось только около 200 человек, (засевших) в 5 домах, и (вновь) запылал огонь битвы между ними и врагами. Враги зажгли огонь своих пушек против домов, в которых находились товарищи Бук Мухаммеда, до того, что большинство этих домов разрушили. Враги бросались на них в атаку множество раз, но товарищи Бук Мухаммеда косили их раз за разом. Враги поднимались раз за разом на крыши их домов, но они сбрасывали их при помощи шашек и в рукопашную. Враги бросали на них через окна огонь и приближались к ним так близко, что они даже ухватились через окно за одно из ружей врагов, и (враги были вынуждены) силой тянуть это ружье от них. Таким образом они давали отпор врагу до тех пор, пока не наполнились их трупами занятые ими дворы и улицы. Когда наступила ночь, враги отступили от них и выставили караулы на всех дорогах и проходах в селении для того, чтобы сражаться с ними при их выходе. При выходе был ранен двумя пулями павший (впоследствии) смертью праведника храбрец Бук Мухаммед. Его товарищи не могли его нести и оставили там в одном из тех домов, (в которых они защищались). Враги нашли его еще живым и отправили в Дербенд с почтением и возвеличением. Он там умер и был с почетом похоронен на кладбище Киркляра. Да почит его

и нас аллах всевышний в рай. Там пали смертью праведников около 20 товарищей Бук Мухаммеда и некоторые люди из тех вилайетов.

Что же касается того, что произошло там из урона у врагов то рассказывали, что было убито из неверных около 2500 человек и около сотни отступников. Были ранены (среди отступников): Джабраил, брат Юсуфа, начиненным снарядом; Саид, сын его брата, (т. е. племянник Джабраила); Хамзат, сын Харуна; Амир из Табасарана, сын Джамава; был поцарапан Джамав пулей, которая убила его лошадь, его брат Джафар Кули, и был убит еще генерал.

Первым, павшим там смертью праведника, был Муртади Али ал-Куади, верный мюрид, литейщик пушек. В ту ночь он видел во сне, что как будто бы он вошел в прекрасный высокий дом. Конец.

Да введет аллах всевышний его и нас в рай, по заступничеству того, кто дошел до «лотоса крайнего предела»,¹ да будет над ним без конца молитва и мир.

Что же касается остальных товарищей Бук Мухаммеда, то они попали в трудное положение, приведшее или к плену или смерти. И хвала аллаху, владетелю миров.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В ЧАРЕ

Когда умножились упрашивания мухаджиров Чара о том, чтобы имам выступил против находившейся в Чаре крепости, а эти мухаджиры говорили, что главы и знать того вилайета заключат с имамом соглашение о борьбе против русских и искоренении их из той крепости, то имам выступил с многочисленным войском, пушками со снаряжением и приставленными к ним солдатами в начале осени 1269 (1852/53) г. Когда войска спустились в Закаталы, против них вышли русские. Загорелась между двумя сторонами битва. Затем русские удалились. Там было убито много русских и отступников. Пали смертью праведников: юноша Курбан ал-Карати, знаменосец сына имама Гази Мухаммеда, ученый благочестивый Иса, сын кадия Акуши, и ряд других.

Гази Мухаммед остался в Закаталы и расположился там лагерем, а имам находился на вершине горы, возвышающейся над Закаталы. Имам поставил двух набов для осады крепости «Золотой пруд».

¹ По мусульманским представлениям о рае, «лотос крайнего предела» — дерево на седьмом небе, которого не достигали ни ангелы, ни пророки, и только достиг один Мухаммед. Ср. Коран 53₁₄.

Из знати Закаталы не пришел к имаму никто, кроме одного. Они, наоборот, укрепились в крепости русских со своими семьями и имуществом. Тогда имам послал отряды в разные стороны, но от них также ничего значительного не получил. Так они простояли там несколько дней. Большинство людей было раздражено холодом и недостатком провианта. Затем имам узнал, что многочисленная помощь из русских под командой Аргута идет против него, в тыл его войскам, со стороны Гази-Гумука. Тогда он со всеми людьми и снаряжением спустился к Гаты-мацих, намереваясь остановиться там. Затем утром следующего дня поднялся к крепости «Золотой пруд» и сражался несколько дней против нес. Там пали смертью праведников Ахбулат, наиб Тадбутри, и Сулейман ад-Цилики, и были ранены некоторые товарищи имама.

Посланные имамом отряды вернулись. Среди народа усилилось отвращение (к войне) и голод, помощь проклятых спустилась к крепости Чар. Тогда имам разрешил народу вернуться обратно. Вернулся и он сам. И хвала аллаху, владельцу миров. После этого проклятые разрушили крепость «Золотой пруд», так что не оставили там камня на камне.

ГЛАВА О БЛАГОСЛОВЕННОЙ БИТВЕ В ГРУЗИИ

В «десятое» лето 1270 (1853/54) г. имам выступил в поход со своим снаряжением. Он собрал войско со всех четырех сторон и остановился в Зуну у селения Караты. Свои намерения он скрывал от всех, даже от своего сына Гази Мухаммеда, наиба Каралля. Когда Гази Мухаммед спросил его: «В каком направлении нам исправлять дорогу для похода?», то имам ответил: «Исправляй ее во все четыре стороны». Прежде всего мы изложим то, что содействовало успеху имама, данного ему от аллаха всевышнего и оставившего без помощи его врагов. Это потому, что один шпион вышел и направился к вали крепости Чар. Он пугал этого вали и предостерегал его, говоря ему: «Имам уже выступил, направляясь против тебя с войсками, против которых нет силы устоять кому бы то ни было; (он это делает) для исправления того, что было сделано им ошибочно в прошлом году.² Так прими же меры предосторожности».

¹ В рукописи К глосса: «Благословенная по обилию того, что было захвачено в этой битве. Что же касается того, что было сделано имамом, то, истинно, оно злосластно. От автора».

² Имеется в виду, очевидно, неудачный поход имама против крепости Чар в 1853 году.

Вали поверил этому шпиону и почтил его. Затем он послал письма с сообщением об этом в вилайеты Грузии и к грузинской знати для того, чтобы они явились к нему и охраняли эту крепость (Чар). Когда имам пришел в Тинды, отправился другой шпион к вали Грузии. Шпион сообщил этому вали: «Имам с многочисленным войском направляется против вас».

А к этому вали еще до прихода этого шпиона уже доставили письмо генерала крепости Чар о том, что имам направляется против крепости Чар. Вали Грузии не поверил этому шпиону и не послушал его. Он подумал, что это — обманщик и злоумышленник, которого послал имам с целью обмануть их для того, чтобы они не являлись в чарскую крепость. Затем, когда показались знамена войск имама на вершине горы, то их увидели находящиеся в крепости Цунта.¹ Они послали несколько гонцов, одного за другим, с сообщением о том, что «имам и его войско показалось перед нами». Но в этом им не верили (находившиеся в Грузии). Они сказали: «Может быть те, кто там—один или два наиба с их отрядами, которых послал туда имам для отвлечения нас от чарской крепости».

Они оставались при этом мнении до тех пор, пока не опустились войска имама на равнину. И слава ему, всевышнему. Конец.

Затем имам сел верхом с именем аллаха всевышнего, и они шли (без остановки), пока при времени заката не остановились на снежной вершине горы выше крепости Цунта. Имам назначил предводителями над пехотными силами Данияль-султана с Джабраилом Мухаммедом ал-Чиркави, а над конными силами—своего сына Гази Мухаммеда. Он приказал сперва выступить пехоте. Данияль-султан пошел с пехотой, а с ним также храбрец хаджи Мухаммед, сын Туралава, наиб Цунталя. Гази Мухаммед с всадниками пошел вслед за ними. Поздним утром они напали на селение Шилда и вошли в него и прилежащие к нему селения, убивая оказывающих сопротивление, забирая в плен семьи, захватывая драгоценное имущество и сжигая жилища и поселения.

Там пал смертью праведника этот наиб хаджи Мухаммед и ряд других. Они забрали оттуда множество пленных и великие богатства и сожгли все селение, кроме укрепления, в котором укрылись некоторые из жителей селения, среди которых был и их мужлан Чавчавадзе, который укрылся в укреплении, пренебрегая пленом семьи и сожжением его дома, о чем будет сказано немного ниже.

¹ В рукописи А глосса: «Т. е. в крепости, находящейся на горе Гурджани в стороне Цунты. От редактора».

Передовые части конницы пересекли реку Алазани и затем, к вечеру, все вернулись обратно и собрались за селением Шилда. Пленных отправили в лагерь к имаму. А имам уже начал сражение против той крепости (крепости Цунта), открыв по ней стрельбу из пушек.

При имаме находилось большинство его товарищей и те, кто остались из пехоты и всадников. Находившиеся в этой и второй, расположенной ниже, крепостях сдались имаму. Затем имам послал к своему сыну Гази Мухаммеду и Данияль-султану (приказ) о том, чтобы они утром следующего дня сделали набег на церковь Алаверды, находившуюся перед рекой Алазани.

На следующий день они выступили. Один мудир с некоторыми наибами, всей пехотой и ослабевшими всадниками был поставлен со стороны селения Кварели для охранения от врагов этого ущелья.

Конники поскакали, обгоняя один другого. Когда они достигли берега реки Алазани, то встретили перед рекой отряд, пришедший из Грузии с намерением оказать им сопротивление и сражаться против них. Этот отряд их не заметил и не принял мер предосторожности. Войска имама напали на них (на отряд) со стороны реки Алазани, и те обратились в бегство, подобно племени Саба. Они обгоняли и опережали друг друга до тех пор, пока не прискакали в какое-то селение. Это оказалось селение Цилиндар. Здесь войска имама взяли в плен жену Чавчавадзе, ее детей, внуков царя Ираклия и тех женщин, которые были с ней из служанок, даже воспитательницу детей—англичанку. Взяли также в плен жену Ильи, упоминавшегося при (описании) сражения с Воронцовым, и молодую девушку из знатного среди них дома. Оттуда забрали драгоценное имущество, украшения и всю утварь и домашнюю обстановку из золота и серебра, забрали даже корону царя Ираклия, перешедшую к нему по наследству от дедов. Эти богатства были таковы, что не пересчитает считающий их множество и не опишет описывающий их великолепие. Затем сожгли дом Чавчавадзе и вернулись обратно. Когда они перед самым закатом достигли того ущелья, в котором раньше поставили мудира, то встретили врагов, пришедших туда из крепости Кварели. Враги открыли стрельбу из пушек. Некоторые из ополченцев побросали часть того, что захватили, и поскакали по кварелинской дороге направо, пока не скрылись от врагов. Затем войска вернулись из леса на то место, где они ночевали прошедшую ночь. Враги убежали из этого ущелья еще до того, как задние части войска прошли через это ущелье к месту их ночевки. На следующий день отослали пленных и захваченное имущество в лагерь к имаму. Они оставались в этом ущелье 2 дня, после чего пришел приказ имама

о возвращении к нему. Они собрали домашних животных, волов и буйволов такое множество, что ополченцы даже резали волов для того только, чтобы снять с них шкуру для пошивки сандалий. Были собраны богатства и пленные. Пленных было 894 человека.

Имам после совещания о том, кого оставить для выкупа плен-ных мусульман, выбрал (из оставшихся пленных) камилей¹ и рас-пределил их между наибами. А их знать имам отослал в сопро-вождении своих товарищей в Дарго, в заключение. Он отослал также в Дарго жену Чавчавадзе с ее детьми и служанками, жену Ильи, ту молодую девушку и некоторых детей из знати, всех скры-тых под покрывалами и неприкосновенных с той целью, чтобы они были выкуплены за деньги. Затем была выплачена каждому, кто принес какое-либо из богатств, будь то много или мало, деся-тая часть (от того, что он принес). Затем от остатка богатств и пленных была отделена одна пятая часть. Все остающееся было распределено между участвовавшими в захвате добычи: пешему одна доля, всаднику—три доли. Они оставались там около недели. Сожгли ту крепость, а затем вернулись.

Рассказывают, что погибло из жителей Грузии в этой битве около 2 тысяч душ убитыми, пленными или побросавшимися в реку Алазани. И было сожжено у них около 18 селений. И хвала аллаху, владельцу миром.

Затем они начали выкупать своих детей, одного за другим, за деньги, настолько большие, что даже говорили, что не осталось вовсе денег в Грузии и стали они в изобилии здесь до того, что подешевели, но приток их все не прекращался долгое время. Да и не прекратит его (этого притока) аллах всевышний вовеки.

ГЛАВА О ВОЗВРАЩЕНИИ К ИМАМУ ЕГО СЫНА ДЖЕМАЛЬ-АД-ДИНА

Имам содержал этих женщин и тех, кто был с ними, а их было 20 с лишним человек, в хараме² своего дома. Он обходился с ни-ми по обычаю, принятому при обхождении с женщинами, — при спущенных покрывалах на лицах и неприкосновенности с возвели-чением и почетом. От их родственников приходили один за дру-гим посланцы, прося обменять этих женщин. Примерно через 9 месяцев дело пришло к обмену Джемаль ад-Дина на начальника крепости Цунта. Эти женщины были выкуплены за 13 с полови-

¹ Камиль—раб не-мусульманин, использовавшийся в домашнем хозяйстве.

² Харам—женская половина дома, куда запрещено входить всем мужчинам, кроме хозяина дома.

ной мер серебра. Прочие пленные были обменены голова за голову. Место для обмена было устроено между Мухрас-Шуайбом и крепостью Уйсунгур. Имам пришел с наибами и их ополченцами, со своим сыном Гази Мухаммедом и его товарищами, с этим начальником (крепости Цунта) и забранными вместе с ним пленниками и с теми женщинами. Женщины ехали в арбах. Они остановились на берегу реки Мичик. Пришли и русские и расположились на другом берегу. Они ходили одни к другим небольшими отрядами. Пришла весть от барона, в руках которого находилось их дело, о том, чтобы прислали к ним сына имама Гази Мухаммеда, примерно с 20 товарищами для того, чтобы они видели его, а он встретил своего брата (Джемаль ад-Дина). Имам сказал: «Пусть идет, если хочет, уповая и положась (на аллаха)».

Гази Мухаммед отправился с 30 всадниками. Они перешли эту реку и остановились у холма, построившись рядами, с лицами, обращенными к русским. От русских пришло примерно такое же количество из их начальников, сопровождаемых сзади рядами пеших солдат. Русские остановились перед нами (посланцами имама) построившись в ряды и поставив посреди рядов Джемаль ад-Дина. Гази Мухаммеду показали Джемаль ад-Дина, и он подал ему руку. Джемаль ад-Дин вошел было в ряды (товарищей) Гази Мухаммеда, но последний приказал ему оставаться пока, до нужного времени, в рядах неверных.

Среди русских находились перебежавший к ним Бутай проклятый и его сын. Этот Бутай пытался пожать руки мюридам и приветствовать их, говоря «добро пожаловать», но никто из них не посмотрел в его сторону и не ответил на его приветствие; они даже не обратили внимания ни на него, ни на его сына. Это мучило и тяготило Бутая. Затем Гази Мухаммед послал к имаму (сказать), чтобы он прислал тех женщин. Имам прислал их (сидящими) на арбах. Когда эти женщины были уже близко за (рядами товарищей) Гази Мухаммеда, русские привезли три арбы, (груженные) слитками серебра и, исполняя то, что было обещано, отдал его сидевшему на лошади его отцу.

Гази Мухаммед похвалил пленников и сказал (обращаясь к ним): «Благодаря вам возвращаются к нам наши дети». Затем, обращаясь к неверным он сказал следующее: «Истинно, мы не обращались плохо с вашими семьями, ибо—мы не люди измены и греха. Мы были воюющими поборниками ислама».

Один из русских сказал Гази Мухаммеду: «Не стреляйте здесь из пушек и ружей в знак радости, чтобы не пугались и не боялись эти наши женщины и дети». — «хорошо», — ответил Гази Мухаммед

и приказал им доставить это серебро на арбах на другой берег реки.

Имам приказал еще раньше снять с Джемал ад-Дина имеющуюся на нем одежду и одеть его в нашу одежду. Удалив народ от Джемал ад-Дина в сторону, Гази Мухаммед приказал ему перодеваться. Затем, когда они отделились от русских, народ стал тесниться вокруг Джемал ад-Дина для того, чтобы посмотреть и приветствовать его. Когда они перешли реку то те из русских, которые были с арбами, груженными серебром, начали бросать народу слитки и мешки серебра, говоря: «Это вам, это вам». Но народ не обращал внимания на серебро и никуда не смотрел, кроме как на Джемаль ад-Дина. В связи с этим возвеличился и вырос Джемаль ад-Дин в глазах неверных.

Вместе с ними к имаму пришли от русских два офицера. Они поблагодарили имама за хорошее обращение и уважение этих женщин и детей и, обнявшись с Джемаль ад-Дином (на прощание), вернулись обратно.

Затем из этого серебра была выделена пятая часть, а остальное распределили между участвовавшими в захвате добычи. А затем тронулись оттуда. Когда остановились в одном месте, то набы построили рядами свои отряды и обходили их ряд за рядом с Джемаль ад-Дином для того, чтобы они досыта насмотрелись на него. Они радовались милостям и щедротам аллаха и стреляли из ружей, проявляя радость и гневаясь на врагов. А что же касается имама, то он находился под одним деревом плача, благодаря аллаха всевышнего, унижаясь перед ним и говоря: «Как будто бы аллах всевышний, слава ему, говорит мне — «А разве ты не видишь, как поступает твой господь с отданным тобою ему на сохранение и порученным на сбережение».

Заключение. Посмотрите, какие создал аллах всевышний причины к возвращению отданного ему на сохранение и порученного на сбережение (т. е. Джемаль ад-Дина) из рук его явного врага, проклятого царя русских,¹ который (т. е. царь) до этого держал его в качестве сына 16 лет и обучал его наукам, полезным исламу и мусульманам. Царь наградил его ценными вещами и почитил его всем драгоценным и достойным. И какие плоды удивительные, дорогие и славные дало упование его отца. И все это только от аллаха могущественного и мудрого. «Нет силы и мощи, кроме как при помощи аллаха великого и всевышнего. Да наде-

¹ В рукописи А: «из рук царя русских».

лит нас аллах всевышний сопутствием успеха и содружеством людей истины на земле и в раю. Да будет молитва аллаха всевышнего и мир над посланцем его Мухаммедом, его семьей и всеми помощниками. Амиш. Слава господу твоему, господу величия, величия, превышающего все описания. Мир посланникам и хвала аллаху, владетелю миров».¹

Здесь конец того, что собрал Мухаммед Тахир во время пребывания при имаме по сообщениям имама и его товарищей, участвовавших в битвах. Затем он дополнил то, что собрал раньше, упоминаниями о событиях, имевших место уже после того, как он собрал (все предшествующее) и назвал.²

Дополнение. Через некоторое время после возвращения Джемаль ад-Дина русские вернули Хамзата, сына сестры имама, который был взят заложником после битвы при Тилике. Его вернули в обмен на одного пленника начальника из русских, дав ему богатств еще больше того, что было дано Джемаль ад-Дину. Затем Джемаль ад-Дин и Хамзат начали уговаривать и подстерекать имама на заключение мира с русским царем. Говорилось, что русские освободили их обоих только лишь для этого подстрекательства. По этому же поводу к имаму приходили послы, утверждавшие, что русские возьмут и разрушат все крепости в округах Дагестана и назначат Шамилю и его начальникам великие награды. Он не склонялся к миру, хотя его и подстрекали товарищи и люди его совета. Он говорил, что русские не выполняют свои обещания и изменят, как изменяли и раньше.

Данияль-султан еще и раньше считал, что если заключить мир с царем, то никакой измены (со стороны русских) не будет. Он думал, что примирение с русскими поможет даже уничтожить слабость ополченцев. В одном из заседаний Данияль-султан спросил этого сына Хамзата: «Что будет, если мы заключим с ними мир?» Тот ответил ему, что он думает, что будет измена. «Как же может быть измена в словах царя?»—возразил Данияль-султан. Тогда Хамзат сказал: «Они говорят, что нет беды в измене в отношении пизших, таких, как, например, Шамиль». Данияль-султан уразумел и запомнил эти слова Хамзата. Затем Джемаль ад-Дин был болен долгое время и умер. Затем также заболел Хамзат и также умер. Говорили, что это от «временного» яда (т. е. яда, определенного на длительный срок действия), данного им.

¹ Коран, 37^{180, 181} и

² Это сообщение имеется только в рукописи А, в остальных рукописях после цитаты из Корана начинается сразу «Дополнение».

ГЛАВА О НАЧАЛЕ БЕДСТВИЙ И ИСПЫТАНИЙ ДЛЯ ШАМИЛЯ И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

В том сражении в Грузии были многочисленны утаивание добычи, измены¹ и увеличение угнетения со стороны управителей и набов. Они постепенно переставали повиноваться. А ведь известно, что «государство продолжает существовать при неверии, но не (может) продолжаться при угнетении». Конец. И что «гордость—это моя мантия, если кто оспаривает ее у меня—погублю его». Конец.

И не прибавлял аллах всевышний войскам имама после этого сражения, куда бы они не направились, ничего, кроме принижения и поражения, оставления без помощи и отступления. И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама—кромe ощущения узды правления и подтверждения,² у семьи имама—кромe расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания,³ у простого народа—кромe недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания. И это «потому, что аллах совершает любое дело, которое должно совершиться».⁴

Я даже слышал, как имам, когда он был в Ишичали, толковал в одной из своих речей это сражение в Грузии, как злополучное сражение.

Сообщил нам казначей имама Хаджияв ал-Урути после бегства Шамиля из Темир-хан-шуры о том, что имам собирал неоднократно свою семью и домочадцев и поучал их, (говоря) следующее: «Истинно, это государствование уже продлилось для нас так долго, как оно не длилось для тех, кто нам предшествовал. Так не превозносите же в одеждах и пище. Будьте благонамеренными, может быть оно (государствование) близко от того, чтобы уйти от нас и повернуться к нам спиной». Он даже однажды сказал: «Поистине, я боюсь попасть к ним в руки».⁵ Он говорил раньше Хаджияву неоднократно: «Не храни эти деньги и не скрывай их от того, кому они должны принадлежать». Конец.

Имам заботился о выполнении всех предписаний шариата и все время приказывал делать то же самое правителям своего государства. Он даже требовал, чтобы в его государстве шерсть

¹ В рукописи А добавлено: «как простого народа, так и приближенных (имама)».

² В рукописи А глосса: «Подтверждения речей управителей и набов. От сына автора».

³ В рукописи А глосса: «припрятывания богатств».

⁴ Коран, 8₄₃ и 46.

⁵ В рукописи А: «Поистине, я боюсь попасть в руки неверных».

овец не выщипывалась, а состригалась пожницами, и чтобы не убивались пчелы при извлечении меда (из ульев), хотя бы это и тяготило народ. Однако правители и чтецы, не говоря уже о простом народе, не приложили своих рук к выполнению этого его приказа. Однако, когда аллах всевышний захотел исполнить дело его, то народ стал мягкотелым и беспечным.

Летом 1274 (1857/58) г. поднялись русские со своими помощниками—отступниками из крепости Чиркея—в Буртанай и заложили там крепость. Пали там смертью праведников некоторые люди, среди них наиб, прекрасный Хитын ал-Хидали, ученый наиб Шамхал ал-Хиликури, храбрец, шейх Мухаммед ал-Карахи ал-Хучуви. Рассеялась совокупность вилайета Нахбаг. (Его жители) переселились на равнину Ауха, а их наиб, сын Джемалья ал-Чиркави, со своим отцом, братьями и всеми их домочадцами убежали к русским. Некоторые из их домочадцев были взяты в плен. Джемаль и его сыновья умерли через месяц среди русских. Конец.

Пришла в беспорядок жизнь вилайета Багуляль. Затем ополченцы имама употребили большие старания (для того, чтобы укрепиться) в Бусрахе. Затем вилайет Гехи отошел от имама и повернул к русским, а их наиб Саад Аллах переселился к имаму. Отошел таким же образом вилайет Шубута с их наибом Батакайем. Русские вышли к «Длинной Горе» в Тадбутри. Затем вернулись оттуда. Ополченцами имама были приложены все старания (для того, чтобы укрепиться) в вилайете сурового Рамадана ал-Анди. То же самое пытались сделать на берегах рек Канхо и Бальхаль для того, чтобы укрепить равнину Галяляля. И не принесли никакой пользы эти мучительные старания в этих местах, кроме как ослабления ополченцев и их отвращения. Затем в вилайетах имама пронзошел всеобщий сильный голод, так что 4 саиа¹ стали стоить несколько кыршей (рублей).

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В НОВОМ ДАРГО

Зимой 1275 (1858/59) г. русские направились к Дарго с силой, которой нельзя противостоять никому. После всяких событий, во время которых пал смертью праведника мухаджир, сражающийся на пути аллаха, храбрец Раджабиль Мухаммед ал-Чиркави, даргинцы при мучениях от сильного холода перевезли свои семьи и пожитки в Маарух. Казна имама, его семья, семьи некоторых его товарищей и все снаряжение имама—пушки, порох и прочее—было перевезено в Ишичали.

¹ Саиа—мера веса. Пржецлавский приравнивает 4 саиа к русскому гарнцу.

Русские приблизились к Дарго с четырех сторон. В Дарго укрепился сын имама, Гази Мухаммед, с войсками и наибами. Они приготовили его к обороне мучительными усилиями при сильном холоде и голоде, доставляя провиант с большими трудностями из своих домов. Они терпеливо переносили эти лишения около 2 месяцев. Затем русские повели такое сильное наступление, что у них не было никаких сил сражаться с ними и оказать им какое-либо сопротивление. Тогда они вышли из Дарго и ночью его покинули. Таким образом все вилайеты Чечни, один за другим, подпали под власть русских. Из жителей этих вилайетов никто не ушел с имамом, кроме одного наиба, Османа и тех, кто был ранен (ранее) с ним. Имам и его приближенные и половина его регулярного войска остановились в Ишичали, а остальные войска рассеялись в прочих селениях. И хвала аллаху, владельцу миров.

ГЛАВА О БОЛЬШОМ БЕДСТВИИ И ВЕЛИКОМ НЕСЧАСТИИ ДЛЯ ВСЕГО ДАГЕСТАНА, ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ В ТОМ, ЧТО ШАМИЛЬ ПОДПАЛ ПОД ВЛАСТЬ РУССКИХ

Весной этого 1275 (1859) г., когда стало известно намерение русских и подтверждались сведения об их движении к Мааруху,¹ то были сожжены селения Андаля и Багуляля для того, чтобы переселиться на гору Килаль. Подступы этой горы были укреплены с большими стараниями. Вооружение имама, пушки, порох и пожитки его и тех, кто был с ним, были перевезены на эту гору. Наиболее дорогое имущество имама находилось в Инхубе. Из-за двухлетней засухи и падежа скота там еще больше усилился голод.

Слабость ополченцев еще более увеличилась из-за голода и трудных работ в упоминавшихся ранее местах и различных поселениях, которые не упоминались. На этой горе не удалось укрепиться имаму.

В начале 1276 (1859/60) г. генерал с громадным войском спустился с горы Андаля на равнину Тандуб. Страшное войско с их помощниками—отступниками проникло со стороны Иргалая на «Малый Мост» и перешло его. Каждый русский начальник выступил из своего края со своими последователями. И были с ними грузы «красные и белые» (т. е. золото и серебро), которые захватывали сердца масс народа и делали рабами свободных. Конец.

Затем мужчины Багуляля и Андаля доставили в Караты имама и тех, кто намеревался (оставаться) с ним, с его ценностями, сол-

¹ В рукописи А: «сведения об их движении в Маадудаль, полученные от жителей возвышающихся гор».

датами, членами его семьи и наиболее ценным его и отправившихся с ним имуществом. После этого они вернулись обратно и покинули имама. Да вознаградит их добром аллах. Затем наиб Кадий ал-Ишичали, по приказу имама, сжег оставшееся на той горе снаряжение и уничтожил пушки. Ополченцы, особенно те, кто был товарищами имама в период процветания, разграбили богатства и имущество Шамиля, которое еще осталось там на горе. Народ торопился к встречам с русскими с послушанием и повиновением. Они спешили к русским, особенно бывшие приближенные имама и те, кто были у него наибами и возвеличенными. Затем Шамиль, его сын Гази Мухаммед и те, кто находился с ними, с их багажом и наиболее ценным имуществом ушли из Караты. Они сожгли дом Гази Мухаммеда, который находился в Караты, с намерением подняться на плато Гуниба, а народ грабил их по мере своих возможностей.

Когда они достигли горы Ругж и Гувалья, то жители оказали им там сопротивление. Они прошли в местность Бук-Мухаммед в долине Бизав. В этой местности находилось селение мухаджиров из Гумалья. На вторую ночь имам и Гази Мухаммед с их семьями из (местности, где они были), среди битвы, сопротивления и грабежа их имущества, поднялись на гору Гуниб. С ними поднялись также некоторые товарищи, а семьи этих товарищей остались внизу. Некоторые же из товарищей, наоборот, сами остались внизу, но семьи их поднялись на Гуниб. Осталась в той местности вся казна имама, его казначей Хаджияв ал-Урути и большинство его солдат.

Однажды ночью казначей и те, кто были с ним из приставленных к пушкам солдат, Исбахай ал-Чиркави, наиб Дибир ал-Анди и другие намеревались уйти в крепость Ыриб к Данияль-султану. С ними также были Курбаниль Мухаммед ал-Бацани, наиб Караяля со своими товарищами, среди которых были Хаджияв, сын хаджи Дибир ал-Карахи, оставленный в то время, когда они уходили из Ишичали.

Мятежники трех равнинных карахских селений собрались вместе и встретили этого казначея и тех, кто был с ним, в лесу долины Бизав. К этим мятежникам присоединились большинство товарищей этого наиба (Курбаниль Мухаммеда ал-Бацади). Они разграбили многочисленную наличность казны и драгоценное имущество. Хаджияв ал-Карахи пытался запретить им этот грабеж. Он угрожал и метал молнии, но его запрещение на них не подействовало. Они даже не обращали на него внимания.¹

¹ В рукописи А добавлено: «Этим грабежом мятежники ничего не достигли, ушло только от их имущества изобилие, постигло и случилось у них несчастье».

Затем казначей и те, кто были с ним, остановились в селении Цуриб—местожительстве мухаджиров Ахди, расположенном между Кинсыров и Каралаялем.

Слава великому! Как многочисленно то, что собрал имам¹ и что собралось у него в течение почти десяти лет из наличной казны и драгоценных богатств. Сделал над ними аллах то, что хотел сделать, когда количеству их стал завидовать народ, а сердца их содрогались и загрязнились нечистотами.

(Миновала первая часть главы о начале несчастий. Подлинно, имам приказал еще ранее казначею не удерживать эти сокровища).

Казначей и те, кто были с ним, пробыли в Цурибе около трех почей. Данияль-султан прислал сказать им: «Приходите к нам или возвращайтесь в Карах, дабы не напали на вас вторично некоторые злоумышленники». Они вернулись в Карах. В Карахе казначей остановился в селении Куруш у своего хозяина (кунака) со всем, тем что осталось у него из книг имама и пр. (Этот хозяин и кадий Куруша отобрали для себя из книг то, что сочли наиболее лучшим. За это поразил их аллах всевышний наказанием, и они раскаивались после. Этот кадий передал некоторые из бывших у него книг этому передатчику, и я доставил их сыну имама Гази Мухаммеду, а некоторые из них были доставлены его сыну, (т. е. сыну автора), а среди них (книг, доставленных сыну автора) «Дары Мекки», которую переписал ал-Кудуки). Затем пришел с товарищами Муртади Али брат Кибиды Мухаммеда ат-Тилики, он был набом со стороны русских. Он забрал то, что было у них из казны, имущества и солдат и доставил все это в Тилик.

Начальник русских оставил все это имущество и казну² Кибиду Мухаммеду и Муртади Али, а солдат присоединил к своим солдатам. Путь для тех, кто были с ними, был освобожден. Казначей Хаджияв ал-Урути был посажен (и просидел некоторое время).

И не осталось никакой крепости, кроме тех, которые сдались русским, и ни одного наиба, кроме тех, которые опустили голову и склонились к русским. Данияль-султан сдал русским крепость Ыриб, (находившуюся в округе Кинсыр), со всем тем, что было в ней из снаряжения пороху, снарядов, пушек, ружей и пр.; а сам с товарищами направился к генералу в Тапдуб, утверждая, что

¹ В рукописи А глосса: «Оно (богатство), как он сказал, велико относительно богатств жителей Дагестана. Но если даже мы посмотрим на богатства, находящиеся в руках неверных, у их купцов, то и их богатства не больше того, которое находится в руках того, кто является имамом в одном краю и кто встал для борьбы с великим царем. От сына автора».

² Глосса: «При этой казне была книга, в которой было написано: «Это—закят и распределить его по назначению». От сына автора».

он приглашал его к себе. Ему было приказано отослать свою семью и все находившееся у него имущество в крепость Чарталы. Для переноски туда имущества ему дали около сотни спин (т. е. носильщиков).

Затем русские расположились вокруг горы Гуниба и устроили свои лагери на горе Кахаль, напротив плато Гуналя. У них были наибы и прочие лица, и главы, и ополченцы. А у Шамиля были из глав только знающий ученый мухаджир Ибрахим ал-Черкеси, ученый мухаджир хаджи Насруллах ал-Кабири ал-Куралли, твердо мыслящий ученый Гальбац ал-Карати (удрученный отставкой от наибства и убийством своего сына из-за одного дела). Рассказывают, что во время собрания для переговоров о перемирии он сказал им (посредникам) следующее: «Наши отцы говорили—поистине, вы, (т. е. русские), приятны речами, богаты деньгами, легки сначала, тяжелы после (и мы не хотим с вами мира)». Конец.

Ученый, рассудительный (храбрец, учитель) Хаджияв ал-Карахи (отставленный от наибства), два ученых и наиба Дибир ал-Анди и Дибир ал-Хунзахи, сын его (Шамиля) дяди по отцу Ибрахим ал-Гимри, Муртади Али ал-Чиркави совершенный человек (Милрик?) изгнанник, наиб Муртади ал-Ургачи, изгнанник и наиб Гурш ас-Сугратли. С ними было около двухсот сражающихся ополченцев.

Все находившиеся на Гунибе, будь то мужчина или женщина, по мере своих сил охраняли дороги и границы. (Затем начальник русских, барон, призвал к себе слепого Мухаммеда Эфенди ал-Хуми, оставшегося в Карахе и отделившегося от Шамиля, Мухаммеда Тахира ал-Карахи и его ученика Хаджиява ал-Карахи и послал их к имаму для переговоров о мире.

Когда они достигли крепости Гуниб, то имам не разрешил войти во внутрь крепости никому, кроме тех, кто останется жить у него. Эфенди и Мухаммед Тахир вернулись обратно, а Хаджияв вошел в крепость и остался у Шамиля. Из-за этого впоследствии Хаджияв попал в сильную беду, на некоторое время он был взят в управление, где работал как слуга, а затем был освобожден. Конец.)

Затем в месяце сафаре 1276 (IX 1859) г. отряд русских поднялся на Гуниб со стороны того места, которое было оставлено без внимания дозорами, выставленными для охраны этого места. Начальник этих дозорных Амирасуль Мухаммед ал-Кудали был там убит, (а его товарищи были забраны в плен). Все сторожевые, выставленные в различных сторонах Гуниба, соединились в селеции. Здесь пали смертью праведников некоторые мужчины и женщины из Гуналя и некоторые мужчины, пришедшие со стороны.

Среди них этот ученый мухаджир хаджи Насруллах и мухаджир Камали ал-Гулуди.

На Гуниб поднялся генерал, русские начальники, наша знать, которая была с русскими и ополченцы. Шамиль собрал находившихся там мужчин в мечеть. Удалился в то время от него в долину ученый Кибир, сын Иккачилавы ал-Хунзахи со своей семьей, из-за чего он подвергся несчастью, но затем спасся, и они (русские) его приблизили (сделав его паибом). Конец.

Шамиль уговаривал, подбадривал и увещевал собравшихся с ним в мечети, всех сразу и по отдельности, называя каждого по имени, призывая к борьбе, к падению за веру и исканию смерти (в битве), но ни один из них не выказал к этому стремления, даже и его сыновья. Они отговаривались состраданием к своим семьям. От них (русских) к имаму пришли посредники, требуя мира и прихода Шамиля к генералу. Для этого же пришел Данияль к его родственнику по жене—Гази Мухаммеду. Рассказывают, что имам склонился только благодаря уговорам Гази Мухаммеда.

Он дал им согласие только при том условии, что он и его товарищи пойдут к генералу вооруженные и что генерал даст ему и тем, кто захочет идти с ним, свободно уйти в Мекку. Они, (т. е. Шамиль и его товарищи), условились между собою, что если русские будут отделять товарищей от Шамиля, или же попытаются взять у них оружие, то они начнут сражаться и дерзнуть напасть на русских, ища смерти в битве. На этом они и отправились. Но русские встали между Шамилем и его товарищами и взяли у Шамиля его оружие, говоря, что генерал боится вооруженных.

Аллах всевышний, славный и мудрый не предопределил произойти тому, о чем они раньше договаривались. Рассказывают, что Муртади ал-Урути побуждал на это, но Гальбац отклонил.

Сообщает тот, кто был тогда с русскими, о том, что если бы начали тогда битву, то перебили бы большинство начальников и знати. Конец.

Ополченцы забрали и разграбили то, что было из имущества и лошадей у Шамиля, его двух сыновей и всех тех, кто был с ним. Затем, когда соединились и перемешались меж собою неверные и мусульмане, то наша знать, которая сдалась русским раньше, стала тихо совещаться между собой, стыдясь своего присутствия при Шамиле. Находившийся среди них кадий Аслан ац-Цадакарни сказал: «Подлинно, лягушка, которая упала в отхожую яму, не очистится от нечистот. Так пройдемте же мимо него (Шамиля)». И они ушли. Конец.

Затем был освобожден путь тем, кто там был, к их родным местам, а имама и его двух сыновей с их семьями направили в

лагерь русских на горе Кахаль, а затем оттуда вооруженными в крепость Темир-хан-шурю.

Затем Шамиль в сопровождении его опытного секретаря, отставленного от секретарства у имама, Абд ал-Карима ал-Чиркави, и Гази Мухаммед в сопровождении двух его товарищей, ученого Хаджиява, сына Газиява ал-Карати, и Тауша ал-Карати, были с возвеличением и почетом отправлены к русскому царю. Они ехали в дорогих колясках, а остальные находились в Темир-хан-шуре, окруженные таким же возвеличением и почетом. Затем приехал Гази Мухаммед и увез всю семью и двух родственников (Шамиля) по жене, ученых юношей Абд ар-Рахмана и Абд ар-Рахима, сыновей шейха устаза сейида Джемаль ад-Дина, да помилует его аллах всевышний.¹

ДОПОЛНЕНИЕ

Из числа того, что постигло Шамиля, было также проявление злорадства путем порицаний и оскорблений в красноречивых стихах, наполненных явной руганью, со стороны сведущего ученого, опытного и явного противника Шамиля хаджи Юсуфа ал-Яхсави. Тогда нуждающийся бедняк Мухаммед Тахир вступил с ним в состязание, споря с ним и соперничая в стихах. Он поместил позади каждого «бейта»² из стихов Юсуфа свой «бейт», дабы были смежными их устремления и были соединены они оба связью стиха.

И вот перед тобой, о читатель, эти стихи различные из обильного моря (поэзии).

Доблести Шамиля стали прахом,
Хотя они³ и поставили его имамом.

Доблести Шамиля поднялись великими,
Поэтому они и поставили его имамом.

Встал он поутру при расцвете дела ничтожным, а к вечеру
Оказался наполненным мирскими благами и порицаемым.

¹ В рукописи К описание поездки Шамиля и Гази Мухаммеда отсутствует. Сразу же после слов Аслана ац-Цадакари начинается «Дополнение». В рукописи В отъезд из Темир-хан-шурь семьи Шамиля изложен так: «Каримат, жена Гази Мухаммеда, отправилась к своему отцу, Даниялю, в Нуху, затем приехал Гази Мухаммед и увез, кроме своей жены, всю семью и двух родственников Шамиля по жене, умных юношей, учеников Абд ар-Рахмана и Абд ар-Рахима, сыновей шейха, сейида, устаза Джемаль ад-Дина».

² Бейт—расположенное в одно строчку двустишие.

³ В рукописи А глосса: «Они, т. е. народ».

Вступил он в дело свое один, в одиночку,
А к концу его стал наполненным помощью и оказался
опорой (ислама).

Пленником русских, когда увезли его ночью в наказание
За дозволение им запрещенного.

Все русские везли его ночью со славой и воздаяние
За разъяснения им запрещенного.

Если кто лжет на аллаха, аллах унизит его
И не встретит он благополучия до скончания века.

Если кто правдив пред аллахом, аллах дарует ему
В огне несчастья прохладу спасения.

Сообразно с тем, что его называли эмиром,
Был он также достоин быть названным и тучей бездождной.

По благоразумию ему повиновались как эмиру.
Был он также достоин быть названным и дождем
непрерывным.

Ради чего было избиение правоверных
И покорное примирение с русскими?

По знанию велась борьба с нападающими
И примирение с русскими (было) из-за боязни
истребления.

Если вы скажете, что мы побеждены, или, что мы струсили,
То мы более вас правомочны считать себя обиженными.

Была пора—они побеждали, пришло время и стали
побежденными,
А вы предпочли постоянно сидеть безоружными.

Разве ты отразил силу русских?
Нет, вы пламя огня разожгли среди нас.

Сколько он встречался с силою русских в сражениях,
Одновременно прося вас о разжигании пламени (битвы).

Покусившись на гибель, ты хочешь возвышенности
в здешнем мире,
Но другая его (часть)¹ не допускает, чтобы ее удаляли.

¹ То есть загробная жизнь.

Этим он взял верх над народом по возвышенности
в здешнем мире,
Но свойства здешнего мира в том, что он удаляется.

Как горько то, что ты теперь испытываешь. Посмотри!
Разве стоит то, чем ты гордишься, неизбежного (т. е. смерти)?

Как сладко то, что его постигло сегодня несчастье,
За это сохранена религия, как опора.

А разве аллах заповедал позорные деяния?
В «военной добыче»¹ мы нашли же желаемое.

А разве аллах заповедал злорадство над несчастьем?²
Ведь Корана довольно порицания.

Поэтому ты не владетель благоразумия и решительности.
О ты, тот, кто свет сделал мраком.

Ты,³ подлинно, сейчас в проявлении злобы. О ты, тот,
Кто, сокрушив знания, сам себя сокрушает.

Разве судья воздаст вам добром
За ваше истребление людей благородных?

Разве всемогущий воздаст им ущербом
За истребление ими низких людей?

Права мусульман попраны тобою,
А все имущество погибло расхищенным.

Права мусульман (попраны) теми, кто их попирает.
И кто делает грабеж имущества из отмщения.

Поверг тебя аллах на бок унижения за то,
Что ты возгордился, о притворившийся слепым презренный.

Подверг его аллах на бок возвышения за то,
Что он воскресил религию, (ранее) угнетенную.

Твой эмират—уничтожение; так суди же в нем.
Твое благородство—унижение. Вот тебе позор.

¹ Имеется в виду 8-я сура Корана, озаглавленная «Военная добыча».

² Глосса: т. е. несчастьем мусульман.

³ Обращение направлено к поэту—обвинителю Шамиля.

Его эмират—уничтожение для всякого враждующего.
Благородство есть унижение (только) для того, кто
притворяется слепцом.

Вы явно отбросили закон вашего владыки
И вот вы наказаны за это в отпущение.

Вы в джихаде защитили веру нашего владыки
И он наградит нас за это блаженством.

Достаточно этого для прославления в состязании
прославлением и для порицания в состязании порицанием,
приводящим к рыданию.

Хвала хранителю-защитнику и молитва над избранником
и в начале и конце (каждого дела).

Для каждого берущего во внимание будет достаточно в отношении возвышенности Шамиля, высоты его светской силы и в доказательство хорошего его конца и исхода четырех обстоятельств, даже пяти, изложенных ниже, подобных которым до сих пор ни у кого, как мы слышали, не происходило, да и впоследствии мы думаем, что не произойдет. Вот они: целование падишахом ислама при приветствии руки Шамиля во время его поездки в хадж; пожалование русским царем Шамилю золотой шашки непосредственно из рук царя в руки Шамиля; трата царем из своих денег на нужды имама каждый год 20 тысяч рублей; сошествие египетского правителя со своей тахты и усаживание на нее Шамиля и возведение Шамиля шерифом Мекки на кафедру мекканской мечети для того, чтобы видели его и знатные и простой народ. Так было слышно.

Из всего этого наиболее удивителен его выход, подобно золоту из огня, из всех событий и трудностей, вплоть до того времени, когда аллах всевышний принял его душу, как душу избранника в благоухание пророка (т. е. в рай), да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир.

Да ведь в этом нет удивления, ибо этот выход—творение того, кто заставляет вытекать белое чистое молоко из пространства между содержимым кишок и крови.¹ Да будет превознесен аллах—владелец мудрости.

Когда шейх Шамиль остановился в благоухающем городе (т. е. Медине), я спросил товарища, кадия Юсуфа ал-Яхсави: «Что

¹ Пересказ 68-го стиха 16-й суры Корана.

сейчас говорят о Шамиле?». Он ответил: «А что говорят? Ничего не говорят». Конец.

(Затем я слышал, а я—редактор, от тех, кто видел сына этого Юсуфа, о том, что когда Шамиль находился в Медине, где и умер, то Юсуф отказался (переменив свое мнение) от того, что говорил относительно Шамиля, раскаялся и приказал своей семье покаяться в том, что они говорили. Он признал, что Шамиль есть один из лучших людей.)

ГЛАВА (О СУДЬБЕ ДАНИЯЛЬ-СУЛТАНА)

После этого русские не оставили в Маарухе ни грузина, ни грузинки, ни солдата. Если даже были свободные мусульмане, вступавшие в родственные связи и женатые, все равно выселяли их. Каждого мухаджира вернули в его родное поселение. Данияль-султан отправился к своей семье, она была отправлена сперва в Закаталы в Загорье, а оттуда он направился в Тифлис. Он ехал на дрожках и говорил, что его туда приглашают. Затем вернулся и перевез свою семью в город Нуху. Мы слышали о том, что он ходит к генералу раз за разом, а своего сына послал к русскому царю, но сын вернулся с худшим, чем то, с чем пошел.

Необыкновенный рассказ.¹ Рассказал его заслуживающий доверия человек со слов такого же достоверного. Некий горец Дагестана повстречался в Стамбуле с балагузом² франкского падишаха. Этот горец сообщил ему, что русский царь взял государство Шамиля единственно только хитростью. Он якобы послал своего генерала Элису-бека Данияль-султана в государство Шамиля под видом мухаджира для того, чтобы он разрознил совокущность (сил) Шамиля и (его сторонники) потерпели бы неудачу. И дело совершилось так, как хотел русский царь. Этот франкский падишах поместил этот рассказ в правительственной газете, уличая в хитрости русского царя. Эта газета попала к Данияль-султану. Он затрепетал от гнева и послал в Карабах человека для того, чтобы тот нашел ему того, кто умеет издавать газеты. Затем, затратив большие деньги, он добился у генерала Тифлиса разрешения на печатание газеты. Он издал газету, поместив в ней следующее: «Я—этот генерал Данияль-султан был генералом у русского царя, затем повел с ним войну в своем вилайете, но не смог противостоять ему. Тогда я перешел (на сторону) го-

¹ Весь рассказ в рукописи К отсутствует.

² Происхождение термина «балагуз» мне непонятно. Употребляется этот термин автором в значении «посол», «посланник», «представитель» и пр.

сударства Шамиля и стал воевать под его знаменами по мере своих сил. Я был причиной того, что пришел в расстройство один из округов владений русского царя. Я убил там несколько знатных людей. Затем по предопределению и решению аллаха всевышнего я вернулся оттуда обратно под власть царя русских лишь после того, как сдались ему все наибы и главы Шамиля и их вилайеты. Он поселил меня в этом городе Нуха, держа в заключении (вдали) от моего вилайета Элису, вопреки моему желанию. А если бы я оказал ему эту услугу, то он удостоил бы меня великой милости и оказал бы мне уважение, как то в обычае царей в отношении тех, кто совершил такое великое дело и не покинул бы меня в таком стеснении». Вызывает всяческое удивление и (свидетельствует) о легкости ума и отсутствия умения управлять со стороны этого падишаха помещение, подобно этой, клеветы в газетах, доверяя сообщению невежественной личности без проверки и подтверждения. Конец.

Затем в 1286 (1869/70) г. Данияль-султану разрешили переселиться в вилайет падишаха ислама, по приказу падишаха, а говорят, что и без приказа от него, и он жил там возвеличенным. Затем умер в 1288 г., да помилует его аллах всевышний.

Что же касается шейха устаза Джемаль ад-Дина ал-Гумуки, то сперва он находился со своей семьей в Тилике. Потом он встретился с начальником войск русских—бароном и одним генералом. Они возвеличили его и оказали ему уважение. Затем он отправился в Темир-хан-шуру с намерением посетить семью Шамиля, а в семье Шамиля—его дочь Захидат и ее маленькие дети. Затем в Темир-хан-шуру была перевезена и его семья—при помощи благо-разумного Кибида Мухаммеда ат-Тилики. Он жил в Казанищах на попечении у вали Дагестана шамхала Абу Муслим-хана до тех пор, пока не умер Абу Муслим-хан. Затем с большой помощью и при великом возвеличении со стороны князя Чавчавадзе выехал с намерением отправиться в Османлу (Турцию). Он остановился в Тифлисе у князя Орбелиани. Вали Тифлиса возвеличил и почтил его. Орбелиани отправил его с его семьей и многочисленным имуществом на почтовых лошадях. Он достиг Карса и жил там. (Из Карса он написал Чавчавадзе следующее письмо: «Дорогому сыну, князю Чавчавадзе, начальнику дивана всего Дагестана, да будет долговечна его слава. А затем, вы осведомлялись о наших делах. Милостью аллаха всевышнего с того времени, когда расстались с-вами, мы не встречали ни от кого из русских начальников ничего иного, кроме крайнего уважения, и так до тех пор, пока мы не прибыли в город Тифлис к его высочеству генералу от инфантерии князю Орбелиани. Он поместил нас в хорошем жилище и оказал нам самое лучшее почтение и уважение такое, подобным

которому не был почтен ни один из благородных эмиров и великих ученых. Мы находились у него 25 дней. Ели, пили и наслаждались. Когда же мы задумали отправиться в город Карс, то он дал нам 400 динаров на расходы в пути и доставил нас в Карс целыми и невредимыми на почтовых лошадях и это—по милости аллаха всевышнего—во-первых, и по твоему благодеянию—во-вторых. Мы написали это для того, чтобы сообщить вам наше настоящее положение. Не забываете нас во все времена. Мы намерены, если аллах всевышний захочет, остаться здесь эту зиму. Когда же придет весна, то сделаем то, что прикажет нам аллах всевышний. И мы не забудем желать вам в молитвах всякого добра, если захочет аллах всевышний. Сейид Джемаль ад-Дин. Джумада второй, 1278 (XII 1861) г.» Кончилось его письмо, переписанное рукой редактора этой книги.)

Затем Джемаль ад-Дин переселился со своей семьей в Стамбул и жил там возвеличенным. Затем переселился к милости аллаха всевышнего в 1283 (1866/67) г. и был там похоронен. Сделали над местом его погребения мазар, да освятит аллах всевышний его могилу и возвратит на нас его славу.

Что же касается шейха слепого Мухаммеда Эфенди ал-Хуми, то не случилось ему подняться на Гуниб. И причина этого в том, что он, его семья, Амир-хан с семьей, секретарь имама, у которого хранилась печать имама, до этого (восхождения на Гуниб) находились в одном месте. Эфенди жил там, ожидая выхода Амир-хана, но тот не вышел. Амир-хан отстал, намереваясь отделиться от имама, а Эфенди не знал намерения Амир-хана. И он находился «между караваном и невозможностью к нему добраться».¹

Затем Эфенди с семьей остановился в одном из селений Хида. После этого он отправился в один округ Карах (к автору этой книги), откуда послал к своей семье того, кто бы перевез ее к нему. Через некоторое время он со своей семьей вернулся к месту преклонения своей головы (т. е. на родину)—в Хуми с людьми, пришедшими с лошадьми оттуда для его перевозки. Конец.

Русские заставили жителей Гуниба переселиться из их родного места в Ругжу, Ули, Хоцатль, Тилик и Ыриб. Там они поселились и жили около года. Через некоторое время они переселились (обратно). Русские заложили крепости в Ботлихе, Дарго, Хунзахе и других местах и назначили начальниками в каждом вилайете того, кого они хотели, неверного или мусульманина. А их регулярное войско находилось во всех вилайетах. Большинство простого народа стало плясать под их дудки, а знатные люди стали смотреть

¹ Пословица соответствует русским поговоркам: «Ни в сех, ни в тех». «Между двух стульев».

русским в рот при проведении и исполнении установлений ислама и заискивать у русских для того, чтобы их сделали начальниками и ради подарков.

И не осталось никого, кроме тебя, о аллах,—покрой нас твоим покровом милости, удали от нас то, что видишь. И что за вера—стали многочисленны помощники ее, и что за зло—стали многочисленны идущие навстречу ему. Истинно, мы от аллаха и к нему возвратимся. Аллах, вознагради меня за несчастье мое и замени его мне добром. О завеса от пороков, о устранитель печали, о прощающий прегрешения, прими наше раскаяние, покрой им пороки, удали от нас печали и прости нам погрешения чистотой милости твоей, о милостивейший из милосердных. И хвала аллаху, владыке миров.

И они (русские) до сих пор подчиняют народ в этих жилищах, заставляя скорбеть людей ислама, заставляя сердца их отдавать поступки на суд преславного, а дело их—на разрешение достохвалимого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ПРЕКРАСНЫХ СТИХАХ И ПРАВДИВЫХ СЛОВАХ ПРЕВОСХОДНОГО ХАДЖИ МУХАММЕДА, СЫНА ХАДЖИ АЛ-ХАФИЗА АБД АР-РАХМАНА АС-СУГРАТЛИ

Изложение этих стихов в этом месте пристойно, пусть будет некоторое одно из двух пояснением и толкованием к некоторому другому.

Пусть будут стихи равны тому, что предшествовало в прозе.

Хвала аллаху наивышнему над каждым высоким.

Благодарность владыке более совершенному над каждым
возвышающимся.

Просим мы у него совершения молитвы за нашего
Сейида-пророка и повторения ему привета—«салам».

Да будет эта хвала началом касыды хаджи Мухаммеда.
Начало слов—это время такое.

От которого (идут) дни бедствий многочисленных,
Настолько тяжелых, что даже они до костей проникают.

Направили в нас эти дни лук несчастий
И падение стрел согнуло наши спины, наподобие лука.

Несчастья дней навалились на нас бедствием
Сверх бедствия, подобно утесам.

Несчастиями нас поражает несправедливость судьбы,
А ведь мишень бед судьбы—это ряды благородных.

Пришел к нам век—даватель и сок выжимает¹ из бедствий
И пить нам дает чаши (с напитоком) из ядов.

Пьяными от огорчений мы оказались,
Хотя до этого мы и не пили вина.

Пришло к нам господство неверных,
Победило и овладело местами нашего пребывания.

Из-за этого прихода к нам дни помрачились до того,
Что от мрака день стал ночнее ночи.

И вот уже просторы земли, даже без столпления народа,
Стеснились над нами от печалей.

С этим приходом наши души сжимаются в нас
От ужасов и великих опасностей.

Днем нет жизни привольной,
А ночью нет приятности сна,

В то время когда неверные—«кафиры» в гордости
И тщеславии над правоверными в доме ислама.

Да и какой же им сон, приносящий приятность?
Откуда сладость еды от вкушения пищи?

Как будет прекрасной жизнь мусульман
В то время, когда они—под покровом унижения и
сокрушения?

Да и что они сделают с приятностью жизни,
Когда люди войны уже проникли в жилища их пребывания?

Ты видишь, как они появились в горах
С высокомерием-гордостью во время вторжения.

Ты встречаешь их в долинах диких зверей,
Где они не заботясь извлекли свои конья.

¹ Здесь употреблена непереводимая игра слов, построенная на слове «аср»— «век», «период», «эпоха»; в то же время глагол этого же корня значит «давить», «выжимать сок», откуда имя действия (масдар) — «давление», «выжимание сока». Букв можно перевести: «пришло к нам выжимание и сок выжимает...»

Но не вошли они также (не заботясь) в дома (мусульман),
(Вошли они) только со страхом и под защитой.

Были они сотрясаемы, считаясь бессильными,
И не были спокойны из-за неотлучной боязни.

Твердость и спокойствие они уже потеряли,
Ибо встречали мечи беспрерывно.

И сколько на них прежде охотились бойцы газавата
Так же, как на голубей охотятся соколы!

Сколько нападали на них, убивая внезапно,
Так же, как львы нападают на скот.

Но только—изменчивость времени, унижая могущество,
Возвышается, тем самым становясь недоступной и для
угнетенного.

Прежде это время пришло к нам со счастьем блаженным,
А затем заменило его нам постоянным несчастьем.

Это время повернулось к нам бедой и напастью.
Враждует оно с нами особенно, (выбрав нас) из всех людей.

Меч несправедливости оно обнажило на нас
И направило все усилия для обращения нас в бегство.

Оно наполнило дом ислама безбожием
А нас подвергло побитию стрелами.

Разграблению (подвергло) жилища¹ в неподвижных горах
И области на вершинах холмов.

А также и те неприступные и открытые селения,
Которые возвышаются между гор, поднимающихся к небу.

Да. Особенно Гуниб
Гора, не нуждающаяся в укреплениях защиты.

Она сотворена (так, что) укреплены границы
И преграждены пути на вершину ее.

Окружили ее стены—ограды утесов,
Как облака со всех сторон.

¹ Глосса: «Т. е. Дагестан».

Гуниб—гора высокая поднимается до самого неба,
Собрала она все удобства в себе в совершенстве.

На Гунибе нашел защиту имам и люди религии,
Когда убедились они в слабости (оказанной) им поддержки.

Но и Гуниб Шамиля не избавил от бедствий судьбы.
Разве ж можно избавиться от неизбежности рока?

Поднялись (враги) на Гуниб только при помощи хитрости,
В то время когда все люди находились (там) в беспечности.

И если бы не окружили их при помощи хитрости,
То не взяли бы боем и в тысячу лет.

Если ты (хочешь) спросить у меня о заре дня осады,
То лучше не спрашивай — это день воскрешения мертвых.

Сколько разжигающих битву очутилось повергнуто
В разожженом ими самими пламени битвы.

Да будут тысячи приветствий и мир
Над павшими за веру в доме ислама.

Они уже добились воздаяния и блага владыки,
Они смежили веки, (уйдя) от людей благородства.

Они предпочли агонию смертного часа
Приятности жизни в государстве неверного.

Да и что (остается) для мужа, если не предпочесть
Смерть жизни под сенью сокрушения.

О скорбь моя над этими жилищами!¹
Жилищами мусульман, ставшими наподобие дома злополучия

Неверные утвердились насильно: над мусульманами
Путем изгнания, над жилищами—преданием их пламени

А ведь прежде не овладевали этими жилищами
Даже владетели силы, мужества и благопристойности.

И были прежде они жилищами, приятными
Для героев и товарищей-братьев взаимнообязанных.

¹ Глосса: «Т. е. жилищами Дарго»

Были они сынами доверия, дружбы, опытности
В битвах и схватках.

Они в совершенстве (владели) оружием. Они—львы.
Они—защитники для всех потерявших защитников

Их груди раскрылись для газавата,
С целью возвысить шарият и божие слово.

Они приготовились так, как могли, для джихада,
Приложив все способности-силы для этих целей.

Они завалами преградили границы, поджидая врагов
На каждом пути со вниманием.

Они жаждали разгара битв и сражений.
И вот они уже оживились в опасностях пыла войны.

Они снова и снова возвращались в пыл битвы,
Или отступали перед превосходством врага при слабой
поддержке.

О скорбь моя над ними—участниками газавата;
Они устремлялись к джихаду до полного изнеможения сил.

Свершали они непрерывные войны до тех пор.
Пока смерть в битве не сделала малым народ для
поддержки.¹

Сколько пало за веру героев из них.
И сколько раз при посредстве меча проникали они в
середицу врагов.

Но вот уже истощились наисовершенные из людей мужества.
Остались лишь презренные, как вороны-рухамы.²

Овладели ими люди неверия,
Путем их унижения и обращения в бегство.

Они принудили к неверию тот народ,
Который так долго трудился в религии ислама.

¹ Т. е. смерть в битвах стала настолько велика, что оставшихся в живых уже не хватало для оказания поддержки и пополнения рядов сражающихся.

² Глосса: «Рухам как ворон—то, на что не охотятся из птиц. «Камус Мух тарам»».

Передавалось нам в хадисах «Ас-Сахих»¹ о том,
Что религия станет как нечто истлевшее.

А не (в подтверждение ли) этого увеличивается слабость
В религии, и становятся рвущимися ее связи?

Эх! А если бы нам всем умереть
И находиться бы до этого уже прахом в могиле!

О друг мой! Если б ты видел своими глазами то, что я
излагаю,
То ты, без сомнения, вопил бы от горя.

Если ты способен дивиться, то самый удивительный
из рассказов—это мой.

Слушай же его ты со вниманием.

Я сообщу вам дивные вещи, происшедшие
У праведных, свободнорожденных благородных.

Вот уже возложили имамство с покорностью
На имама—Гази Мухаммеда.

Начал он с того, что заботливо повел народ
По верному пути утверждения шариата и обрядностей.

Он возвеличил религию в этих жилищах,
Он возвратил данный богом закон, до него устранный.

Он воскресил истинное учение, вновь воссоздал
Здание истинной веры после его разрушения.

Он основал его на благочестии, верном пути,
Справедливости, твердом оплоте и под защитой (аллаха).

Повеяли среди рода человеческого дуновения щедрот,
Познания истин и тайн высоких достоинств.

Был он несомненно имамом ислама,
Он соблюдал истину ислама справедливо и точно.

Он увидел неверие, изнурявшее эту страну.
Тогда засиял ему (солнцем) успех поддержки.

¹ Имеется в виду сборник хадисов ал-Хаттаби, именуемый «Ас-Сахих», т. е. «Правдивый», «Справедливый».

Укрепил его над врагами владыка победы
И сделал его приверженцев твердыми при схватках в битвах.

В дни власти своей он рассеял войска из неверных
Так, что вновь они не сошлись уже вместе.

Он бился в сражениях, пока не погиб
За веру посреди пылавшей битвы.

Аллах да вознаградит его раем блаженства
И да коронует короною радости.

После кончины его люди сошлись на Хамзате—
Величественном сыне величия.

Он—герой, приобретший опыт в сражениях
И брат доверия при днях трудностей.

Сражался он на верном пути джихада.
Старание его было прекрасным среди всех людей.

Он—второй над этими жилищами
Из халифов и великих героев.

Братья несчастья пошли на убийство его,
Во время скопления народа в их соборной мечети.

Люди—из тех, кто вовсе не хранит обещаний.
Они—люди угнетения и несправедливостей.

Рассеялась в те дни совокупность общины
И была пролита кровь благородных.

После этого в халифатстве всенародно дали
Присягу Шамилю—герою, вождю.

Этот оказался сильнейшим из народа по гневу
И враждебности к врагам ислама.

Он не проявлял свою суровость над ними даже тогда,
Когда сам на острие меча находился.

Он трудился все время, глотая от них огорчения
И не проявлял в отношении к ним ничего, кроме мести
(законной).

И когда труды его эти растянулись на долгое время,
То аллах привел его к победе меча.

Он шел, усиливаясь в могуществе и испрошении помощи,
И стало известным дело его после скрывания втайне.

Трудился он на пути аллаха с благоразумием и
осторожностью
До тех пор, пока не поднялся на самое высокое место.

Тогда почтил его (аллах) соединением разрозненности
народа¹
Который пришел к нему с дружбой и прося устроения.

Народ приходил к нему толпа за толпой
Вольно, неволью, или со страстным желанием.

Он вновь воссоздал каждое здание для мира (ислама)
И мудро укрепил его, сделав преграды—завалы.

И когда мир предпочел только его одного,
То он объявил о времени гибели для людей земли.²

И стали поэтому ничтожны для него души того народа,
Для которого (ранее) были ничтожны души тихамца.³

Если кто-либо не испросил защиты владыки,
То подвергнется ли его растерзанию тот, кто имеет эту
защиту?

Сколько раз при свидетелях из народа он возглашал
Об объявлении призыва (к джихаду) без всякой утайки.

Обращаясь к владыке трона в день выступления,
Когда люди выходили для битвы, (он говорил):

«Эти вот—уже избрали себе в покровители людей неверия
И вместе с ними выходят на нас ежегодно.

И если они разорвали с нами нерушимые связи религии,
То перебили мы их, разорвав к ним уважение».

¹ Глосса: «Разрозненности народа Чечни».

² «Люди земли», т. е. люди, заботящиеся только о земных благах, люди неверия и пр.

³ Т. е. пророка Мухаммеда. Души тихамца—души мусульман.

И опустил крылья покровительства над людьми добра¹
Тем, что потряс мечом над людьми порицания.

Вот уже шесть сторон (света) наполнил он славой
И приобрел уважение среди славных вождей и владык.

Дни его оказались днями благополучия,
Они пришли с великими завоеваниями.

Сколько из крепостей, которые построили люди неверия,
Ища в них защиты, были великими и возвышались;

Построены были они крепко руками осторожности,
Выше по совершенству, чем Хосроев дворцы.

Сколькими вооружениями и снаряжениями были
снабжены они,
Сколько в них было разных стрелков и приспособлений
стреляющих?

И вот снарядил однажды Шамиль на них свое войско
И разрушил даже основы их острями мечей.

Все что было в них—забрал он насильно,
А люди неверия очутились поутру в ущербе.

В прежние дни, когда было счастливым для него время,
То и всякие желания встречали его, улыбаясь.

Когда все старания он прилагал для джихада
И приведения войска в порядок.

То в то время войска мусульман действительно
Возвеличились под руку имама.

И сколько войск неверных они повернули обратно насильно,
С унижением и разрушением, несмотря на их ярость.

Сколько раз выходили неверные со сборищами и богатствами
И разбегались от сокровищ своих, обращаясь в бегство.

Сколько пленных захвачено было из ночных их отрядов,
А затем их же продавали неверным за то, в чем нуждались.

¹ Очевидно, намек на конец 88-го стиха 15 суры Корана «...и опусти свое крыло пред верующими».

Сколько неверные привезли своих женщин, но ослабевали
Старухи их из-за пленения и взятия в добычу.

Я вижу, что есть перемены и у этого времени
И вот оно уже спешит с превратностью к благородным.

Пришло к Шамилю утро постоянного злополучия
И лишило его содействия и уважения.

И вот уже затих перед ним восточный ветер побед,
И подул вдруг западный ветер истребления.

Когда завертелся над ним жернов войны,
Тогда разгорелось пламя горячих сражений.

Разостлалась «межусобица—подстилок»,¹ и затем за нею
Последовала «межусобица—владительница мрака».

Весь разгар этой последней межусобицы выступил против него
Так, что она извлекала все кости из мяса.

Как будто бы судьба стала разъяренной против него
И идет вслед за ним с наказанием-мщением.

Она порвала с ним договор дружбы после его заключения
И расстроила совокупность его после ее устранения.

Насильно он был удален в жилища неверных,
Против воли его на погибель.

Его обманули друзья его подлые,
А друг его оказался наиболее враждебным соперником.

Сколько из лгущих в любви ему дружбу свою
Открывали из-за чина или обломков мирских благополучий.

Они вертелись вокруг него, приспособляясь,
Когда жернов его вертелся по желанию.

Когда же ветер восточный затих, то отпали
Они и от веры и от заботливости.

А когда же пути Шамиля стеснились под ним,
То они подхватили сокровища его на разграбление.

¹ О значении термина «межусобица подстилок» см. ниже, стр. 93.

Сколько было групп, с которыми были заключены
соглашения,
Подкрепляемые обязательствами.

А они его управители—оказались управителями порока
И изменили ему в день разгара битвы.

Сколько клялись ему смертью в том,
Что не оставят имама в дни несчастий.

Но когда пришло то, о чем они клялись,
То они протянули имаму руку погибели.

Наибы его оказались наибами порока,
Подлинно были они бедствиями для народа.

Назначал он их над народом как пастухов.
А они оказались подобно волкам над стадами.

Он внушал им правду и справедливость,
А они умножали несправедливости и притеснения.

Стеснились просторы земли для народа из-за
Их несправедливости и злонамеренных наказаний.

Наибы лишили народ сил для джихада,
Они же сделали его бессильным для оказания поддержки.

Имам называл их верными управителями и поэтому делал вид,
Что не слышит жалоб тех, кому были причинены обиды.

А сколько наибы оттолкнули тех,
Кто жаловался с глазами, изливающими потоки слез?!

Наибы поручили дела людям, недостойным для этого,
Предполагалось (найти) безопасность не в том месте, где она
находилась

Наибы погубили две вещи, отданные Шамилю на хранение:
Подданных и соблюдение справедливости.

Забыли они обязательства клятвы, данной ранее ими,
И троекратно развод без возможности возврата.

Когда имам удалился из этих жилищ,
То изменились характеры этих людей.

Сколько бывших ранее благочестивыми, по их заверениям,
Когда он ушел, погрузились в греховность.

И сколько из ученых, или чалмы владельцев,
Сейчас развлекаются и даже пьют вино.

А разве они не страшатся? Разве нет у них стыда
Перед всемогущим, или этой чалмой?

А разве смерть недостойнее для свободнорожденных,
Чем слушание или позор беззакония?

Когда имам удалился от этих домов,
Некоторые даже начали высказывать ему осуждение.

И сколько раньше превозносивших похвалы
Ныне едят его мясо, даже с костями.

Когда он ушел, то остались они как звезды
Во мраке, когда исчезает свет солнца.

Пусть же будет и гибель, и горе и проклятие
Этому подлому сброду.

Этими своими стихами я не собираюсь претендовать
На поэзию, если бы даже обнаружил и слов чародейство,

Однако я свидетельствовал как очевидец о превратностях
Моего века и сообщил о делах до конца.

И если были порочными время и люди моего века,
А народ оказался приведшим в расстройство порядок.

То я вот—хаджи Мухаммед Сугратли—
Прошу у аллаха хороший исход.

(Слова хаджи Мухаммеда ас-Сугратли, да помилует его аллах всевышний,—«Виднелась межусобица подстилок» и т. д. взяты из того, что передают со слов Абдуллаха, сына Омара, да будет доволен аллах ими обоими.

Абдуллах сказал: «Мы были восседавшими у пророка, да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир, он вспоминал межусобицы. Он много их перечислил до тех пор, пока он не упомянул «межусобицу подстилок».

Тогда сказал сказавший: «Что такое «межусобица подстилок?» Пророк ответил: «Она есть бегство и грабеж; затем межусобица

«сарра» (грыжи) — дымление ее из-под ног мужа из семьи моего дома. Он утверждал, что он от меня (действует) — это делают только близкие родственники совершенного. Затем народ сошелся на одном человеке «как бедро на ребро».¹ Затем «межусобица сумрака», — она не оставила никого из этой общины без того, чтобы не надавать ему пощечин. И когда говорят, что она закончена, (то наоборот) она тянется. Во время ее встает человек поутру правоверным, а при наступлении вечера становится кафиром (неверным),² так что народ оказывается в двух лагерях: лагерь веры — нет в нем лицемерия, и лагерь лицемерия — нет в нем веры. А когда будет так, то ожидай антихриста сегодня или завтра».

Слова Абдуллаха, «Мы были восседающими» значат «мы сидели».

«Он вспомнил «межусобицу подстилок» — (по этому поводу) ал-Хаттаби сказал: «Межусобица» поставлена в грамматическую связь с «подстилками» по причине ее постоянства и длительного пребывания; говорят о человеке, который постоянно находится у себя в доме и не выходит из него, «он — подстилка (у порога) своего дома», потому что подстилка расстилается и остается на своем месте до тех пор, пока не будет убрана. Допустимо, что эта межусобица действительно похожа на подстилки вследствие черноты ее цвета и ее мрачности».

«Она есть — бегство» значит, что люди бегут один от другого вследствие того, что происходит между ними из битв.

«Хараб (грабёж)» с «а» после «х» и «р» — забрать имущество несправедливо.

«Межусобица «сарра» (грыжи)»³ с «а» после «с». Это болезнь, которая поражает верблюдицу в пуповину, тогда говорят: верблюдица — сарра, т. е. у нее болезнь пуповины. Смысл этого слова может значить происшедшую в народе такую межусобицу, которая вызывает в груди боль от печали и постигающего народ вреда.

«Дымление ее» — «ее дым». Это указывает на то, что распространялись эти межусобицы через посредство «мужа из семьи моего дома», но не «из моей семьи», потому что если бы было «из моей семьи», то этот муж не возбудил бы межусобицы. Это значит,

¹ Глосса: «Как бедро на ребро». Эта пословица, которую употребляют в отношении того, что не является справедливым и устойчивым, потому что бедро не опирается на ребро, а то его не носит (т. е. ребро не носит бедро). Когда же нужно выразить соответствие и подобие этой пословице, то говорят «Как ладонь на руку, а рука на локоть».

² Глосса: «Правоверным», т. е. запрещающим проливать кровь своего брата, к вечеру становится «неверным», т. е. дозволяющим это».

³ Сарра — грыжа и в то же время верблюдица, страдающая грыжей.

что он в родственной связи с «семьей моего дома», однако в действительности не «со мной».

«Затем народ сошелся на одном человеке «как ребро на бедро». Ал-Хаттаби сказал: «Это—поговорка и значение ее—дело, которое несправедливо и не твердо, потому что бедро не опирается на ребро, а ребро не носит бедро». В главе «Соответствий и сообразностей» сказано: «Когда кого-нибудь характеризуют, говоря «он опирается как ладонь на руку, а рука—на локоть» и тому подобное, то хотят сказать, что этот человек недостойн власти и она им не будет установлена правильно».

«Затем «межусобица сумрака»—она не оставила никого из этой общины без того, чтобы не надавать ему пощечин». Сумрак—это уменьшительное слово от «мрак», т. е. беда.—так называют беду вследствие ее мрачности. Пощечина—это удар по лицу внутренней стороной кисти руки. Смысл этого слова заключается в том, что следы этой межусобицы достигали каждого из тех, кто тогда присутствовал или принимал в ней участие.

«Так что народ оказывается в двух лагерях». Лагерь—палатка. Это значит, что народ того времени оказался (разделенным) на две группы—искренний мусульманин и полный кафир (неверный). Конец.

ДРУГОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сообщил Мухаммед ал-Касыр ал-Индири составителю этой книги следующее: «Эти управители русских хотят поднять и возвеличить Шамиля и не хотят его унижить и сделать презренным. А доказательство этому в следующем. Между мною и князем Чавчавадзе—дружба. Однажды, уже после отъезда Шамиля отсюда к русскому царю, я посетил князя и встретил стоящего перед ним чтеца, бывшего ранее приближенным у Шамиля и часто его замещающего. Чавчавадзе усадил меня подле себя и, положив руку на мое плечо, спросил: «Почему ты не спросишь меня о твоём приятеле Шамиле?» Я ответил: «Поистине я не знал, что ты имеешь связь с Шамилем». Тогда он сказал: «Я не имею с ним связи, но до меня дошли сообщения о нем». Тогда этот стоящий чтец сказал, что в последнее время, т. е. сейчас, Шамиль стал малоумным.

Чавчавадзе заявил: «Сейчас в России распространено (мнение) о совершенстве ума Шамиля и его храбрости. Да и как же иначе, ведь он вытерпел борьбу с царизмом на протяжении 25 лет, а русский царь не вытерпел этого в течение такого времени и (пошел) на мир». Конец.

Рассказывал мне человек, заслуживающий доверия, о том, что когда русский Николай объезжал области своего государства в

1253 (1837/38 г., то (повсюду) его встречала знать. И вот его встретил юноша, сын шаха шиитов. Николай спросил его об его отце. Тот ответил: «Он управляет таким-то вилайетом». Тогда Николай сказал: «Что за народ! Они занимают его для такого мелкого дела, унижая его».

Юноша ответил: «Да, они—небольшая община, как Дагестан». Он намекал на затруднения Николая в Дагестане.

Упомянутый Мухаммед ал-Касыр сообщил о том, что Чавчавадзе рассказывал ему о разговоре Шамиля с их архиереем, а архиерей величайший из всех монахов у них Чавчавадзе сказал: «Он (архиерей) у нас выше, чем царь». Шамиль спросил у архиерея: «А разве не в обычае аллаха всевышнего предписание предшествующего пророка заменять законами пророка, приходящего после? Ведь были заменены некоторые скрижали другими. Затем предписание скрижалей было заменено Пятикнижием Моисея, и Пятикнижие, в свою очередь, было заменено Евангелием». Архиерей ответил: «Да это так». — «Так почему же, — спросил Шамиль, — вы не признаете замену Евангелия Кораном? Дайте его», — добавил Шамиль. «Предположи, что это так, и мы оставим это дело в стороне». Затем пошли и принесли Евангелие, переведенное на арабский язык. Шамиль сказал: «Это (Евангелие) запрещает вино, свинину и прелюбодеяния. А вы не поступаете сообразно с ним».

Тогда Чавчавадзе сказал: «А не нужно ли было этому архиерею сказать Шамилю следующее—а разве нет в вашем Коране того, что вы не исполняете?»

«Да, в Коране много есть из того, что мы не исполняем», — подтвердил этот стоящий чтец.

Я же сказал: «Мы подлинно делаем то, что предписано Кораном; мы совершаем молитву, платим закят, соблюдаем пост Рамадана, воздерживаемся от прелюбодеяния и несправедливости. А если украдет укравший, или выпьет пьющий, то это от их порочности».

Чавчавадзе положил руку на мое плечо и сказал: «Истинно, ты Мухаммед будешь у меня также притязующим на это».

Это же сообщение рассказывают по-другому. Было напечатано в русских газетах, которые приходил в Темир-хан-шур, о том, что этот архиерей пригласил Шамиля вместе с русским царем в свой дом в гости.

Шамиль нашел его дряхлым стариком и спросил: «А разве нет у тебя жены?» — «Нет», — ответил архиерей. «Почему же ты не женился?» — спросил опять Шамиль. «Истинно, наш пророк Иисус, да будет над ним молитва и мир, не был женат», — ответил архиерей. А его дом был украшен сосудами, лампадами и покровами из золота и серебра.

Тогда Шамиль спросил у архиерея: «А разве были у вашего пророка Иисуса подобные этим сосуды, лампы, покровы и дом?» — «Нет», — ответил архиерей.

Тогда Шамиль сказал: «Почему же только в чистом безбрачии ты следуешь своему пророку, но не следуешь ему в отношении этих вот вещей».

Архиерей смутился и вынужден был замолчать. Передают также, что царь сказал Шамилю: «Что касается пяти молитв, то они установлены в вашей вере. А что же это за молитвы, которые вы совершаете до и после?» Шамиль ответил: «Они подобны множеству лампад, которые вы зажигаете в одной какой-нибудь комнате». Конец.

ДОПОЛНЕНИЕ О ВОЗВЕЛИЧЕНИИ И ПОЧТЕНИИ, ОКАЗАННЫХ ИМАМУ ШАМИЛЮ И ЕГО СПУТНИКАМ

Это было со стороны великого царя после прекращения надежды на почет и прославление и после того, как завистники Шамиля уже были убеждены в том, что он совсем унижен и подавлен. Я выбрал это дополнение из «Сути разъяснений», которые собрал шурии (и зять) Шамиля и его товарищ благородный сын устаза Джемаль ад-Дина Абд ар-Рахман, родовитый сейид, вернувшийся от Шамиля.

Когда по заключении мира Шамиль со своей семьей отправился с Гуниба на гору Кахаль, то его с семьей расположили рядом с генералом в великолепной палатке. В этой палатке было столько различных ковров и другой хорошей, драгоценной и красивой мебели, что даже нельзя выразить словами (букв. не расскажет о них языком никакой говорящий). Нам тотчас представили повара-мусульманина, дабы мы были избавлены от их пищи. Нам доставили прекрасную пищу и различные вкусные фрукты на золотых и серебряных блюдах.

И я думаю, — говорит Абд ар-Рахман, — что завистники Шамиля, когда увидели почет, оказанный Шамилю, то были наполнены и задыхались от гнева, затаившегося в их душах от силы их враждебности к нему. Конец.

В то время, когда Шамиль находился в этом состоянии благоденствия и полного досуга, пришел однажды к нему полковник Алибек ал-Яхсави, он был переводчиком между Шамилем и генералом, и сказал: «Меня послал к тебе генерал для того, чтобы считать членов твоей семьи, дабы доставить им достойные подарки и дорогие награды». Шамиль сообщил ему то, что от него требовалось, и Али-бек вернулся обратно.

На следующий день пришел опять этот переводчик к имаму с подарками от графа и разложил их перед ним и, показывая их имаму, говорил—это тому-то, это тому-то и т. д. Среди подарков были двое часов, украшенные бриллиантами, а бриллианты—это драгоценные камни, известные среди нас под именем алмазов. Эти часы были предназначены для каждой из жен имама—нашей сестры Захидат и обращенной в ислам Шуаванат. Каждый из этих двоих часов стоит по тысяче рублей по умеренной цене. Два кольца для двух замужних дочерей Шамиля, моей жены Нафисат и жены моего брата Фатимат. Две булавки, прикалываемые к пальто на груди, украшенные также бриллиантами, которые (предназначались) так же, как и кольца, двум супругам двух сыновей имама—Каримат и Аманат. Дорогая шуба для имама, стоящая у русских 2 тысячи рублей. Эта шуба принадлежала генералу, и он пожаловал ее имаму, усиленно стараясь оказать ему почтение. Затем мы отправились с горы Кахаль в крепость Темир-хан-шуру. Во время пребывания там мы ничего не видели от русских, кроме возвеличения и такого почета, что даже и рассказать невозможно.

Когда имам, направляясь к султану Москвы, спустился на равнину, то один чтец из жителей равнины упрекал его за то, что он сдался русским и не искал смерти (в битве). Имам тотчас же, не задумываясь, ответил ему стихом из Корана: «Ни одной душе не дано умереть, кроме как с разрешения аллаха».¹ Укоряющий был смущен.

Имам отправился отсюда с Гази Мухаммедом, двумя его мюридами—Хаджиявом, сыном Газиява ал-Карати, и Тауш Мухаммедом ал-Карати, оставленным секретарем имама Абд ал-Каримом ал-Чиркави и переводчиком Али-беком ал-Яхсави. Семью свою он оставил со своим сыном Мухаммедом Шафия в крепости (Темир-хан-шуре). Затем пришел Гази Мухаммед и вернулся с их семьями и родственниками, юношами учеными Абд ар-Рахманом и Абд ар-Рахимом, сыновьями шейха сейида устаза Джемаль ад-Дина. Я не был в то время с ними, однако упоминаю здесь все то, что они видели во время поездки к царю, как будто бы я был с ними. Это—по сообщению мне имама. Они ехали, сидя на дрожках генерала, подобных которым не видели в России, кроме дрожек царя, но нет нужды упоминать об этом. Когда они достигли города Чугуева, то там встретили царя. Чугуев—это город близ Харькова, а между Харьковом и Петербургом расстояние 1374 версты. Последние слова царя при встрече с Шамилем были: «Будь доволен. Поистине, ты не раскаешься в своем приходе ко мне».

¹ Коран,³139.

А дело стало лучше, чем сказал царь. Затем царь верхом выехал на равнину для обязательного, согласно обычаю, ежегодного смотра его конных войск, которые не покидали Харькова и его окрестностей. Это—лучшие его войска. Среди них—различные отряды, гусарский полк, уланы и пр. и пр. В тот день было их около 15 тысяч. Они устроили там взаимное состязание, разделившись на две группы, и играли, стреляя из пушек и ружей одни в других так, что тот, кто был далеко, видел, что как будто бы там происходит великая битва. А царь проезжал на лошади то справа, то слева, осматривая войска. Имам ездил с царем, сидя в дорогой коляске, а царь спрашивал его: «Как ты находишь вот это, вот это». Шамиль отвечал ему ответом, сообразным положению их обоих. Затем царь приказал ему отправиться в местожительство царя в Петербург к госпоже царице, матери царя, тем самым выполняя данное ей обещание, если он победит Шамиля, (то привезет его ей показать). Шамиль отправился со своим старшим сыном, друзьями и переводчиком.

Когда она увидела Шамиля, то спросила его об его здоровье и о том, что он испытал в дороге приятного или тягостного. Она ему сказала то же самое, что сказал царь при первых встречах с ним. От нее он вернулся в то место, где он поселился в Петербурге. Затем ему показали все диковинки, находящиеся во дворцах царя, прекрасность которых не опишешь. И какое там оружие, сокровища и постройки! Подобных им не слыхивали у царей совершенно. Таково же прочее снаряжение—пушки и «канафиры»¹ и пр. Наиболее удивительное из виденного в Петербурге—золотой петух, находящийся во дворцах царя; у него крик подобен крику нашего обычного петуха без какого бы то ни были различия. Хвала тому, кто подчинил все вещи своему могуществу и дал преимущество в уменье сынам Адама над остальными его тварями.

Это—суть повествования, переданного мне имамом и некоторыми его сподвижниками, которые были тогда с ним. Кто хочет—пусть верит, кто не хочет—пусть не верит. Затем царь указал для местожительства имаму город Калугу, которая похожа на наши города во многих отношениях; прекрасный воздух, хороший вид, множество лесов, рек, холмов и пр. Рассказывают, что, когда заболела родительница этого царя, то она переселилась в Калугу и жила там некоторое время. Там она получила исцеление от ее болезни и вернулась обратно на место своего основного жительства.

Царь приказал тогда начальнику города предоставить Шамилю на выбор для жительства любой дом города, какой он только

¹ Точное значение этого слова до сих пор не установлено.

захочет. Но имам не стал выбирать себе жилище сам. Довольный тем, что он увидел из оказанного ему возвеличения и уважения, он поручил это дело им. Они его поселили в роскошном доме, подобно которому нет в Калуге. Этот дом они наняли для него за тысячу рублей из казны. Вокруг дома—обширный цветущий сад с плодами, цветами и обильной зеленью, для того чтобы выходили в него для прогулки, когда захотят, и он свободен от взглядов посторонних. В саду специальная баня для тех, кто хочет помыться и навести чистоту зимой.

Русские приказали управителю города ежегодно ремонтировать этот дом за счет казны. Перед тем как мы въехали в этот дом, мы нашли его уже приготовленным. В нем было сделано все, в чем нуждаются: стулья, столы, скамейки, постели, ковры, одеяла, подушки, зеркала, часы и пр. Всего ценою, достигающей 7 с лишним тысяч по меньшей мере. Кроме того, дров для отопления на 200 туманов ежегодно. Приставили также при имаме человека для обслуживания его потребностей и писания писем царю. Два переводчика—русский и казанский с жалованием (их всех троих), превышающим 4 тысячи рублей: 3 тысячи приставленному человеку, тысячу русскому переводчику и 600 рублей казанскому переводчику, итого сумма составляет больше 4 тысяч, как было упомянуто. Сумма всего того, что отпускали для имама, т. е. для содержания всех находящихся при нем ежегодно, составляет 20 тысяч рублей. Я удивлен уважением, подобно которому нет никакого другого и не было слышно во время прошлых царей равного ему для кого-либо.

Приставка о том, что осталось (неизложенным). Когда вышел высочайший фирман от его величества царя, владетеля верховной власти и сана, о приготовлении для имама дома, им было приказано также закупить для имама всю столовую посуду и прочие принадлежности из чистого серебра, но имам не согласился, основываясь на том, что это не было одобрено по учению аш-Шафия, да будет им доволен аллах всевышний. Эти слова увеличили среди русских достоинство имама, так как они узнали, что жадность к тленным мирским благам незначительна в наших характерах и врожденных свойствах. Затем через некоторое время после поселения имама в Калуге великий царь подарил ему роскошную очень дорогую коляску. Говорили, что она стоит тысячу рублей, если оценить. Иمامу купили также пару хороших рысистых лошадей за семьсот рублей. И слава аллаху, владетелю миров.

Этот приставленный к имаму человек, капитан Афлун,¹ пока

¹ Капитан Аполлон Руновский.

находился при имаме, проявлял хорошее отношение и заботился об уважении и достоинстве имама. Я слышал, в то время когда мы с ним находились во дворце царя при поездке в город Петербург, как царь лично сказал ему: «Я доволен тобой за твою верную службу».

В один из дней Афлун пришел к имаму и сказал: «Невдалеке от нас находится фабрика, на которой делают бумагу, если ты хочешь, то отправимся туда посмотреть». Имам согласился и поехал, и мы с ним. Когда мы приехали на фабрику, то нашли ее владельца приготовившемся для принятия нас как гостей, как будто бы он знал о нашем приезде к нему за месяц до этого. Это дело было любезной предупредительностью Афлуна. Владелец фабрики показал нам все, что там находилось из диковинок, произведенных его искусством.

Мы упомянем тебе малость из этого.

Во-первых, там поставлены большие котлы, вертящиеся как шар, они все время вертятся. В котлах множество тряпок и старых лохмотьев, их бросают в эти котлы для того, чтобы они стали чистыми от грязи. После очистки котлы выбрасывают эти тряпки в другое место—резальню, где находится как бы «веревка из жерновов», а на ней что-то, похожее на топор, и делают их измельченными, как нарезанная трава. Затем то, что нарезали, кладут в другие, в которых вода для того, чтобы снова очистить, моя вращением в них. Затем то, что вынут из них, кладут в другие. Наконец, станет это как жижа (жидкая масса).

На этой фабрике—колеса из железа, канаты и другие разные приспособления, изготовленные руками искусных мастеров. Не постигнет их разумение, если даже усиленно смотреть и напрячь мысль. Однако крайний предел обозрения при присутствии там—замешательство чистого (рассудка) и заблуждение ясного (ума).

В конце этих колес и около них видны листы бумаги, которые падают сверху вниз сложенные, готовые для письма. Там, где они падают, стоят два мальчика, не достигшие зрелости. Они подбирают и отделяют то, что падает из бумаги на землю. Все обслуживание там (происходит) при помощи железных колес, не нуждающихся ни в какой помощи людей, кроме бросания в котлы тряпок, как было указано выше.

Затем владелец фабрики пригласил нас в гости. Мы вернулись от него вполне удовлетворенными тем, что мы там видели.

По миновании некоторого времени после этого пришел к имаму капитан Афлун вторично, приглашая его на сахарный завод. Этот завод был близ Калуги; всего в 12 верстах. Имам отправился туда с нами. Когда мы туда прибыли, то нашли владельца завода

Жукова приготившимся, как будто бы он ожидал прибытия к себе благородного гостя, и столы, уставленные яствами, были накрыты перед ним. Мы поняли, что это искусство опять-таки не иначе как со стороны капитана Афлуна.

Сразу же после нашего прибытия нас повели на завод. И вот, на этом заводе такие же самые, как и на фабрике бумаги, колеса, канаты, котлы—без какого-либо различия, кроме того, что этот завод во многом хуже бумажной фабрики. Мы упомянем для вас немного из рассказа о нем. Например, мы видели там множество моркови (свеклы?) и другой сорт из нее, называемый на нашем языке «чугулта» На этом заводе все время стоят прислужники и бросают эту чугулту в котлы, которые вертятся как жернова. Там чугулта размельчается до тех пор, пока не станет как жижа. Затем истолченное процеживается через льняные полотнища. Сок каплет вниз, а на полотнищах остается что-то похожее на осадок (подонки). Сок кипятят до тех пор, пока он не сгустится и станет полутвердым, густым напоподобие меда. Затем вскипяченное вливают в другие быстро вертящиеся котлы и, наконец, становится как смола (жир), застывшая и твердая. Затем это вскипяченное выливают в формы из белого железа для приготовления сахарных голов. Затем кладут его в очень холодное помещение на открытом ветру для того, чтобы он сделался твердым, приготовленным, какой мы видим обычно. Это первый сахар, однако в нем остается желтизна, которую требуется удалить. Этого достигают так: берут кости и хорошо их пережигают, пережженное толкут до тех пор, пока не получится мягкое, как мука. Затем употребляют это в нужных размерах для отбелики сахара. Так рассказали нам на этом заводе. Но мы не видели всего этого своими глазами.

Сейчас мы приступаем к изложению вкратце качества почитания имама и уважения к нему, оказанных жителями города Калуги и всеми начальниками, главами, генералами и другими лицами из народа. Мы прожили среди них такое время, которого достаточно для того, чтобы постигнуть их положение и узнать их качества. За все это время мы не видели от них, ни от большого, ни от малого, того, что было бы нам противно, или огорчило бы нас, словом, или делом, тайно, или явно, кроме возвеличения и уважения и сидя и стоя, и днем и ночью. Даже когда мы встречали их в толпе на улицах или при собраниях народа, они приветствовали нас, например, снимая шапки, здороваясь за руки, доброжелательно лично беседуя и т. д.

И если мы приходили к ним в гости по приглашению, или без приглашения, они вставали перед нами с почтением и предлагали нам то, что есть у них из пищи и питья. Даже если мы хотели совершать молитву в их присутствии, вследствие наступления ее

времени, то они освобождали нам место. Таково было их к нам уважение.

И все это из щедрот аллаха всевышнего, дающего их, кому он хочет.

Затем, при приходе к имаму посетителей из разных краев из числа знатных людей и лиц, особенно тех, у кого имеется какой-либо высокий сан у царя, они любезно обходились с имамом и обращались к нему с приятными разговорами и хвалебными речами, скрашивая своим приходом имаму одиночество в чужбине и отдаленность от родины. Они подкрепляли его прекрасными утешениями и увещаниями (положиться) на решение могущественного владыки. Затем, при прощании с имамом, они желали ему добра от того, в чьей руке ключи добра и зла, и проявляли по отношению к нему уважение и почет. Они говорили ему: «Мы любим тебя за хорошие качества характера и твои похвальные свойства, которыми ты прославился среди человеческого рода и в странах мира среди всех сынов народа». Таковы были их речи. Что же касается их поступков, то они были по отношению к имаму еще более добродетельными.

Сообщал мне, а я,—Абд ар-Рахман ал-Гумуки, собиратель этой книги,—передатчик, человек, заслуживающий доверия, о том, что однажды имаму сообщили: «Какие-то женщины из знати явились из далеких мест и хотят посмотреть на тебя и твоих женщин. Разрешить ли ты им?» Имам им разрешил. Они вошли к нему. Им сказали: «Вы, конечно, узнали его?» т. е. ну как вы находите Шамиля? Одна из них сказала: «Он человек (был бы) хороший, если бы не убил моего мужа». Шамиль ответил: «Если бы я его знал—твоего мужа—то не убил бы его». Все присутствующие засмеялись. Эти женщины принесли в подарок Шамилю около сотни туманов. Конец.

ГЛАВА С УПОМИНАНИЕМ О ПОЕЗДКЕ ИМАМА ШАМИЛЯ К ВЕЛИКОМУ ЦАРЮ

В 1277 (1860/61) г. пришел из Петербурга по телеграфу высочайший фирман, в котором царь приглашал Шамиля к себе. Отправились с ним мы, наш друг капитан Руновский и фельдъегерь, присланный из города Петербурга для сопровождения имама в пути. Фельдъегерь—это посланец от имени царя, которого спешно посылают по какому-либо важному делу специально. Имам ехал со своим старшим сыном в великолепной коляске, а мы—в другой. Так, пока не достигли Москвы. Отсюда мы сели на железную дорогу (цудульхук) а после того, как слез он и мы с железной дороги, мы встретили на краю города Петербурга друга имама

(и его любимца), умного и сметливого искусного переводчика полковника Богуславского; он сейчас посланник со стороны великого падишаха в охраняемом (аллахом) городе Стамбуле. Богуславский переводит и говорит на арабском, персидском, турецком, английском, французском и других европейских языках. Тогда он был адъютантом у дежурного генерала, помощника того царского министра, который управлял всеми военными делами русского государства.

Богуславский был таким человеком, у которого ума, проницательности (и верности) полная через край чаша. Впоследствии его неоднократно назначали переводчиком между имамом и великим царем, а также между имамом и генералом.

Мы нашли при нем роскошную коляску, приготовленную для имама. Этот полковник подошел к имаму, поздоровался с ним, приветствовал его с приездом и предложил свое гостеприимство. Он говорил с имамом на арабском языке (а у него и искусство в нем! что за искусство!). В заключении речи он сказал: «Добро пожаловать, благодарный уважаемый гость, приглашенный остановиться у справедливого великого государя, которому никогда не надоедает оказывать милости, приехали вы в добрый час».

Они двое поехали в этой коляске, сыновья Шамиля во второй, а мы—его товарищи—в третьей. Мы прибыли к дворцам, пяти—или шести этажными, и остановились в них. Они очень хорошо обставлены, украшены различными тканями, столами и стульями, обтянутыми разноцветной парчой. В этих дворцах—разнообразная пища и множество фруктов, «которые не прекращаются и никогда не запрещаются»,¹ и возвышающиеся постели. Как будто бы это какой-то рай, в котором «гроздь его близки».² Богуславский сказал нам: «Ешьте и пейте на здоровье. Это уважение специально для тебя сделал царь, о имам!» Имам поблагодарил за это. Полковник с этой упомянутой речью, осмотрев накрытые столы, вышел от нас ненадолго, затем, примерно через час, вернулся к нам вторично и сел с нами за пищу. Затем он ушел.

На следующий день утром он пришел к нам и сказал: «Мы сейчас отправимся сперва к дежурному генералу—помощнику министра». Мы отправились к нему, а с нами и наш друг капитан Руновский. Когда мы прибыли к дежурному генералу, он поднялся навстречу имаму, поздоровался с ним и сказал: «Добро пожаловать. Вы прибыли весьма кстати» и встретил его ласковыми и веселыми словами.

Имам изложил ему свое желание отправиться к министру и

¹ Коран 56₃₂.

² Коран 69₂₃.

спросил, когда ему это будет можно сделать. Генерал охотно ответил ему: «Когда хотите». Он обещал довести об этом желании имама до сведения министра. Затем генерал ответил (согласием) на то, что хотели от него в отношении министра. Имам вышел от него с этими его обещаниями. На следующий день утром полковник Богуславский отправился к этому дежурному генералу узнать в отношении того, что сказал имам накануне. Он вернулся от него с положительным ответом.

Мы отправились к министру Малютину в его дом. Мы встретили у него то же самое, что встретили до этого у его помощника, дежурного генерала, из уважения, почтения и приятных разговоров. Имам попросил у министра довести до сведения царя о том, что он хочет встретиться с ним и когда ему это будет разрешено. Через день или два пришел высочайший фирман о явке к царю. Когда мы прибыли в Красное Село, а это селение близ Петербурга, в нескольких верстах от него, то нашли царя в роскошных дворцах, а у ворот—толпу знатных людей и государственных вельмож, дожидającychся у дверей, как это полагается по обычаю вельмож, когда царь выйдет к ним. В этот день царь делал выход и был занят его приготовлением. Ему не подошел удобный случай пригласить нас в его дом и мы стояли поэтому у двери вместе со всеми собравшимися. Как только царь случайно брошенным взглядом увидел имама с лестницы дворца, он прямо направился к нему, не обращая внимания на тех, кто находился по сторонам. Он остановился перед Шамилем, а народ, находившийся там, смотрел на них и удивлялся тому, что встретил Шамиль со стороны царя из чрезмерного уважения. Царь спросил имама об его здоровье.

Имам проявил свою радость и счастье по поводу того, что видит его вторично здоровым, невредимым и в безопасности под взглядом смотрящего на него глазами милосердия и милости. Беседу царь продолжал недолго. Он посоветовал имаму поехать в военный лагерь, если он хочет полюбоваться зрелищем парада, а парад Шамиль неоднократно домогался посмотреть в прежние дни. Затем царь обратился к находившимся вокруг генералам и осведомился об их здоровье. Среди этих генералов были и такие, которые передавали письменные прошения его адъютанту, и такие, которые удерживались от подачи прошений, а удовлетворялись тем, что излагали свои просьбы устно, а затем поднимали руку к плечу—это у них знак приветствия. Затем царь сел в роскошную коляску и уехал со своим адъютантом.

Немного спустя вышел его брат, затем—царица со свитой из знатных женщин. Все они направились вслед за царем в военный лагерь.

После того как они удалились от нас, нам подали коляски, мы сели в них и поехали вслед за ними. С нами (поехал) и полковник Богуславский.

Когда мы приблизились к лагерю, то сошли с колясок и сели верхом на лошадей, находившихся там специально приготовленными для верховой езды. Мы верхами остановились в стороне близ царя, а он обрезжал и справа и слева между (рядами) солдат и говорил: «Как ваше здоровье молодцы?» Они отвечали ему в один голос: «Здравия желаем вашему величеству». Царица сидела на возвышающемся холме в палатке с женщинами.

В то время, когда царь приказал войскам, и конным и пешим, пройти перед ним, ударил вдруг на нас проливной дождь. Промокли все вместе с оружием (настолько, что) как будто бы их вытащили из пруда, наполненного водой. Затем царь объявил благодарность начальнику войск за то, что он нашел его войска в хорошем порядке. После того как прошли всадники, вслед за ними вышла пехота. Среди пехотинцев находился сын царя. Он также шел как и все. Царь показал Шамилю на него и сказал: «Видишь этого мальчика? Это мой сын».

Прошел перед ним другой его сын в других рядах, и царь указал на него имаму, как и в первый раз. Затем вышел один отряд всадников лучше предшествовавших оружием, лошадьми, выправкой (букв. станом). Нам сказали, что это—лучшая часть из имевшихся там войск. В их авангарде находился старший сын царя—его престолонаследник.

После мы в колясках вернулись обратно и отправились в Петербург. По прошествии двух или трех дней мы отправились к генералу, который всегда уважал имама и любил его. Он находился в селении, выстроенном на морском берегу, тянущемся до Петербурга. Мы ехали на пароходе, принадлежавшем брату этого генерала, управителю морских войск. Нас расположили в царском дворце, окруженном тем, что не поддается описанию.

Как только мы прибыли, нас пригласили к генералу, находившемуся в другом дворце. Имам вошел к нему с полковником Богуславским. Мы оставались в прилегающем к нему помещении до тех пор, пока не окончилась беседа имама с генералом. Затем мы вошли к генералу, и последнее то, что он сказал при прощании имаму, было: «Поистине, я люблю тебя как родного брата. А сейчас я отправляюсь в другое далекое государство. Пиши мне о твоём положении, и я буду писать тебе и не забуду тебя, хотя и удаляюсь от тебя в далекую страну».

Затем, когда мы вышли от этого генерала, мы вошли в царский сад. В этом саду находятся дома прежнего царя Петра, который установил большинство российских порядков. В этих домах

хранятся его мантия, шарф и туфли его жены Екатерины, которая управляла делами Российского государства после смерти Петра. Там же—древняя медаль, на которой изображена женщина в короне. Эта медаль выбита во времена Екатерины. В этом дворце находятся знамена мусульман, захваченные в стороне наших жилищ или в других местах во время битв. Вот таковы-то дела. В тех домах находятся также серебряные медали, которые обычно прицепляются на грудь тех, кто проявил отвагу в битвах. На них выгравированы выражения, известные у нас: «Кто думает о последствии—тот не храбр», «Это знак храбрости», «Это—молодец, совершенна в битвах его забота», «В битвах нападает нападение льва» или «Эта медаль—дал ее имам тому, кто проявил храбрость среди людей», и тому подобное.

Мы видели также топор, которым отрубали головы, и говорят, что его захватили в битве у Кутиша. Там же—знамя Данияль-султана.

Между тем нас привели в помещения, в которых несчислимое множество кузнецов. Мы видели у них огромный молот весом, как нам сказали, в тысячу пудов или больше. И несмотря на его вес, его приводит в движение с легкостью один человек при помощи железных колес. Этот молот разбивает громадный докрасна накаленный кусок железа немногими ударами так, что делает его тонким.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ОСТАЛОСЬ

Когда имам возымел намерение вернуться из Петербурга, то он захотел вторично встретиться с царем. Причина этому следующая. Когда после того, как его величество проявил в отношении имама бесконечное уважение, оказал ему возвеличение и почет и покрыл крыльями его сожаления и сострадания то, что имело место с его стороны в прошедшие дни вражды, то имам счел для себя обязательным лично отблагодарить его и выразить благодарность от глубины сердца за все его благодеяния и милости к нему, ибо это было причиной благоденствия исчезновения сожаления. Он попросил у царского величества разрешения на эту встречу. И вот фирманом властным и разрешением славным было разрешено имаму просимое им и приказано прибыть к царю. Когда мы прибыли с имамом к «высоким дверям», то имама ввели с полковником Богуславским в специально для него приготовленное помещение. А я, мой брат Абд ар-Рахим и друг имама, приставленный ему от высокого государства, капитан Руновский, остались в другом помещении, находящемся перед тем, куда ввели имама.

Царь беседовал с имамом долго. Я не знаю, что было между ними тогда из речей, кроме того, что, когда имам вышел от царя, его лицо блестело, подобно новой луне, от сильной радости и веселья, вызванных всем тем, что он увидел из почтения и царских милостей. (Это было) такое великое почитание, которое превышает все упомянутое выше. Среди подарков царя имаму была очень дорогая золотая шашка¹ подаренная рукой уважения и почитания. Да пусть не придет тебе в голову, слушатель, что это—вещь обычная даже для каждого из великих и начальников.

Затем царь пригласил к себе меня и капитана Афлуна, который был со мной. Когда мы приблизились к царю, то мы приветствовали его по обычаю русских наклоном головы. Я увидел признаки веселья и смеха на его лице. Он побеседовал со мной кое о чем. Например, он спросил: «Как ты нашел Петербург?» и пр. и пр. Я отвечал ему в меру своих знаний и ума. Затем он обратился к Руновскому и сказал ему: «Поистине, я доволен твоей службой». Он вышел, мы также ушли после него из его дома и отправились в Петербург. Через день после этого пришли посланцы от царицы с дорогими подарками для жен имама и его дочерей. Они показывали имаму все то, что было с ними из подарков, говоря: это—такой-то, это—такой-то, называя имена каждой из этих женщин по отдельности.

Среди подарков были: трое четок из жемчуга, цена каждый из них 300 рублей. Две четырехугольные коробки, в каждой из них птица из золота, как настоящая, издающая удивительные трели. Подобных вещей мы раньше не видывали. Эти коробки были из бумаги. Две булавки из золота, украшенные драгоценными камнями, прикалываемые к пальто на груди. Они предназначались для двух жен имама. И такие же булавки для всех дочерей. С этими подарками и с великим почетом вернулся имам из Петербурга, скованный и плененный цепями оказанных ему милостей и связанных по рукам путами проявленного в отношении его почтения. Однако, когда я вспоминаю закон наших людей в части содержания пленников, то содрогается моя кожа и морщится веселость моего лица, стыдясь (при сравнении) с тем, что мы видели здесь.

¹ В рукописи К глосса: «Говорят, что эту шашку, которую подарил царь имаму Шамилю, прислал царю в подарок верховный эмир Абу Муслим шамхал. Она была усыпана драгоценными камнями в таком количестве, что не сочтет их считающий и не опишет описывающий. От автора».

ГЛАВА О ВЫПРЯМЛЕНИИ ИСКРИВЛЕННЫХ ОТ ПРИРОДЫ НОГ ДОЧЕРИ ИМАМА ШАМИЛЯ НАДЖАБАТ

Знай, что когда Афлун Руновский узнал, что царь любит оказывать уважение и почет Шамилю, то он захотел сам испытать состояние Шамиля—доволен ли он от глубины сердца всем тем, что сделал ему царь, или же осталось у него еще какое-либо другое желание, которое он не довел до сведения царя, (он это делал) для того, чтобы самому приложить старание в выполнении основных желаний имама. Руновский увидел, что имам благодарен аллаху всевышнему и доволен царем. Однако он понял, что в душе имама все же затаено еще одно желание—выправить ноги его дочери Наджабат. В один из дней он покинул нас и вернулся в Калугу с удивительнейшей из людей по нраву личностью, которую звали Людвиг Киржановский.

Он привел его к имаму. Руновский сел рядом с имамом, а того посадил в стороне. Они вели длинный разговор. Киржановский рассказывал имаму о том, что он видел в Москве и Петербурге, и разные другие рассказы. И вот—его речь хорошая, но не согласуется с нашими речами, наоборот, все, что он говорит,—странные слова, чуждые для наших умов. Мы тогда сказали сами себе: «Кто это? Какой-нибудь ангел, или дух или святой, скрывшийся от людей?»

Наконец, мы узнали, что это был обычный смертный, а не ангел и пр. Во время этого разговора Афлун сказал: «О имам, я искал долгое время лекарство для твоего сердца и, наконец, нашел это лекарство,—и он указал на этого человека,—в лавках Петербурга и доставил его тебе бесплатно. Пусть приносит пользу в устранении твоих забот, которые остались до сих пор у тебя в помыслах еще с того времени, когда ты был на Кавказе».

Мы удивились ему и этим его словам и подумали, что он подшучивает над имамом.

Когда Афлун увидел наше неодобрение его поступков, он разъяснил свои слова, сказав: «О имам, поистине остался в твоих помыслах узел, завязанный еще в Дагестане, и я надеюсь при содействии аллаха всевышнего развязать его с помощью этого лекарства». Имам удивился его словам и захотел узнать, что это за узел.

Тогда Афлун сказал: «Твоя дочь Наджабат родилась с искривленными ногами. Я думаю, что она страдает от этого и постоянно жалуется аллаху всевышнему, и будь счастлив, дабы всевышний исправил это при помощи сего лекарства в короткое время».

Мы удивились тогда его пронизательности и постижению то-

го, что было сокровенным в сердце имама, хотя он совершенно ничего и не сообщал об этом ни ему, ни даже никому из нас.

После этого в уме имама наступило полное удовлетворение и довольство. И если бы у него были крылья, то он полетел бы от сильного счастья. Через несколько дней после этого разговора этот человек принялся заниматься выправлением ног Наджабат. Он сказал ей в первый день начала лечения: «Посмотри сегодня на свои поги и запомни их вид. Понистине, ты не увидишь их больше такими с этого дня, если этого захочет аллах всевышний». Мы тогда засмеялись и сказали: «Может быть он шутит».

Но прошло после этих слов не больше 5 дней, только, и он полностью исправил ей ноги.

Не было употреблено там ножа или какого иного инструмента, кроме простого бинтования ее ног лоскутами. И хвала аллаху, владельцу миров. Имам дал этому врачу тысячу рублей. И если бы ему сказали—отдай все, чем ты владеешь, то он не поскупился бы — настолько была велика его радость этому искусному делу.

ПИСЬМО ДЖЕМАЛЬ АД-ДИНА К ШАМИЛЮ

«От дряхлого старика сейида Джемаль ад-Дина к его дорогому сыну славнейшему и благороднейшему Шамилю и к остальной семье. Мир над вами, милость и благословение аллаха всевышнего.

А затем. С того времени как мы узнали о вашем положении и ваших делах, мы часто восхваляли аллаха всевышнего. Восхваляйте же и вы и благодарите его за то, что он оказал вам великие милости. И желайте добра к царю. Мы уже слышали о великом его милосердии и хороших поступках с многочисленными милостями к вам. Несмотря на то, что вы были в отношении его злодеями, с какими благодеяниями он отнесся к вам?! И если он так относится к злодеям, то каковы же поступки его в отношении добродетелей?! Нет сомнения в том, что поступок благородных—благороден, их добродейание—совершенно.

Надлежит вам и нам благодарить его за его милости и в любое время желать ему добра, возвеличивая его достоинство. Ибо, кто не благодарит созданных, тот не благодарит создателя. Как от вас не скрыто, благодарность дарующему—обязательна.

С миром. В 1278 (1861—62) г. в Темир-хан-шуре. Конец».

Да сделает аллах всевышний для них обоих (Джемаль ад-Дина и Шамиля) рай убежищем и не лишит нас его также.

Когда мы были там, то нас доставили в одно место, где находилась группа звездочетов и предвещателей. У них книг столько, что не сочтешь, и очень длинная подозрительная труба, в которую видны звезды даже в полдень.

Ну, разве не удивительно, что они показывают тебе в эту подозрительную трубу любую звезду, какую ты только хочешь, и в любой части неба, прочитывая это в науке о звездах, которая является запрещенной для чтения и изучения у нас, а в то же время среди людей есть такие, которые разрешают это смотрение в силу приносимой им пользы.

Первый довод, (т. е. довод запрещающих), состоит в том, что звездочет часто сообщает о том, что скрыто от многих людей. Невежественный же человек, который слаб в своей вере, думает, что звездочет знает сокровенное и поэтому сердце его приходит в смятение, а он сам приходит к ложному представлению о существовании сотоварищей у него всевышнего (аллаха) в том знании сокровенного, так как только он (аллах) — тот, от которого ничего не скрыто ни на земле, ни на небе, «знающий сокровенное и очевидное великий превознесенный».¹

Второй довод (т. е. довод разрешающих) состоит в том, что в знании счастливой или злополучной звезды заключается польза для путешественников, воюющих и тех, у кого есть какие-либо другие цели, так как тогда они могут пускаться в желаемое (предприятие) или воздержаться от него, смотря по выпавшей на их долю звезде.

Так пусть же будет дозволенным все то, что приносит пользу человеку, — оно не должно быть запрещено. «У каждого есть некая (обратная) сторона и он обращает себя к ней.»² Аллах всевышний более сведущ в сущности дел. Кончилось то, что я, т. е. Мухаммед Тахир, извлек из краткого пояснения о делах Шамиля, и оно начинается с «Дополнения» и доходит до сих мест.

ДОПОЛНЕНИЕ О ПОСЛАНИЯХ ИМАМА И ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

Поместил это дополнение на этом месте редактор, т. е. сын Мухаммеда Тахира. Имам послал царю: «О величайший царь, объемлющий милосердием всех подданных и благодетель для меня особенно. Подлинно, моя постоянная нужда в людях моего дома (для оказания помощи) и чрезмерная старость напоминают о

¹ Коран 13₁₀.

² Коран 2₁₄₃.

смерти ежечасно. Основываясь на том, что я чувствую из расстройства своего здоровья, я думаю, что уже приблизился мой жизненный предел и аллах всевышний требует мою душу к удалившимся предкам. Я не боюсь неизбежной смерти. Я очистил свою душу молитвой и покаянием. Но, истинно, я и моя семья боимся внезапной смерти, прежде чем сумеем доказать покорность тебе, семье твоего дома и всем правителям русским верность наших сердец и чистоту нашего убеждения путем искренней клятвы. И подлинности нашего довольства. О величайший царь и мой добродетель! Ты победил оружием меня и тех, кто был в моем владении из жителей Кавказа. Ты даровал мне жизнь. Ты обрадовал мое сердце твоими благодеяниями над моей чрезмерной старостью, меня, поработанного твоей милостью и щедростью. Я поучаю своих детей тому, что должно быть проявлено ими (из благодарности) в отношении русского государства и его великих владетелей, и благовоспитаваю их на этом.

Я завещал им постоянную благодарность тебе за твою бесконечную ко мне милость и распространение известий о ней. Я завещал им также быть среди искренних подданных русского государства, повиновением приносить пользу их новой родине и служить, не принося ущерба и не изменяя. О царь, окажи милость моей старости, прими присягу от меня с моими детьми в любом городе, в каком только ты пожелаешь,—Калуге, Москве, Петербурге,—это по твоему благому выбору.

Истинно, мы все поклянемся перед лицом свидетелей в том, что мы желаем находиться в среде искренне преданных тебе твоих подданных в вечной покорности. Я призываю в свидетели аллаха всевышнего и его посланца Мухаммеда, да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир, в чистоте моих тайных помыслов в отношении тебя и клянусь в этом Кораном и душой моей дочери Нафисат, умершей в эти дни, которая была для меня из моих детей самой любимой. О царь! ответь на мою эту просьбу согласием.

А я—бедный дряхлый старик, искренне преданный вам Шамиль. 1866 год. Апрель 13, в Калуге».

В ответ на это было написано со стороны царя: «Благороднейшему превосходному ученому, величайшему совершенному другу—Шамилю—мир. Да не перестанет он быть сохраняемым телесно и душевно под взором попечения владыки всех сотворенных. А затем. Твое прошение, направленное его величеству нашему царю, сообщающее о твоём похвальном поступке в принесении клятвы верности со всей твоей семьей его величеству и величайшему престолонаследнику, уже прибыло своевременно. Однако некоторые обстоятельства задерживают на него ответ. Из этих обстоятельств (главное)—отсутствие в Петербурге его величества на время его

поездки в Москву и ее окрестности. В данное время, посылая это письмо, мы уведомляем тебя, что его величество, наш величайший государь оказал благосклонность и принял твою просьбу, в полной уверенности в том, что с принятием им тебя в число его подданных он найдет в тебе того, кто будет отличаться назидательным примером и преданностью интересам царским и всей России, этой твоей новой родины, соразмерно величине того, что постоянно проявлялось в отношении тебя из хорошего отношения и почитания. Он надеется также, что найдет твоих детей, сыновей и сыновей твоих сыновей таким народом, которому мы оказали милость. Губернатору Калуги уже отравили приказ о том, чтобы он поспешил с принятием присяги от тебя и мужчин из семьи твоего дома, в упомянутом городе по правилам мусульманского шариата. Для выполнения всего необходимого губернатору будет послано со стороны военного управления в Петербурге соответствующее указание.

Еще до смерти Чичагова¹ я в соответствии с просимым тобою выбрал необходимых посредников для принятия от тебя присяги. Однако лучший из добродетелей застиг нас неожиданно своим решением и удержал нас от исполнения этого дела. Я всячески стремлюсь выразить свое сожаление по поводу понесенной тобой утраты.

Но сейчас не осталось ничего, кроме надежды на то, что то, что было между вами обоими из искренней дружбы, случится вновь опять между тобой и тем, кто его замещает. Я прошу аллаха всевышнего, чтобы он сохранил тебя и содействовал тебе его помощью в выполнении твоего прекрасного намерения. С миром».

Была подпись «Милютин, военный министр. 1866 г. Июль 20-го».

Затем имам написал великому царю следующее письмо: «Я обещаю обещанием веры и клянусь всевышним аллахом, устройтелем всего. Истинно, я принимаю на себя обязательство в том, что я вместо со своими семьями будем вечными подданными, искренними и покорными славному из славнейших его величеству императору Александру Николаевичу, самодержцу всего российского государства и т. д. и т. д. и престолонаследнику его величества императора, его императорскому высочеству, государю цесаревичу Александру Александровичу.

Истинно, я не покину русское государство и не пойду в другую страну и не отправлюсь ни в какое иностранное государство, кроме как с высочайшего разрешения императорского величества и только лишь после получения специального на это приказа с его высокой стороны. Я не пойду в иностранное услужение. Я также

¹ Губернский воинский начальник г. Калуги генерал Чичагов.

не буду искренним-соучастником никому из врагов его величества в том, что приносит ущерб его императорскому достоинству и интересам великого государства. Истинно, я не пошлю никого с чем-либо тайным ни внутри русского государства, ни вне его. Я не сделаю ничего из того, что противоречит сущности достойного и верного подданного его царского величества. Истинно, я вплоть до последнего предела своих сил, возможностей и своего разумения со всеми моими правами и личными привилегиями, будь эти права и личные привилегии существующими уже или имеющими быть в будущем, принадлежу полностью власти его величества и его могуществу. Истинно, я буду стремиться также (как и прежде) их хранить и защищать во всей полноте. Истинно, я взял на себя обязательство в том, что я во всем этом не уклонюсь при нужде от положения своей жизни. Истинно, я буду постоянно прилагать все свои старания в несении бремени всего того, что случится в интересах искренней царской службы и на благо государства.

А что же касается любого вреда или ущерба, возможно могущих постигнуть интересы царского величества, и любой трудности и неурядицы, могущих его затронуть, то я обязуюсь не только стараться сообщать о них благоразумно и удерживаться от участия в них сознательно, но также сделаю все то, что в моих силах для устранения их и предотвращения их осуществления. А если же мне прикажут сохранять втайне следы тайны (?) или еще что бы то ни было, в то время когда интересы государства требуют сохранения этого втайне, то я обязуюсь всегда это соблюдать. И я не открою этого никому, кроме как лишь тому, кто уполномочен это знать или же был присутствующим при этом. В отношении всех этих клятв на мне лежит абсолютное обязательство. Я прошу аллаха всевышнего помочь мне телесно и душевно его помощью и добродетелью, дабы я был верен своей клятве. И здесь я великим целованием благородного Корана завершаю свою клятву. О боже, да будет так». Конец.

В ответ на это письмо со стороны великого царя было написано: «О превосходный и совершенный имам, умудренный опытом. Поздравляю тебя и благославляю тебя и твоих детей и желаю вам всякого добра от аллаха всевышнего и от людей. Он—владыка, оказывающий содействие. Амин».

Затем имам написал великому падишаху следующее послание:¹

¹ Этот и последующий документы Хабибуллах ал-Карахи ошибочно относит к числу писем Шамиля и царя. Судя по содержанию эти два документа представляют тексты речей, произнесенных очевидно после принятия присяги в дворянском собрании г. Калуги Шамилем и губернским предводителем дворянства Щукиным. (См. «Военный сборник», т. IX, сент. 1866 г., «Присяга Шамиля».)

«О славный, благодарю тебя от глубины сердца за твое поздравление меня с принятием присяги—этого великого дела в моей жизни. Я клянусь открыто перед аллахом и присутствующими здесь его рабами в том, что я всем, что есть во мне, благодарю и выражаю удовлетворение великому императору, владельцу милостей и щедрот для всего народа вообще и добродетеля для меня в особенности. Мое сердце наполнено этим. Я признаю и утверждаю перед аллахом всевышним и присутствующими здесь его рабами то, что великий император милостью и щедростью своей возобладал над всеми пятью чувствами. Я утверждаю в связи с этим, что каждому человеку, познавшему и постигшему щедрость и милости великого царя, нужно любить его и быть ему искренним подданным. Я, дряхлый старик, не могу проявить трудами своих рук всего того, что есть во мне из любви к великому царю, самодержцу российскому. Мне остается только молить аллаха о его государстве. Я прошу у всевышнего аллаха ему долговечной жизни на неисчислимо количество лет. И благословляю его и членов его благородного дома. Еще прошу всевышнего и славного со своей стороны ради своих детей,—чтобы он наградил их достаточной силой души и тела для приношения пользы их новой российской родине, той пользы, которую она ожидает от подобных им благородных. Я заканчиваю эти слова засвидетельствованием благородности от меня и от семьи моего дома. Я счастлив сейчас заявить об этом всем пред лицом здесь присутствующих. С миром».

Со стороны великого государя было написано ему в ответ: «О ты, благородный имам. Ты понял и постиг своей благородной душой милость твоего могущественного повелителя—императора, (убедившись) в том, что ты был побежден не только оружием, но побежден также и любовью к тебе. Ты поэтому, при помощи того, что подсказал тебе ум, признал то, что тот, кто победил тебя оружием, того же сердце одолело тебя милостью и щедростью. Беспредельна его щедрость и защита тебя и всех людей твоего дома.

О ты, в тебе произошла великая перемена. Ты до этого был суровым повелителем диких народов во вражде против России. Сейчас ты стал подданным, без лицемерия верным, спокойным и подчинившимся твоему добродетелю—нашему великому императору. Подобно этой перемена возможна только в человеке, подобно тебе великом, благородном и славном по своему существу. Да предопределит тебе аллах, о ты благородный, чтобы ты нашел покой и благорасположение щедрости нашего великого императора в полноте милости в богоспасаемом граде Калуге. Он (аллах) ведь также предопределил, чтобы ты принес твою клятву в доме дворянства, в котором всегда непрерывно друг за другом приносили

клятву наши дворяне в подданстве нашему великому императору и престолонаследникам. Я не сомневаюсь в том, что ты и люди твоего благородного дома после того, как вы все принесли клятву, станете наиболее благородными среди коренных русских дворян. Я—тот, кто является предводителем дворянства в Калуге,—приветствую тебя, о славный шейх, с завершением великого дела. Живи в досуге и на покое в городе, в котором почитают твою благородную особу. Я восхваляю твою прекрасную благоразумную жизнь. Живи подобной похвальной жизнью среди нас до конца. Хвали и прославляй щедрость и благородство ученых-царей, среди которых твой и наш великий император Александр II». Кончились письма.

ДОПОЛНЕНИЕ О ТОМ ВРЕМЕНИ, КОГДА ШАМИЛЬ ПОГРУЗИЛСЯ ВО ВСЯКОЕ БЛАГОДЕНСТВИЕ

В двадцать второй день месяца блага—сафара—1286 (4 VI 1869) г. Шамиль с его семьей русские отправили в Мекку, оставив у себя его старшего сына Гази Мухаммеда с его женой. Шамиль требовал, чтобы Гази Мухаммеда отпустили с ним, но они не согласились.¹ Шамиль сел на судно в Анапе в тот день через два часа после полуденной молитвы. Он отправил сообщение об этом из Анапы по протянутой нитке, называемой—телеграф. Сообщение достигло Темир-хан-шуры через 4 примерно часа, после полудня того же дня. И хвала аллаху, заставляющему трудиться тварь для твари. Посмотри, что из двух вещей наиболее удивительно?—Доставка ли сообщения из Анапы в Темир-хан-шуру в течение примерно 2 часов, а пути между этими двумя городами около 2 месяцев ходу торгового (каравана), или же посылка царем Шамиля таким образом в хадж?

Сказал поэт: «Если милосердный почтил раба могуществом своим, то никогда никакое создание не сможет его унижить». И сказал другой: «Если владыка царства помогает своему рабу, то приказы его обязательны даже для свободных».

Передают из русских газет о том, что когда судно Шамиля достигло стороны Стамбула, то он послал к его присутствию падишаху ислама двух своих товарищей, чтобы они попросили у него разрешения остановиться на его земле. Падишах разрешил с радостью и почтением. Когда Шамиль сошел с судна, его встретили из великих и знатных настолько неисчислимое (количество), что большинство их брали за руки в знак приветствия тех, кто в свою

¹ В рукописи К этого рассказа нет.

очередь здоровался до этого с Шамилем. Когда Шамиль остановился, то находившееся там посольство русского царя приготовило стол для его угощения. Они просили его принять это угощение. Шамиль им сказал: «Истинно, ваш падишах угощал и кормил меня до сего дня лучшим образом. Сейчас же я—гость падишаха ислама», и он пожелал им счастья и восхвалил их.

И когда Шамиль остановился в Стамбуле, жители его обрадовались большой радостью. Имам приготовил ему величайший дом, который купил за 6500 кыршей, и Шамиль жил в нем. Великий имам давал Шамилю ежедневно 5 туманов. Там Шамилю показали редкости сокровищ падишаха Стамбула.

Из наиболее удивительного, что он видел в Стамбуле,—жернов, который вертится, а из-под него сыплется множество маленьких тонких иголок уже с просверленным ушком. Затем его повезли на море, чтобы показать махмудовское судно. Оно имело внешний вид как бы карбаса и было усеяно множеством точек вследствие обилия пробоин от пушечных ядер, выпущенных по нему, которые были зачинены белым железом. Когда увидел его Шамиль с тем, что было внутри, он сказал: «Это—не судно, это—селение! Но как же на нем сражаются, когда не видно берега?» Вдруг судно закричало «кар-кар» и поднялось вверх так, что стал виден берег. Когда оно поднялось, Шамиль шутя сказал находившимся с ним: «Эти сбросят нас в море».

Его там спросили: «В чем ты можешь больше всего соперничать со Стамбулом из того, что ты видел, т. е. из бывших в твоей жизни событий?» Шамиль ответил: «Соперничаю в храбрцах, которых я оставил среди жителей гор Дагестана. Бывало один из них противостоял войску из врагов». Конец.

Доказательство этому в том, что рассказывают о русском царе. Когда он направился на Гуниб, его встретили горская знать и их помощники на царском железном мосту. Царь похвалил их, сказав: «Шамиль был доволен вами и я буду доволен вами». Конец.

Рассказал нам один товарищ Шамиля, который был с ним в этой поездке: «Когда шейх Шамиль пребывал в Стамбуле, к нему пришел один обревший себе там родину дагестанский ученый, негодую на то, что сделал Шамиль. Мы, сотоварищи Шамиля, принялись уговаривать его. Тогда Шамиль сказал: «Позовите его, ибо он пришел (очевидно) по какому-нибудь делу». Этот ученый говорил Шамилю об убийстве людей и захвате богатств. Шамиль ответил ему указаниями в книгах предписаний, которые оправдывают его поступки. Пришедший вынужден был замолчать и удалился.

Шейх Шамиль узнал о том, что падишах ислама снаряжает войско против Исмаила-паши египетского, который возмутился против падишаха, отказавшись доставить то, что тот требовал от него из больших пушек, которые находились в руках Исмаила.

Шамиль попросил отложить это дело до тех пор, пока он не явится к этому паше. Падишах принял просьбу Шамиля.

Затем, когда Шамиль явился к Исмаилу, тот оказал ему почтение, сошел со своего трона и усадил на него Шамиля. Затем Шамиль говорил с ним в отношении этого дела и сказал в заключение: «Не надлежит, чтобы был между вами обрями спор, которому радуются неверные».

Исмаил-паша сказал Шамилю: «Я сделаю то, что ты мне прикажешь». Шамиль сказал ему: «Я думаю, что тебе нужно послать к нему твоего сына». И Исмаил послал. И когда к падишаху прибыл этот сын Исмаила, то все обрадовались и проявили радость многократной стрельбой из пушек. Дочь падишаха была выдана замуж за этого сына Исмаила, в связи с чем и в Египте была проявлена радость таким же образом.

В один из дней к Шамилю пришел ученый из египтян и говорил с ним в отношении убийств. Шамиль ему ответил: «Истинно, мы совершали это в соответствии с тем, что (написано) в книгах шариата».

Тогда этот ученый сказал: «Если это было так, то добре тебе». Затем Шамиль приказал подать книги. Их принесли в мешке, который несли 2 человека. Шамиль показал ему в них доказательство, оправдывающее то, что он совершал. Этот ученый был удовлетворен и признал (достоинства) Шамиля.

Затем, когда приблизился отъезд, Исмаил-паша помог Шамилю многочисленными щедрыми подарками.

Затем, когда судно достигло места потопления фараона, вдруг ночью на море поднялись волны. Управитель судна пожаловался Шамилю. Тогда Шамиль дал одному своему товарищу написанную записку и приказал ему бросить ее в море, не прикасаясь ею до судна. Он бросил, и море успокоилось. Мы нашли весть об этом же достигшей Александрии и шерифа Мекки раньше еще того, как сошли с судна».

Кончилось то, что сообщил нам этот товарищ, а аллах всевышний более сведущ.

Шейх Шамиль жил в Стамбуле, в то время когда остановился там при поездке в хадж, 6 месяцев, ожидая приглашения великого имама, а имам ждал, когда Шамиль попросит у него разрешения явиться к нему. А когда исполнилось 6 месяцев и Шамиль захотел поехать для посещения Мекки, то он отправился к великому имаму попрощаться. Когда Шамиль вошел к нему, он взял его

руку и поцеловал ее, а великий имам также поцеловал руку Шамиля. Русская знать говорит, что подобного дела не случилось до сих пор и не произойдет в будущем. Имам дал Шамилю 3 тысячи кыршей для расходования на нужды его поездки и поездки тех, кто был с ним из паломников, слуг и семей. А с Шамилем было 500 паломников, 16 слуг и семья Шамиля; 2 его жены—Захидат, дочь Джемаль ад-Дина, Шуаванат, христианка, 4 дочери и маленький сын по имени Мухаммед Камиль.

Ему снарядили наибоьстрое судно, называемое «пароход». Шамиль отправился для посадки на судно, а его сопровождали шейхул-ислам и прочая знать из известных людей, чтобы помочь при посадке и проводить.

Те, кто был с Шамилем, говорили, что он не вернется ни в Стамбул, ни к русским, а возвратится из хаджа в Медину и будет жить там до тех пор, пока не умрет, однако это не вышло из его уст.

Здесь конец того, что сообщили нам русские газеты. А он же, как говорят сейчас, т. е. в месяце шаабане 1287 (X—XI 1879) г. находится в Медине, сообразно тому, как мы уже слышали, да вознаградит нас и его аллах хорошим концом жизни. В этом 1287 г. русский царь отпустил Гази Мухаммеда, сына шейха Шамиля, сроком на 6 месяцев для посещения отца и Мекки. Но Гази Мухаммеду не удалось уехать к своему отцу из Стамбула вследствие преграждения пути оттуда в Медину арабами-кочевниками: Тогда он отправился в славную Мекку.

Семья Шамиля считала нездоровым для себя климат Медины; там умерли две его дочери. Они неоднократно просили о переезде в Стамбул, но шейх Шамиль обычно говорил следующее: «Самая приятная для меня вещь—умереть здесь, так ради чего же мне переезжать в другое место». Он был болен некоторое время и в зул-хиджже этого 1287 г. шейх Шамиль представился к милости аллаха всевышнего. Он был с возвеличением и почетом похоронен в саду ал-Бакия среди почитаемых могил, к которым совершается паломничество, подле могилы Аббаса. Известие о его смерти пришло к Гази Мухаммеду в славную Мекку. Он произнес: «Истинно, мы от аллаха и к нему возвращаемся», а затем заплакал. Он стал произносить эту фразу и плакать до того, что его глаза покраснели и распухли. Затем он устроил поминки для всех паломников-дагестанцев и сказал им следующее: «Мой отец владел этой страной (Дагестаном), и когда вы достигнете вашей родины, то требуйте от ее жителей, чтобы они совершили по нем заупокойную молитву и чистосердечно простили все то, чем он их огорчил». Затем Гази Мухаммед сказал паломникам: «Истинно, я пленник русского царя, так помолитесь же за меня, чтобы избавил меня

аллах всевышний от этого плена». Затем Гази Мухаммед достиг Медины и посетил места паломничества, прежде чем посетить могилу своего отца. Рассказывают, что он сейчас намеревается перевезти семью своего отца в славную Мекку по приказу шерифа Мекки, ибо Шамиль завещал этому шерифу (заботы) о своей семье. Затем Гази Мухаммед вернулся во владения русского царя так, как было условлено. Но царь отослал его с семьей для услужения семье его отца.

Передают, что русский царь дал Гази Мухаммеду в услужение 4 юношей и для услужения его жене—4 девушек и что он посылает ему и семье его отца обильное вознаграждение для его существования: 300 тысяч ему и 300 тысяч кыршей семье Шамиля. И он сейчас в 1289 (1872/73) г. в Стамбуле с его семьей и семьей его отца возвеличен и почитаем у щедрых.¹

Сообщил Гази Мухаммед этому редактору в Медине о том, что Шамилю было разрешено отправиться в хадж и для посещения святых мест при условии возвращения после совершения того и другого обратно к русскому царю, а не навсегда. Сообщила Гази Мухаммеду в Медине его сестра Каримат, которая была со своим отцом в хадже и при посещении им святых мест. Она сказала, что ее родитель Шамиль, да помилует его аллах всевышний, отправился однажды в мечеть пророка в Медине. Он вернулся оттуда с изменившимся цветом лица, как будто бы он был болен. Она спросила его о здоровье. Шамиль ответил: «Я молился аллаху всевышнему напротив Рауда о том, чтобы он не разлучал меня с этой местностью и местом и мне появилось там какое-то видение и изменилось здоровье и у меня сейчас легкое недомогание. Если ты встретишься с Гази Мухаммедом, то сообщи ему эту весть и не сообщай никому другому, кроме него».

Он находился в таком положении несколько дней, а затем умер. Конец.

Передал хаджи Абдуллах, внук хаджи Абд ар-Рахмана ас-Сугратли, со слов шейха имама блестящего, ученейшего нашего господина, полюса людей тариката и опоры людей шарията Ахмеда ал-Мадани ар-Ригуни следующее: «Когда этот известный шейх, воин за веру, подкрепляемый помощью аллаха, победоносный Шамиль увидел купол миров (т. е. своды мечети в Медине) и худжру² сейида посланцев, то в изобилии потекли его слезы,

¹ Рукопись К здесь обрывается. Были, очевидно, 1 или 2 листа продолжения, которые не сохранились. Дальнейшее изложение приводится только по рукописи А.

² Худжра—маленькая комнатка; моельня, келия. По преданиям, при соборной мечети в Медине находится худжра, в которой пребывал и молился Мухаммед.

вздыхались его вздохи и он покорно и смиренно сказал языком, трепещущим от волнения сердца: «О владыко, о мой господин, если мое намерение, мои старания, усилия и мое сражение за веру перед тобою чисты и находят одобрение у твоего посланца, то не удаляй меня от соседства с твоим пророком, дай мне умереть в храме твоего любимца, покажи мне его лицо, награди меня его любовью, воскреси меня среди постоянно находящихся при нем и не лишай меня его заступничества».

Затем, в 1287 г., он стоял напротив благородной горницы в последнюю треть ночи великих ночей (т. е. месяца рамадана), усердно прося с покорностью и сокрушением, чтобы он (аллах) показал ему еще до его смерти своего избранного любимца, слабым голосом, стоная и рыдая со слезами, льющимися из томящегося сердца. И открылся ему вид тайны бытия и обнаружился ему духовный облик владельца достохвального места стояния. Он принялся целовать его благородную руку по его указанию, и говорил с ним (пророк) ясной и членораздельной речью. Стала благоуханной душа его, состояние его стало безмятежным, благодаря обширности потока милостей и божественных сияний. Благородный Рауда заблестал этими сияниями. И он вернулся к своей семье; все члены его тела трепетали от страха перед тем, что он только что видел, его сердце волновалось и билось от растерянности пред этим, а слезы текли потоком.

После этого события его постигла слабость, увеличение болезни и стремление к владыке всего сотворенного. Приход посланца аллаха проник в его душу, и он ни о чем не вспоминал в своих думах, кроме как о нем.

Затем в ночь заклания¹ этого 1287 (4 III 1871) г. он переселился к чистоте его милосердия. Его похоронили в саду ал-Бакия за надгробным мавзолеем Аббасидов». Конец.

Передавал упомянутый Абдуллах со слов этого шейха о том, что собравшиеся для молитвы на его похоронах жители Медины из ученых, суфиев и мистически настроенных людей плакали и говорили: «О султан ислама! О венец сражающихся за веру и защитник религии, смерть твоя—великое бедствие». К его трупу столпилось на местности ал-Бакия ал-Гаркад, желая снискать благословления, неисчислимо множество народу. И вдруг заговорили его останки, когда достигли ал-Бакия: «О могила моя, будь светом для души моей и (райским) садом для моего спокойствия». Конец.

¹ «День заклания»—десятый день месяца зул-хиджжа, в который в долине Мины близ Мекки пилигриммы приносят жертвы.

Передавал мне человек, заслуживающий доверия, мой гость, рассудительный Исхак ал-Урмави из равнины со слов одного хаджи, идущего по пути учения шейха тариката Яхсави, о том, что когда умер шейх Шамиль, да будет свята его душа, в Медине, то его тело принесли к месту нахождения благородной могилы (т. е. могилы Мухаммеда), да будет молитва аллаха над прославившим ее, и оставили его для молитвы над ним. Старший из шейхов призывал благословление аллаха, а все остальные заключали «амин».

Этот старший из шейхов сказал (обращаясь к могиле Мухаммеда) следующее: «Поистине, этот шейх Шамиль приложил все свои усилия для распространения твоего шариата, ради которого ты был послан. Он справедливо сражался на пути аллаха всевышнего за веру, для возвеличения религии твоей до тех пор, пока не пленили его враги. Затем он спасся, (укрывшись) в священном доме аллаха и местопребывании твоей благородной могилы. И, истинно, мы все присутствующие, ища у тебя заступничества для него и свидетельствуя в его пользу об этом упомянутом (приложении всех усилий Шамилем), все до единого—перед тобой. Итак прими же это свидетельство от нас и возьми его (и поставь) перед собою для заступничества перед твоим благородным подателем владыкой». Конец.

Гази Мухаммед сказал редактору в Медине: «Когда заболел Шамиль в Медине, весть об этом была послана ко мне и пришла в тот город, где я находился, однако мне не давали знать об этой вести, а скрыли ее от меня. Когда же я о ней узнал от некоторых людей, то я потребовал от них (русских) разрешение на поездку к родителю, и они мне разрешили». Конец.

Затем Гази Мухаммед спасся из плена (русских) и жил в Медине с семьей своего отца, оказывая гостепримство посетителям из паломников и помогая деньгами нуждающимся. Затем он умер в 1321 (1903—1904) г. в Медине.

ДОПОЛНЕНИЕ, ОБРАЩАЮЩЕЕ НА СЕБЯ ВНИМАНИЕ

Шейх Шамиль был создан для обновления религии в этом краю и разрушения строений творящих пороки. И после того как он был схвачен, стали группа за группой и снова группа за группой следовать по его пути, и они попадали в трудное положение.

Затем в 1294 (1877) г. пришла в движение таким же порядком межусобица Сугратля и их последователей и объяли их бедствия, ломались спины. Этими несчастьями отягощались ученые и верные. Поистине, мы от аллаха и к нему возвращаемся. Хвала

тому, кто остается вечно и кто вновь возвращает на утро все так же, как он это начал. Как далек твой владыко, владыко величия от того, как они его описывают. Мир над посланниками и хвала аллаху, владыке миров. Молитва аллаха и мир над посланцем его Мухаммедом, его семьей и всеми его сподвижниками. Хвала аллаху, владетелю миров.

Завершилось редактирование этой книги при содействии подателя, высшего владыки, рукою дряхлого Хабибуллаха, сына автора Мухаммеда Тахира ал-Карахи Дагестанского.

И то, что найдешь ты, читатель, в этой копии не согласующимся с оригиналом в части пропусков, замены и дополнений, то все это заведомо и предумышленно в интересах дела. И я прошу славного аллаха посодествовать мне придерживаться твердой религии и сделать меня (находящимся) среди благочестивых, присоединить меня к борцам за веру и искренним. О боже, прости нас, наших отцов, матерей, наши семьи и всех мусульман. Хвала аллаху, владыке миров, молитва его и мир над господином посланцев всякий раз, когда вспоминают его вспоминающие и пренебрегают упоминанием его пренебрегающие. В зул-хиджже 1321 (II-III 1904) г.

ДОПОЛНЕНИЯ РЕДАКТОРА КНИГИ

Именем аллаха милостивого и милосердного, хвала аллаху высокому и всевышнему подателю, молитва и мир над тем, кому дарована мудрость и разрешение споров—Мухаммеду с его семьей и сподвижниками, которые сражались и употребляли все старания для возвышения религии и распространения справедливости.

А затем. Эти немногие листки, которые написал Хабибуллах в надежде, что ими воспользуются рабы аллаха, подобало бы назвать «Разъяснением выражений, (употребляемых) в «Книге битв», которую составил мой покойный родитель, известный ученый Мухаммед Тахир ал-Карахи Дагестанский, да будет благосклонен аллах всевышний к жителям его (Дагестана) и помилует своими щедротами и милостью своего посланника, владетеля заступничеств, который сказал: «Старания по намерениям». Амин.

Причина составления этой книги (заключается) в том, что имам Шамиль, да помилует его аллах всевышний, говорил раз за разом Мухаммеду Тахиру: «Я хотел бы собрать рассказы про случившиеся в мое время события; однако я не могу найти досуга для этого по занятости всякими делами и войнами», Затем зимой

одного года он посетил его в своем доме в Дарго. Они сходились в сумраке в одной комнатке, и Шамиль диктовал и рассказывал про случившееся на неарабском языке, а Мухаммед Тахир переводил на арабский и записывал днем, что тот тогда рассказал. Для события, при котором сам Шамиль не был, он призывал явиться того, кто был при этом событии, для того чтобы он рассказал, а Мухаммед Тахир записал. Так он составил книгу до конца главы о возвращении Джемаль ад-Дина, сына имама, к нему из рук неверных. Затем оттуда до конца он собрал ее сообразно с тем, что узнал и услышал от людей, за исключением того, что я добавил из посланий имама и падишаха или изменил в интересах дела.

Мюрид—на языке тех, кто находился в государстве Шамиля,—это тот, кто трудится под управлением шариата и подчиняется ему хотя бы внешне. Мунафик, или то же самое муртадд (отступник),—тот, кто склонился к врагу или неверному или убежал к нему или жил под его управлением, хотя бы он и был искренним правоверным. В этих двух значениях употребляются эти слова в «Книге битв...» в различных местах.

Рассказ. Сообщил мне родитель, да помирует его аллах всевышний, о том, что однажды он, Шамиль и один его товарищ были в худжре. Шамиль сказал наблюдающему: «Истинно, какой-то человек у двери сокрушает меня. Посмотри, кто это там».

Тот вышел, затем вернулся и сказал: «Истинно, там такой-то». Тогда Шамиль сказал этому наблюдателю: «Скажи ему, пусть уйдет от двери. Истинно, я дам ему то, что он требовал от меня раньше».¹

¹ Дальше сразу же без всякого пояснения начинается глоссарий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава о взятии крепости Ансаль	3
Глава о переселении жителей аварских селений путем разрушения их с родных мест и жилищ	8
Глава о взятии крепости Гергебиль, осаде крепости Темир-хан-шура и прочем	11
Глава об изгнании русских из Хунзаха и осада их в укреплении Зыраны	12
Глава о взятии крепостей Янги-юрт, Цубут, Миатлы и Гельбок	13
Глава о набеге Амир-Хана в Эрпели и Каранай	15
Глава об уходе жителей Чиркея из своих родных мест	17
Глава о выступлении имама в Акушах	19
Глава о походе Данияль-Султана для взятия селения Чох и о сожжении этого селения	20
Глава о великом сражении в 1261 (1845) г., в котором был бит Воронцов и обратился в бегство с позором и огорчением	22
Глава об уходе имама из селения Анди после его сожжения и о том, что произошло после	24
Глава о приходе русских в старое Дарго и о начале борьбы против них	26
Глава о сражении в Бальгите	28
Глава об отступлении русских из Дарго	28
Глава о сражении в Шамхаль-Бирди	29
Глава о приходе русских в Карах	34
Глава о поселении в новом Дарго	35
Глава о сборе имамом войск для похода в Черкесию	35
Глава о сражении в Кутиши	37
Глава о сражении в крепости Салатау	41
Глава о сражении в крепости Гергебиль	44
Глава о нападении на Ахди	45
Глава о сражении в крепости Чох	50
Глава о первом сражении в Шали	55
Глава о назначении Гази Мухаммеда, сына имама, наибом	55
Глава о втором, третьем и четвертом сражениях в Шали	56
Глава о втором, третьем и четвертом набегах на Хайдак и Табасаран	56

Глава о набегах Бук Мухаммеда	59
Глава о сражении в Чаре	60
Глава о благословенной битве в Грузии	61
Глава о возвращении к имаму его сына Джемаль-ад-Дина	64
Глава о начале бедствий и испытаний для Шамиля и его единомышленников	68
Глава о сражении в новом Дарго	69
Глава о большом бедстве и великом несчастье для всего Дагестана, заключающихся в том, что Шамиль подпал под власть русских	70
Дополнение	75
Глава о судьбе Данияль-Султана	79
Заключение в прекрасных стихах и правдивых словах превосходного Хаджи Мухаммеда, сына Хаджи ал-Хафиза Абд ар-Рахмана ас-Сугратли	82
Другое заключение	95
Дополнение о возвеличении и почтении, оказанных имаму Шамилю и его спутникам	97
Глава с упоминанием о поездке имама Шамиля к великому царю	103
Заключение о том, что осталось	107
Глава о выпрямлении искривленных от природы ног дочери имама Шамиля Наджабат	109
Письмо Джемал ад-Дина к Шамилю	110
Остаток из диковинок города Петербурга	111
Дополнение о том времени, когда Шамиль погрузился во всякое благоденствие	116
Дополнение, обращающее на себя внимание	122
Дополнения редактора книги	123

instituteofhistory.ru

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Перевод с арабского **А. Барабанова**
Издатель: Общество книголюбов Дагестана
Кооператив «Сангар»
Ответственный за выпуск **Х. И. Ильясов**
Тех. редактор **А. П. Асаев**

Сдано в набор 15.10.90 г. Подписано в печать 15.01.91 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 7,66. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литера-
турная». Печать высокая. Зак. 1462. Тираж 6500. Цена 3 руб.

Тип. МСХ и продовольствия ДАССР.
Махачкала, Маркова, 18.